

Олег
СМЫСЛОВ

**ВОЕННЫЙ
АРХИВ**

Олег
СМЫСЛОВ

СТЕЦАН БАНДЕРА

«Икона»
украинского
национализма

**В
Д**

СТЕЦАН БАНДЕРА
«Икона» украинского национализма

ВОЕННЫЙ АРХИВ

О.С. СМЫСЛОВ

СТЕПАН БАНДЕРА

«Икона» украинского национализма

Москва
«Вече»

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(2)62
С50

Смыслов, О.С.

С50 Степан Бандера. «Икона» украинского национализма / О.С. Смыслов. — М. : Вече, 2014. — 288 с. : ил. — (Военный архив).

ISBN 978-5-4444-2298-4

Знак информационной продукции 12+

Эта книга рассказывает о жизни, борьбе и смерти вождя украинских националистов и ярого врага России Степана Бандеры. Кем был человек, которого сначала сделали Героем Украины, а потом лишили этого звания? Был ли он борцом или обыкновенным преступником? На эти и другие вопросы отвечает в своей новой работе Олег Смыслов.

Книга издается в авторской редакции.

**УДК 94(100-87)
ББК 63.3(2)62**

ISBN 978-5-4444-2298-4

© Смыслов О.С., 2014
© ООО «Издательство «Вече», 2014

ОТ АВТОРА

Эта книга написана прежде всего для тех, кто практически ничего не знает о Степане Бандере, Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА).

Но хочу лишь подчеркнуть: про Степана Бандеру невозможно было писать в отрыве от борьбы ОУН, так как в таком случае его биография как лидера этой организации будет слишком краткой и не особенно содержательной. Иначе, что можно рассказать про человека, который из 50 прожитых лет только первую половину своей жизни провёл на исторической родине, а всё остальное время вдали от неё? Да и жизнь его была почти всегда жизнью конспиративной или изолированной от общества. Кроме того, не оставил он и полного собрания сочинений ввиду отсутствия такового. Написанная же им автобиография совершенно далека от обычных воспоминаний.

Источники, которыми я пользовался, при желании общедоступны, но в том-то и заключалась вся трудность работы, чтобы, отталкиваясь от двух сторон аргументов, не поскользнуться на заведомой лжи. Последняя, что не удивительно, сегодня встречается весьма часто.

Как бы то ни было, но лично мне хотелось написать эту книгу максимально объективной, учитывая прежде всего политический аспект этой темы. Это одна из самых дразнящих сегодня тем, вновь разделяющих украинское государство, потому что вокруг противоречивой личности Бандеры то и дело возникают скандалы и конфликты.

Глава 1

УНИВЕРСИТЕТЫ

Не зря говорят, что каждая историческая эпоха рождает своих героев! История Украины в этом плане показательна. Там никогда не было ни королей, ни монархов, ни царей.

Но там были и есть свои герои. Одних выбирает время, а других со временем власть.

Все мы помним Нестора Махно. Пусть не всё знаем про него, но имя очень и очень известное, хотя бы по литературе, по истории, по художественным фильмам.

Нестор Махно в своё время был подлинным символом народного движения Юга России и Украины. Долгое время его отряды (повстанцев), воюя и с красными, и с белыми, и с петлюровцами, и с интервентами, не просто успешно сопротивлялись, но и одерживали победы. Его движение, которое называют не иначе как «махновщиной», за десятилетия обросло и преданиями, и фольклором. А уж на родине бывшего атамана — на Левобережной Украине — и вовсе на века осталось в памяти народной.

Скончался Нестор Иванович в больнице для неимущих в Париже 25 июля 1934 года.

Удивительно то, что тогда место на кладбище было оплачено анархистами сроком на 50 лет, а в 1984 году неизвестный человек оплатил место ещё на 50 лет, до 2034 года.

Почему сегодня Нестор Иванович Махно не герой Украины?

Все мы помним Симона Петлюру — семинариста из Полтавы, который наследовал романтический образ «вольного казачества» и «казацкой Украины», сформированный в литературе ещё Шевченко и Гоголем. В своё время он продолжил процесс создания украинской нации. Считается, что, даже потерпев поражение, Петлюра благодаря своей борьбе, в сущности, предопределил эволюцию советской власти в Украине. Той пришлось в итоге отказаться и от политики русификации и непризнания Украины. И наоборот, перейти к украинизации, к развитию украинской культуры, к закреплению государственного понятия «Украина». 25 мая 1926 года в дешёвом ресторанчике его убил Самуил Шварцбард из восьмизарядного «Мелиора» калибра 7,3 мм. Прах Петлюры покоится на самом маленьком, но престижном кладбище в Париже — Монпарнас.

Почему сегодня Симон Петлюра не герой Украины?

Этот список можно было бы продолжить ещё, но коли речь в этой книге пойдёт о «подлинном герое» Украины, то нам следует повернуть голову в сторону Западной Украины, в Ивано-Франковскую область. Там в селе Старый Угринов Каушского повета в Галичине, которая до конца октября 1918 года входила в состав Австро-Венгерской империи родился Степан Андреевич Бандера — 1 января 1909 года. В переводе на современный язык, как говорят специалисты, «бандера» означает «знамя»...

Отец Степана — Андрей Бандера был грекокатолическим священником в том же селе и происходил из Стрия, где родился в семье мещан-хлеборобов Михаила и Розалии Бандер (Белецкая её девичья фамилия). К слову, «мещанами-хлеборобами» считались люди, которые жили в небольшом городе и имели на его окраине кусок земли, на котором выращивали сельскохозяйственные культуры.

Мать, Мирослава, была дочерью священника из Старого Угринова — Владимира Глодзинского и Екатерины (Кушлык её девичья фамилия). Именно отец Степана Бандеры сменил тестя в Старом Угранове.

В семье, кроме Степана (второй ребёнок), было шестеро детей: три сестры (Марта-Мария, Владимира, Оксана) и три брата (Александр, Василий, Богдан).

Собственного дома у них не было, поэтому они жили в так называемом служебном доме.

Глава семьи окончил богословский факультет Львовского университета. Имел большую библиотеку. Частыми гостями в его доме были интеллигенция, общественные деятели и деловые люди. Среди таковых обычно называют скульптора М. Гаврилко, депутата австро-венгерского парламента Я. Веселовского и предпринимателя П. Глодзинского. Например, Глодзинский был одним из основателей украинских организаций «Маслосоюз» и «Сільський господар».

По воспоминаниям самого Степана Бандеры, рос он в доме, в котором царила атмосфера украинского патриотизма, живых национально-культурных, политических и общественных интересов.

Андрей Михайлович Бандера, по мнению сына, активно участвовал в освободительной борьбе. Во время украинско-польской борьбы служил военным капелланом в украинской Галицкой армии, был членом Украинской национальной рады в Станиславе.

Из истории известно, что Первая мировая война разделила украинский народ на две противоборствующие стороны. И если всё население и все украинские партии Левобережной Украины (кроме большевиков) поддержали русского царя и его правительство (поддержали войну против Германии и Австро-Венгрии и часть Социал-демократической

партии во главе с Петлюрой), то одновременно в Вене созданный там «Союз освобождения Украины», призвал всех людей украинской национальности к войне против России. А через несколько лет после отречения царя к власти придёт Временное правительство. Именно оно будет вынуждено признать Центральную раду высшей властью Временного правительства в Украине. Рада осудит Октябрьскую революцию в Петрограде и захват власти большевиками. И в ответ провозгласит Украинскую Народную Республику. Однако это будет не вся Украина. В сельскохозяйственных регионах власть принадлежала Центральной раде, а в промышленных — Советам большевиков (1-й Всеукраинский съезд Советов в Харькове в декабре 1917 года провозгласил образование Украинской Советской Республики).

Когда во время брест-литовских переговоров молодой Советской республики туда по приглашению немцев приехала делегация Центральной рады, то Германия признала её власть легитимной, а Украину — самостоятельным государством. Германия и Австро-Венгрия пообещали Раде военную помощь в обмен на поставку миллиона тонн зерна, а также большого объёма другой сельхозпродукции. При этом немцы и австрийцы ввели на территорию только что признанной «независимой и суверенной» Украины свои войска. Но уже через два месяца после переговоров в Брест-Литовске Рада была низложена, потому что она не смогла обеспечить обещанные поставки продукции тем, кто недавно признал её легитимность.

Вместо Рады немцы выдвинули правительство гетмана Скоропадского. Но его политика была изначально обречена отсутствием поддержки в Украине. Вспыхнувшая революция в Германии помогла оккупантам начать вывод своих войск, и тогда в Украине появляется новый верховный орган — Директория во главе с Петлюрой, хоть и продержав-

шаяся у власти меньше двух месяцев, но всё же возглавившая борьбу с гетманом Скоропадским.

В феврале 1919 года правительство Директории бежит из Киева, а туда входят части Красной Армии.

Провозглашённая в 1918 году Западно-Украинская Народная Республика (ЗУНР) просуществовала всего восемь месяцев, успев только установить связи с Украинской Народной Республикой и заключить предварительный договор о воссоединении.

Благодаря победившей революции в Германии и Австро-Венгрии Западной Украине удалось избавиться от господства этих государств. Однако, даже имея сильную Украинскую галицийскую армию, ЗУНР не смогла устоять перед гораздо более мощными и хорошо обученными польскими войсками. И, таким образом, снова оказалась раздробленной на части. Западная Украина находилась под Польшей, Закарпатская Украина — под властью Чехословакии, а Буковина продолжала оставаться в составе Румынии.

В Первую мировую фронт четырежды проходил через село семьи Бандер. Дом частично был даже разрушен. Потом Гражданская война. Снова смерти, горе и страдания... Белые, красные, петлюровцы, махновцы — все воевали против всех. Потом была неудачная война Советской России с Польшей, когда в 1920 году она была вынуждена уступить последней по её требованию Волынь, Полесье и некоторые другие регионы северо-западных земель.

Вот и отец Степана Бандеры служил в Украинской галицкой армии. Воевал с белыми и красными на Надднепрянщине, возвратившись в Галичину только летом 1920 года. Семья же священника-капеллана лихолетье пережила в Ягольницах, близ Черткова. И только после прихода поляков в сентябре 1919 года она вернулась в Старый Угринов.

Известно, что начальное образование Степан Бандера получал дома, от отца и от приходивших на дом учительниц. Проблема заключалась в том, что, с детства страдающий ревматизмом суставов, Степан длительное время лежал в больнице.

Осенью 1919 года он поступает в украинскую гимназию классического типа в Стрые, обучение в которой проходило под строгим надзором польских властей (в 1920 году Западная Украина была оккупирована Польшей, а в 1925 году гимназия стала польской).

Уже начиная с четвёртого класса, Степан зарабатывал средства на собственные расходы, давая уроки младшим ученикам. Жил он в доме своего деда и с третьего класса состоял в «Пласте» — организации украинских скаутов. В четвёртом классе Бандера вступил в подпольную организацию школьников средних классов, которая была тесно связана с Украинской военной организацией.

«Пласт» — это национальная скаутская организация Украины или украинское скаутское движение, возникшее в 1911 году на территории Украины, находящейся тогда в составе Австро-Венгрии. 12 апреля 1912 года во Львове состоялось первое принятие пластовой присяги (день рождения «Пласта»). Приветствие — СКОБ! (Сильно, Красиво, Осторожно, Быстро.) Деятельность пластунов основывалась на трёх пробах.

В первой было необходимо выучить основы организации, приобрести форму пластуна, пройти первый лагерь. Во второй — углубить полученные раньше знания и приобрести новые, хорошо показать себя и подготовить несколько самостоятельных гутирок (лекций).

В третьей — провести девять самостоятельных проектов: лагеря, акции в городе, социальная работа и т.д.

В гимназии хотя и было заложено в учебную программу обязательное украинское национальное содержание, всё-таки

главное национально-патриотическое воспитание гимназисты получали в школьных молодёжных организациях: как легальных, так и нелегальных кружках. Например, там занимались сбором средств для поддержки украинских периодических изданий и бойкотом мероприятий польских властей.

К слову сказать, в гимназии преподавали греческий и латинский языки, историю, литературу, психологию, логику и философию. В общем, давали неплохое образование.

Весной 1922 года от туберкулёза умирает мать Степана. Огромное потрясение для всей семьи в каких-то происходивших там разговорах связывало эту смерть непременно с оккупацией Галичины. Ведь тогда же украинское большинство Восточной Галичины отказывалось признать законность польских властей над собой. В 1921 году бойкоту подвергалась перепись населения, не говоря уже про выборы в польский сейм в год смерти матери Степана.

Сам Степан состоял членом 5-го Куреня украинских пластунов (скаутов), а в 1927 году, успешно сдав экзамены на аттестат зрелости, перешёл в Курень старших пластунов «Червона Калина».

После окончания гимназии Степан Бандера собирался поступать в Украинскую хозяйственную академию в Подебрадах (Чехословакия), но по каким-то причинам не смог получить паспорт для выезда за границу. Вернувшись к отцу, он «занимался хозяйством и культурно-просветительской деятельностью в родном селе (работал в читальне «Просвіта», руководил театрално-аматорским кружком и хором, основал спортивное товарищество «Луг», участвовал в подпольной организации кооператива). При этом проводил организационно-воспитательную работу по линии подпольной УВО в соседних сёлах».

«Просвіта» — первая организация с таким названием возникла 8 декабря 1868 года во Львове, когда народовец

А. Вахнянин собрал 60 местных студентов и создал «организацию для изучения и просвещения народа».

В Галичине, где власти Польши проводили политику ликвидации украинства, украинские школы закрывались, а вместо них открывались частные, например, на деньги униатского митрополита Шептицкого. По донесениям польской полиции, почти все активисты «Просвіты» одновременно являлись членами украинских национальных партий. В общем, её деятельность губила обыкновенная политизация.

В 1928 году Степан Бандера переезжает во Львов, где поступает на агрономическое отделение Высшей политехнической школы. Известно, что с осени 1928 года до середины 1930 года он жил в Дублянах, где было отделение Львовской политехники. На каникулы ездил в село к отцу.

Именно во Львове и началась новая жизнь девятнадцатилетнего Степана Бандеры, в старейшем учебном заведении Украины и Восточной Европы, в котором учился сам Симон Визенталь — общественный деятель и «охотник за нацизмом».

В 1929 году Бандера становится членом ОУН. По данным исследователей, с этого момента он руководил распространением подпольной литературы, которую печатали за пределами Польши («Пробуждение нации», «Сурма», «Националист»), а также подпольно издаваемые в Галичине («Бюллетень Краевой Экзекутивы ОУН на ЗУЗ», «Юноша»).

Распространение подпольной националистической литературы стало его первым поручением. Считается, что оно выявило «выдающиеся организаторские способности» Бандеры в деле нелегальной доставки через границу печатных изданий и их тайным распространением среди населения.

Сам Бандера в своей автобиографии напишет: «Членом УВО (Украинской военной организации. — *Примеч. авто-*

ра) я стал формально в 1928 г., получив назначение в разведывательный отдел, а потом — отдел пропаганды. Одновременно я входил в студенческую группу украинской националистической молодёжи, тесно связанную с УВО. Когда в начале 1929 г. возникла ОУН — Организация украинских националистов, — я сразу же стал её членом».

Основу УВО составили бывшие офицеры армии Украинской Народной Республики (УНР) и Украинской галицкой армии (УГА). Годом основания этой организации следует считать 1920 год (место основания — город Прага). На 1922 год в УВО состояли около двух тысяч человек.

Как подчёркивает А. Гогун, «все члены УВО были профессионалами, имевшими за плечами опыт боевых действий, а также все они были яркими сторонниками независимости Украины, за которую проливали кровь в годы Гражданской войны. Руководил организацией полковник армии УНР Евгений Коновалец. В Западной Украине отделение УВО возглавлял полковник Андрей Мельник.

УВО вела пропаганду идеи независимой Украины, но основной упор делала на террористическую деятельность, которая считалась к тому же лучшим средством пропаганды.

Предпринимались попытки поднять восстание на территории советской Украины, туда осуществлялись рейды и вылазки.

Самой известной террористической акцией украинских националистов стало покушение 25 сентября 1921 г. на первого Президента Польши Юзефа Пилсудского.

После этого покушения польские власти начали активную борьбу с УВО. В результате организацию покинули часть её членов, а руководящий орган УВО переместился в Германию. Выбор «страны обитания» был не случаен.

Ища союзников в своей антипольской и антисоветской деятельности, УВО ещё в 1921—1922 гг. установила связи

с немецкой военной разведкой. Соглашение о сотрудничестве было взаимовыгодным. Представители УВО шпионили против Польши, которую ненавидели, да ещё и в обмен на информацию о своём враге получали деньги и возможность свободно действовать в Германии.

5 сентября 1924 г. боевики УВО предприняли неудачное покушение на Президента Польши Войцеховского, что вызвало новые меры со стороны властей. Пропагандистская и организационная работа на Западной Украине продолжалась, несмотря на активные репрессии...

В 1928 г. поляки получили доказательства связи УВО и немецких спецслужб, возмутились и выразили официальный дипломатический протест, из-за чего немецкое финансирование УВО прекратилось.

УВО не была единственной организацией, борющейся за независимость Украины радикальными методами. Но среди всех структур такого рода она была самой активной и мощной.

В январе—феврале 1929 г. на съезде националистических организаций, получившем название 1-й конгресс украинских националистов, УВО, вобравшую в себя менее значимые радикальные движения, переименовали в Организацию украинских националистов — ОУН. Старое название временно сохранили, и новая партия стала называться ОУН—УВО. В 1930 г. вторую часть аббревиатуры упразднили, причём сделали это отнюдь не случайно.

Изначально Коновалец планировал существование двух параллельных, но тесно связанных между собой организаций — ОУН и УВО. ОУН должна была выполнять политическую функцию, возможно, даже действовать легально. УВО же планировалось не грузить политическими проблемами, сосредоточив её деятельность только на терроре,

разведке и подготовке кадров для будущей массовой вооружённой борьбы за независимую Украину.

В своё время так построили работу российские эсеры: депутаты от партии социалистов-революционеров заседали в Думе, а члены боевой организации эсеров (БО СР) устраивали террористические акты против представителей царской власти. Однако жизнь нарушила планы Коновальца. Молодёжь из Галиции, хлынувшая в ОУН, хотела действовать радикально, не ограничиваясь пропагандой и законодательной работой в сейме. Поэтому под давлением низов ОУН стала нелегальной террористической структурой, занимающейся, понятное дело, не только и не столько террором».

Создатель и руководитель ОУН Евгений Михайлович Коновалец родился 14 июня 1891 года в селе Зашков под Львовом. Его мать Катажина была полькой из рода Венжиновских.

В 1909 году окончил Львовскую академическую гимназию и поступил на юридический факультет Львовского университета.

В 1912 году назначен секретарём львовского отделения организации «Просвіта».

В 1913 году был выбран в состав главного правления Украинского студенческого союза, где входил в национально-демократическую секцию. Стал членом молодёжной фракции украинской Национально-демократической партии. Познакомился с Д. Донцовым, чьи работы оказали на него большое влияние, как и на идеологию украинского национализма.

С началом Первой мировой войны Коновалец был мобилизован в австрийскую армию и служил в 19-м полку Краевой обороны Львова. В июне 1915 года в Карпатах попал в плен и до 1917 года содержался в лагерях для военнопленных под Царицыном.

В сентябре этого года бежал из лагеря и добравшись до Киева в октябре—ноябре этого года, совместно с членами Галицко-Буковинского комитета сформировал из бывших пленных галичан Галицко-Буковинский курень сечевых стрельцов в составе полка имени Дорошенко.

В первых числах марта 1918 года, когда сечевые стрельцы совместно с запорожцами (корпус) и казаками выбили из Киева части Красной Армии и заняли город, Евгению Коновальцу было присвоено звание «полковник».

Его полк, развёрнутый из куреня, считался одной из наиболее боеспособных частей армии Украинской Народной Республики. Он-то и охранял Центральную раду.

Когда в результате немецкой оккупации к власти в Украине пришёл гетман Скоропадский, то, соответственно, Центральная рада была разогнана, а сечевые стрельцы по требованию немцев разоружены и расформированы.

Только в конце августа 1918 года Коновалец получил от гетмана разрешение на формирование отдельного отряда сечевых стрельцов под Киевом (Белая Церковь) численностью до 900 человек. Однако, несмотря на услугу, оказанную Скоропадским Коновальцу, во вновь созданной части всё командование было настроено против гетмана.

Более того, уже в ноябре 1918 года на базе отряда сечевых стрельцов был развёрнут Осадный корпус численностью до 20 000 человек. В него вошли четыре полка и артиллерийская бригада. В итоге именно сечевые стрельцы поддержали Директорию УНР во главе с Симоном Петлюрой и разбили войска гетмана, который отрёкся от престола.

За эти заслуги Коновалец декретом Директории был произведён в атаманы.

В 1918—1919 гг. Коновалец командовал дивизией, корпусом и группой сечевых стрельцов и участвовал в боях против частей белых и красных. В декабре 1919 года в свя-

зи с принятым решением о расформировании регулярных частей армии УНР он отдал приказ о самороспуске частей сечевых стрельцов на польской территории. Затем был лагерь военнопленных под Луцком, где Коновалец провёл непродолжительное время.

Первым, к кому обращается Коновалец, стал сам Пилсудский. Евгений Михайлович просит его разрешить создать армию изукраинских националистов Западной Украины и включить её в состав Войска Польского для борьбы против Красной Армии, а также против национально-освободительного движения западноукраинских трудящихся.

С той же самой просьбой он обращается к разведкам и генеральным штабам Литвы, Румынии и Великобритании. В итоге и была создана Украинская военная организация.

В сущности, УВО на момент зарождения представляла собой объединение всего лишь нескольких сот украинцев, проживающих на территории Польши, Чехословакии, Румынии, Австрии, Германии и других стран.

В решениях учредительного съезда УВО в Праге, состоявшегося в августе 1920 г., говорилось, «что организация стоит на принципах «полной соборности и независимости Украины», неудачу украинских «освободительных акций» рассматривает как следствие нестойкости, шатаний и отклонений от принципов соборности. Съезд обращался к воинству в эмиграции с призывом возвращаться на родные земли и там изыскивать новые формы «освободительной акции». Этим было положено начало организации диверсионного, шпионского и террористического характера, названной впоследствии УВО—ОУН», — пишет кандидат философских наук, доцент А.А. Войцеховский.

Фактически с 1921 года УВО стала штатной резидентурой немецкой военной разведки и ежемесячно финансировалась абвером.

Например, одно из первых специальных учебных заведений абвера, где готовилась агентура из числа украинских националистов, начало свою работу в Мюнхене в том же 1921 году. Второе было открыто через три года и, наконец, третье в 1928 году в Данциге (Гданьск). Тогда же в Берлине существовала специальная школа, которая готовила полицейских для будущего оккупационного аппарата в Украине. Вместе с украинцами в ней учились и немцы, состоящие в фашистской партии.

В 1926 году штаб-квартира УВО разместилась в Берлине. Отсюда шло управление филиалами в Польше, Чехословакии, Румынии, Литве, а позже в США и Канаде.

В 1928 году Коновалец посетил Канаду, где открыл очередной филиал УВО.

В 1931 году он встречается с Гитлером. Фюрер обещает ему всяческую помощь в обмен на активную деятельность против СССР и прекращение таковой против Польши.

«В январе 1934 года по приказу германского инспектора полиции Дильгена и полковника Райхенау берлинская центральная организация ОУН, руководимая самим Коновальцем, вливается в штат гестапо на правах особого отдела, — рассказывает А.А. Войцеховский. — В предместье Берлина Вильгельмсдорфе на средства немецкой разведки были построены казармы для украинских националистов и велось обучение сформированных по военному образцу отрядов. Они имели свою форму, были приравнены к гитлеровским штурмовым отрядам. Руководил ими Рико Ярый, он же Ярыга, Рымарт, он же Карпаты, ставший к тому времени офицером гестапо».

Что бы понять, как проводили свою деятельность в УВО, следует обратиться к тому же филиалу в Канаде.

Там украинские националисты, опирающиеся в своих печатных изданиях на пропаганду фашистских идей, а так-

же воодушевлённые примером немецких штурмовиков, устраивали погромы украинских рабоче-фермерских организаций, уничтожали их дома и стреляли в дома антифашистов.

В другом филиале, в Аргентине, свою деятельность УВО начала с разгрома украинского прогрессивного клуба в Буэнос-Айресе.

Далее А.А. Войцеховский подчёркивает: «Тем временем Коновалец неотступно отрекается от каких бы то ни было демократических форм руководства своей организацией, превращается в диктатора, личное усмотрение которого выше каких бы то ни было коллегиально принятых решений. Прежде всего «положен под сукно» устав ОУН («Устріі»), принятый учредительным съездом (Першим великим збором) ОУН, обязавший проводить съезды этой организации каждые два года. Ни в каких съездах Коновалец, ставший «единоличным вождём партии» и марионеткой в руках абвера, не нуждался. Полной нелепостью было бы «вождю партии» и резиденту абвера отчитываться о проделанной работе перед подчинёнными и позволить им избирать «провод» ОУН. Вождь сам избирал своих приближённых и удалял неугодных. В числе первых оказались бывшие соратники Коновальца по Осадному корпусу — Андрей Мельник, Роман Сушко, Емельян Сенник-Грибивский. Кстати, с Мельником его связывали не только служебные, но и родственные узы: жена Коновальца была сестрой Мельника. А вот бывшие члены Легии украинских националистов — в основном, надднепрянцы Кожевников, Костырев, Сциборский — были отстранены от руководства ОУН и обречены на нищенское существование. Дело в том, что Коновалец единолично распоряжался денежными средствами, получаемыми из казны Третьего рейха и довольно прямолинейно использовал эту возможность в це-

лях упрочения своего положения в ОУН. Он был последней инстанцией, где рядовые оуновцы могли обжаловать принятые им решения. Обращение с жалобами в иные инстанции — в абвер, к чиновникам НСДАП — считалось в ОУН покушением на честь и достоинство их «провідника». Не допустимым считалось обращение с жалобами и к самому «провіднику». Бывший легист, киевлянин Гай Гаевский (настоящая фамилия — Жлудский) был изгнан из ОУН только за то, что осмелился написать «провіднику» письмо, в котором указывалось на нераспорядительность референта ОУН Мартынца, причинившего ущерб интересам ОУН во время выселения чешскими властями украинских националистов из страны в 1934 году. Заметим при этом, что Мартынец — бывший адъютант Коновальца в курене сечевых стрельцов.

Действуя подобным образом, Коновалец оставлял в рядах ОУН только тех, кто никогда и ни в чём не прекословил ему и умел держать язык за зубами, а на руководящую работу брал лично преданных ему людей, среди которых появлялось всё больше авантюристов, непригодных к исполнению возложенных на них функций. Созданное таким путём «единство рядов ОУН» разрушалось изнутри его же «вождём», уверовавшим в свою непогрешимость и незаменимость».

А теперь коротко о Мельнике. Андрей Мельник родился 12 декабря 1890 года (Воля Якубова, Дрогобычский уезд, Австро-Венгрия).

С 1914-го по 1916 год командовал сотней Легиона сечевых стрельцов. В 1916 году попал в плен, где находился под Царицыном. Вместе с Коновальцем бежал и прибыл в Киев.

В январе 1918 года вместе с Коновальцем организовал Курень сечевых стрельцов, став начальником штаба куре-

ня, а после формирования полка — начальником штаба полка.

19 декабря 1918 года Мельнику присвоено звание атамана УНР. Весной—летом 1919 года воевал в должности начальника штаба действующей армии. В июле—августе 1919 года — помощник коменданта группы сечевых стрелцов, затем был интернирован поляками в Ровно.

В 1920—1921 годах — инспектор военных миссий УНР в Праге.

С 1922 года снова в Галиции, где занимается подпольной деятельностью. В апреле 1924 года арестован польской полицией и приговорён к 4-летнему заключению. В 1932—1938 годах — член правления издательского союза «Дело», в 1933—1938 годах — председатель Главного совета Католической ассоциации украинской молодёжи «Орлы», член Общества украинских боевиков «Молода громада». С 1934 года — член сеньората УВО и председатель сената ОУН. После разгрома сети УВО—ОУН в Галиции арестован не был и находился на службе у митрополита Андрея Шептицкого — был управляющим принадлежащих Украинской грекокатолической церкви лесами.

А что же юный оуновец Степан Бандера?

В 1931 году, когда погибает сотник Ю. Головинский, которого Коновалец отправил в Западную Украину с целью объединения ОУН и УВО, на его место назначается Степан Охримович. Фактически он становится краевым проводником ОУН на украинских землях, оккупированных Польшей. Степан был старше Бандеры на четыре года, знал его ещё со времени учёбы в гимназии. Видимо, поэтому и ввёл его в состав Краевой экзекутивы (исполнительного органа) ОУН. С этого момента 22-летний Бандера стал референтом отдела пропаганды и связей с границей ОУН в Западной Украине.

По мнению современных историков, «Степан Бандера действительно поднял пропагандистское дело ОУН на высокий уровень. Он положил в основу пропагандистской деятельности ОУН необходимость распространения идей ОУН не только среди украинской интеллигенции, студенческой молодёжи, но и среди наиболее широких масс украинского народа.

Начались массовые акции, которые преследовали цель пробуждения национальной и политической активности народа. Панихиды, праздничные манифестации во время сооружения символических могил борцам за свободу Украины, оказание почестей павшим героям в дни национальных праздников, антимонопольная и школьная акции интенсифицировали национально-освободительную борьбу в Западной Украине. Антимонопольная акция представляла собой отказ украинцев от покупок водки и табака, на производство которых существовала монополия государства. ОУН призывала: «Прочь из украинских сёл и городов водку и табак, потому что каждая копейка, потраченная на них, увеличивает фонды польских оккупантов, которые используют их против украинского народа» (*Набытович И. Степан Бандера. Жизнь и деятельность*).

Уже через год (в 1932-м) Степан Бандера становится заместителем краевого проводника РУН в Западной Украине и заместителем краевого коменданта Боевой организации ОУН.

А летом 1933 года его назначают крайвым проводником РУН в Западной Украине и крайвым комендантом боевого отдела ОУН—УВО, с вводом его в состав Провода украинских националистов.

Сегодня из многочисленных биографий Степана Бандеры, которые, как урожай, снимают с исторических полей Украины можно узнать: «К 1934 году он прошёл полный

курс по специальности инженера-агронома. Однако защитить диплом не успел, так как был арестован» (В. Марченко).

Или: «Продолжал учёбу до 1934 года (с осени 1928-го до середины 1930 года)» (И. Набытович). И так далее.

Но скажите, пожалуйста, люди дорогие, а каким образом Степан Бандера вообще мог учиться в столь привилегированном высшем учебном заведении, если он занимался «расширением деятельности ОУН», «проводил акции» и «намного расширил деятельность ОУН, которая охватила многие круги украинского общества», и при этом усиленно делал свою политическую карьеру?

Например, «30 ноября 1932 года в Городке Ягеллонском произошло нападение на почтовое отделение. При этом были арестованы Василь Билас и Дмытро Данылышин и затем повешены во дворе львовской тюрьмы. Под руководством Бандеры было организовано массовое издание литературы ОУН об этом процессе. Во время казни Биласа и Данылышина во всех сёлах Западной Украины траурно звонили колокола, отдавая честь героям».

Когда же борец с врагами Украины находил редкие свободные минуты, совершенно забывая о себе, думая только о независимости Украины, для какой-то, извините, «агрономии»? Нет, тут что-то, не то... Но пока, к сожалению, ни один историк Украины нам так и не смог объяснить, так как же учился Степан Бандера: хорошо или плохо?

Почему-то никто до сих пор нам не выложил убедительных архивных документов об этом весьма продолжительном времени, которое может хоть каким-то образом лишь подчеркнуть его образ!

Глава 2

ОПЫТ БОРЬБЫ (ТЕРРОР)

Рассказывают, что ещё в детстве будущий руководитель украинских националистов отличался, мягко говоря, странным поведением. Для «укрепления воли», например, побившись об заклад со сверстниками, одной рукой... душил котов. Этого не опровергают и нынешние его почитатели, например, Галина Гордасевич в своей книге «Степан Бандера — человек и миф».

В истории от Олеся Бузины («Бандера — душитель котов») также упоминается этот случай:

«А то, что лично он при этом никого не «замочил», незабвенного покойника не извиняет. Ему это было нелегко сделать при слабом здоровье, кривых ногах, рахите, перенесённом в детстве, и не очень богатырском, прямо скажем, телосложении. Рост пана Бандеры на вершине его физического развития и политической карьеры составлял всего 159 см. Вот и мог будущий «герой Украины» при таких атлетических данных душить собственными руками только... котов.

А котов он душил обожал! Точь-в-точь как булгаковский Шариков! Это было его любимое детское занятие — как другим мультфильмы смотреть. Он на кошках силу воли и беспощадность к врагам нации оттачивал! Причём душил их маленький Степанчик публично — на глазах ровесников, внушая им ужас и уважение к своей куцей, но грозной

персоне. Факта этого не отрицают даже нынешние — самые благосклонные биографы».

Будучи студентом, Бандера вешал над своей кроватью кольцо колбасы и не ел несколько дней — тренировал волю. Факт весьма примечательный, но есть и другие. Однажды сестра Степана Владимира, зайдя в его комнату, застала брата очень бледным. Он стоял, стиснув зубы, а с кончиков пальцев капала кровь. Подойдя ближе, она увидела, что под его ногти загнаны иголки.

Словом, таким образом Бандера готовил себя с детства к той миссии, которой посвятил всю свою жизнь! И, видимо, не зря, потому как «болезненный и хилый Бандера обладал чрезвычайными лидерскими амбициями и в борьбе за власть был беспощаден». Так считает профессор, доктор исторических наук Анатолий Чайковский.

Вот что он рассказывает про С. Бандеру: «По автобиографическому признанию Ярослава Стецько, он тоже был «привязан к аттентату на советского консула во Львове». А ему стукнуло тогда всего 22 года. Это были молодые старики. Ко времени теракта Бандера уже занимал пост руководителя Краевой экзекутивы ОУН, а Шухевич — её боевого референта. Опыт террористической деятельности они получали с юных лет...

Дисциплину и подчинение старшему в иерархии прививали юным националистам, начиная с детской скаутской организации «Пласт». Её школу прошло почти всё молодое поколение тогдашней Западной Украины, в том числе и Бандера. Хотя он с младенчества страдал ревматизмом, был болезненным, хилым, но обладал чрезвычайными лидерскими амбициями.

Впоследствии Бандера прошёл выучку в подпольной УВО (Украинской военной организации), сначала в разведывательном, а потом в пропагандистском отделении.

Научился не только стрельбе из револьвера, но и приёмам «глашатая-главаря». Пламенная пропаганда радикального национализма стала тем коньком, с помощью которого этот тщедушный человек подчинял себе рядовых оуновцев. Чтобы посылать людей на верную смерть, необходимо владеть особыми приёмами внушения...

Степан Бандера... и Роман Шухевич свой первый террористический опыт получили ещё в отрочестве. Бандера проходил спецподготовку в скаутской организации «Пласт», «выращивающей поколение боевиков», а Шухевич ступил на тропу борьбы за украинскую независимость, совершив первое «удачное покушение» на инспектора гимназий Яна Собинского...

Спорт, танцы, кружки по интересам, походы, даже отряды-«звёздочки» — это похоже. Но пионерии, если не считать героизации Павлика Морозова, было далеко до «Пласта» по технологии промывания мозгов, зомбированию. Всё-таки в пионерских отрядах детям не прививали, например, шпионских замашек, не приучали к подпольным кличкам и тому подобному, а в «Пласте» это было распространённой практикой. Скорее всего, «Пласт» являлся составной частью плана Коновальца по выращиванию поколения боевиков...

Пройдя первую ступень в «Пласте», «Соколе» или другой подобной детско-юношеской организации, подростки поднимались на следующую ступень в УВО. Её создал в Праге в 1920 году «отец украинского террора» Евгений Коновалец. Вошли в неё бежавшие из Украины петлюровцы и вояки УГА — Украинской галицкой армии.

В УВО всё было по-серьёзному. Только за 1923—1928 годы Германия через свой разведывательный орган передала этой нелегальной организации два миллиона дойчмарок, 500 килограммов взрывчатки, сотни единиц

огнестрельного оружия» (Л. Хазан. «Бульвар Гордона» № 1 (245) от 5 января 2010 г.).

Аттенат — политические убийства в практике украинских националистов, один из методов террористической деятельности организаций УВО и ОУН наряду с саботажем и экспроприациями. Представляло собой покушения, убийства польских чиновников и граждан других национальностей. Этот термин использовался членами националистической организации.

О серьёзности организации украинских националистов писал 20 декабря 1933 года польский журнал «Бунт Млодых» в статье «Без пяти двенадцать»: «...Таинственная ОУН — Организация украинских националистов — сильнее всех легальных украинских партий вместе взятых. Она господствует над молодёжью, она формирует общественное мнение, она действует в страшном темпе, чтобы втянуть массы в круговорот революции... Сегодня уже понятно, что время работает против нас. Каждый староста в Малопольше и даже на Волыни может назвать несколько сёл, которые до недавнего времени были полностью пассивными, а сегодня они стремятся к борьбе, готовы к антигосударственным акциям. А это значит, что сила противника возросла, а польское государство многое утратило».

Как сообщает современный историк А. Гогун: «Хоть численность ОУН была относительно невелика — около 20 тыс. человек в 1930-х гг., сочувствующих её деятельности было в несколько раз больше, так как непосредственное членство в ОУН было сопряжено с трудностями и риском. Впоследствии, во время войны, именно из сочувствующих была рекрутирована значительная часть участников украинского Сопrotивления».

Для подавляющего большинства членов ОУН программа организации была чем-то далёким и даже непонятным.

Перед ними стояла цель, бывшая одновременно и мечтой: Украинское самостоятельное объединённое государство. Ради этой цели оуновцы готовы были умирать и тем более убивать.

Независимая Украина была стратегической целью. Основной же тактической задачей ОУН считала легальную и нелегальную национально-просветительскую, издательскую, пропагандистскую и организационную деятельность среди украинского населения, а также кампании саботажа и террор.

Террор должен был развивать культ жертвенности среди членов ОУН, держать в постоянном напряжении украинцев и польские власти, способствовать пропаганде идей украинского национализма.

Теракты были направлены в первую очередь против представителей польских силовых структур — так, было совершено покушение на комиссара польской полиции во Львове Емельяна Чеховского, отличавшегося жестокостью при подавлении украинского национального движения, но были и другие объекты применения националистической активности.

В 1930 г. оуновцы провели серию поджогов хозяйств польских землевладельцев в Галиции в знак протеста против политического и экономического угнетения украинского крестьянства.

21 октября 1933 г. в знак протеста против голодомора в УССР во Львове был убит сотрудник советского консульства Алексей Майлов.

Всего за 10 лет было совершено около 60 терактов. Самой громкой акцией было убийство министра внутренних дел Польши Бронислава Перацкого в июне 1934 г.».

25 октября 1933 года ведущие мировые газеты опубликовали сенсационное сообщение: «Во Львове двумя вы-

стрелами убит сотрудник Генерального консульства СССР Алексей Майлов и ранен другой сотрудник И. Джугай. Акт совершил боевик из Организации украинских националистов (ОУН) 18-летний Н. Лемик».

Алексей Майлов был ещё молодым человеком, который только недавно демобилизовался из армии. Он проходил срочную службу в пограничных войсках, а после был направлен на дипломатическую службу во Львов, на должность начальника канцелярии консульства.

В первых числах октября он приступил к своей новой работе.

«24 октября, — пишет И. Кабанчик, — в уютный двухэтажный особняк, в котором размещалось консульство, вошёл очередной посетитель и потребовал у дежурившего в приёмной Алексея пропустить его в кабинет консула. Нервное поведение «гостя» насторожило молодого дипломата, и он предложил вошедшему изложить подробнее необходимость встречи именно с консулом. Вместо ответа молодой посетитель выхватил пистолет и в упор расстрелял сидящего за своим столом Майлова. На шум в приёмную вбежал курьер консульства И. Джугай. Посетитель успел ранить его в руку, но потом был схвачен вбежавшими полицейскими из охраны здания...

Через некоторое время состоялся суд, на котором убийца объяснял свой поступок желанием «привлечь внимание общественности к ужасам голодомора в Советском Союзе».

«На клич Бандеры исполнить убийство откликнулись две трети всего состава боевиков, — комментирует этот теракт А. Чайковский. — Но он лично отобрал среди всех кандидатов 18-летнего студента Политехники красавчика Миколу Лемыка, перед которым была поставлена задача, совершив убийство, сдать властям, чтобы предстать перед судом, и теракт, таким образом, получил бы широкую

огласку. А биография и привлекательная внешность молодого убийцы должны были вызвать сочувствие.

Однако случилось так, что Лемык убил не самого консула, а секретаря консульства Алексея Майлова и курьера Ивана Джугая. Ошибка вышла из-за того, что специально посланный в консульство разведчик Роман Сенькив, который под видом оформления документов для выезда в советскую Украину составил план учреждения и описал внешность жертвы, перепутал комнаты и принял секретаря Алексея Майлова за консула, а его кабинет — за консульский...

В соответствии с инструкцией Бандеры на суде он утверждал, что совершил акт мести за «голодомор». Между тем убийство советских дипломатов планировалось ещё на 22 апреля 1930-го, к 60-летию Ленина, но тогда теракт по каким-то причинам не состоялся. Спустя три года Бандера привёл план в действие. Как говорится, было бы желание, а повод найдётся.

Лемыку повезло дважды — сначала казнь заменили пожизненным заключением. И ещё раз повезло, когда всего после шести лет отсидки начались Вторая мировая война и оккупация Польши гитлеровцами. Нацисты распахнули двери тюремных камер, где сидели враги польской и советской власти. Война нуждалась в подготовленных диверсантах».

В преддверии очередного акта «в январе 1934 года берлинскую штаб-квартиру ОУН на правах особого отдела зачислили в гестапо, на средства немцев были построены казармы, где готовили боевиков ОУН и их офицеров. Именно в этом году оуновцы совершили самые громкие заказные убийства. Среди них — убийство министра внутренних дел Польши Бронислава Перацкого в 1934 году» (А. Чайковский).

К слову сказать, в том же 1934 году ОУН участвовала в убийстве югославского короля Александра I и министра иностранных дел Франции Луи Барту в Марселе.

Министр внутренних дел Польши (с 27 июня 1931 г.) был молодым политиком (39 лет) и перспективным соратником Юзефа Пилсудского.

Перацкий считал и поляков и украинцев родственными народами, проживающими на одной земле. По его убеждению, эти народы когда-нибудь должны были прийти к полному согласию и сотрудничеству во всех сферах их жизни и деятельности.

«Наше правительство руководствуется намерением создания рациональных оснований для гармонического сосуществования всех граждан Польши, основанного на равенстве обязанностей и прав для всех», — говорил польский министр.

«Подчёркиваю необходимость равенства прав и обязанностей, потому что она должна стать основой системы существования как польского общества, так и обществ, которые представляют национальные меньшинства в нашем государстве», — был убеждён Перацкий.

«Как аргумент, подтверждающий «злодеяния» Перацкого, — пишет В. Бровко, — украинские националисты на протяжении всех 70 лет обычно цитируют выдержки из статьи в английской газете «Манчестер Гардиан» от 22.11.1935 г. — «Генерал Перацкий... был также ответственным за позорную пацификацию Украины в 1930 году. Украинцы пассивно терпели, до тех пор пока экстремисты не начали поджигать скирды в польских хозяйствах. В ответ отряды конницы и полиции напали на сёла, арестовывали всех подряд крестьян и побили их... Точнее число избитых крестьян неизвестно, но приблизительно их могло быть 10 000, из которых почти все были невинными». И далее,

что много крестьян заболело, а несколько вследствие причиненных им ран умерли. И всё! Но вот после начала суда над Бандерой ОУН так пояснила действия своих боевиков.

«Перацкий — это творец незаконных судов... полицейских издевательств и пыток украинских политических заключённых... профанации и глумления над памятью героев украинского освободительного движения, раскапывания могил и уничтожения крестов. Боевик ударил не только в Перацкого как личность, а в Перацкого как реализатора польской оккупационной политики на западноукраинских землях».

В качестве небольшого отступления, чтобы современному читателю было понятно, о каких могилах идёт речь, процитирую выдержку из книги Я. Святко «Миссия Бандеры» (Львов. Галицкий издательский союз. 2003 г.): «Народ всегда вспоминал погибших за его свободу. На могилах сичевых стрельцов проводились массовые мероприятия на Пасху и в начале ноября. Но не в каждом селе была могила сичевых стрельцов. Для распространения акций почитания было начато насыпание по сёлам своего рода могил Неизвестного Стрельца. Власть запрещала насыпание таких могил, полиция их раскапывала. Но при насыпании могил украинские священники освящали их, и поэтому разрушение могил вызывало возмущение религиозных чувств населения.... Два раза полиция раскидывала могилу в с. Веринь, а на третий раз в могилу... зарыли... самодельную бомбу. На кресте повесили предупреждение о том, что могилу раскапывать нельзя. Полиция предупреждение проигнорировала, и, когда вынимали крест из земли, бомба взорвалась. Один из полицейских был убит.

Можно ли эти действия полиции считать глумлением над могилами?»

Согласно польской истории, «Перацкий был сторонником украинско-польского сотрудничества — вплоть до пре-

вращения украинцев и поляков в единую политическую нацию, поддерживал отношения с митрополитом Андреем Шептицким и всячески защищал равенство украинцев и поляков перед законом, за что снискал славу либерала» (К. Бондаренко).

Зато украинская историография считает иначе: «Перацкий был врагом всего украинского и проводил массовые пацификации в украинских сёлах Галичины, сажал в тюрьмы украинских патриотов и бесчинствовал относительно мирного населения» (К. Бондаренко).

Действительно, по долгу службы министр внутренних дел Польши принимал жёсткие меры, однако он не мог не понимать, что в дальнейшем обострение взаимоотношений между украинцами и поляками взрывоопасно. Например, 16 января 1932 г. Перацкий выступил в сейме после встречи с представителями украинской общественности, где достаточно серьёзно предостерегал именно от такого развития событий. Не за это ли он был и убит?

В Варшаве летний день 15 июня 1934 года был самым обычным и совершенно спокойным. По календарю — просто пятница. Около 15.40 генерал Перацкий подъехал к фешенебельному кафе «Клуб Товажискего», что располагалось по улице Фоскаль, дом 3.

Он прибыл на обед, как всегда, без охраны. Ещё в вестибюле к нему сзади приблизился неизвестный человек и, трижды выстрелив из револьвера в министра, тут же быстро выбежал на улицу.

Перацкий вскоре был доставлен в больницу, но в тот же день, не приходя в сознание, скончался от огнестрельного ранения в голову. Два других возможных ранения обнаружено не было.

«Прибывшая на место полиция организовала осмотр места происшествия и розыск убийцы по горячим следам.

К окончанию первого дня удалось установить следующее:

...При осмотре брошенного подозреваемым пакета было установлено, что это — самодельная бомба. По заключению экспертов, бомба не взорвалась ввиду неразбития ампулы с азотной кислотой. Сила взрыва этой бомбы могла равняться 3—5 ручным гранатам.

И это была первая удача следствия, та ниточка, с которой началось успешное расследование уголовного дела. Этому поспособствовало то обстоятельство, что ранее, 14 июня 1934 г. полиция при проведении проверок лиц заподозренных в причастности к Организации украинских националистов (ОУН) в г. Кракове в доме у Ярослава Карпинца (29 лет) обнаружила подпольную химическую лабораторию.

В досье польской полиции Карпинец значился как украинский националист под псевдонимами: Цыган, Изидор.

Анализ изъятых у Карпинца материалов и устройств показал, что именно с них была изготовлена изъятая в Варшаве 18 июня неразорвавшаяся бомба.

Сам Карпинец, отрицал свою причастность к изготовлению, каких либо взрывных устройств, утверждая, что лаборатория была ему нужна для научной работы.

Таким образом, на основании собранных на протяжении первого дня данных, полиция пришла к однозначному и обоснованному материалами уголовного дела выводу, что убийцу нужно искать среди членов ОУН», — констатирует В. Бровко.

В безуспешных поисках убийцы полиция провела ещё 4 дня, когда 22 июня 1934 г. посланный в г. Гданьск в связи с убийством Перацкого начальник следственной службы г. Львова Юзеф Будни установил появление в обществе Андрея Федины (32 лет) видного функционера и резидента ОУН—УПА в этом городе, значившегося в полиции как

украинский националист под псевдонимами: Моисей, Сак, Саковский, Смок, и ранее неизвестного полиции украинца, плохо ориентирующегося в городе.

При этом оба тщательно конспирировали все встречи между собой. После этого Федина и присоединившаяся к ним неизвестная женщина проводили незнакомца на паром, идущий в немецкий город Звинемюнде.

На основе полученной от Юзефа Будни информации польская полиция, заподозрив в неизвестном убийцу Перацкого, потребовала от немецкой полиции немедленно задержать неизвестного.

По прибытии парохода немецкой полицией с участием польского консула было установлено, что разыскиваемый есть подданный Польши — Евгений Скиба, но документы на его прибытие в Германию явились поддельными. По настоянию польской полиции Скиба был доставлен самолётом в Варшаву, где допрошен по делу об убийстве Перацкого. При этом Скиба отрицал всякую свою причастность к этому делу, заявляя также, что он никогда ранее не был в Варшаве.

Но к этому времени полицией было достоверно на основе показаний свидетелей установлен факт нахождения Скибы в доме Карпинца, где была изготовлена бомба.

Одновременно полиция также установила подлинное имя Скибы — Николай Лебедь (24 лет) член УВО с 1929 г. который значился в картотеках полиции под псевдонимами: Чорт, Игорь, Максим Рубан, Ярополк и который уже находится в розыске за вооружённое нападение на почту в Городке Ягеллонском 30 ноября 1932 г.

Между тем планомерная и целенаправленная работа полиции по отработке членов ОУН как возможных убийц Перацкого дала ещё один неожиданный, но важный положительный результат.

12 сентября полиция г. Львова сообщила, что житель города Львова Григорий Мацейко (21 год), боевик ОУН, состоящий на учёте под псевдонимом Гонта, по месту своего проживания длительное время отсутствует. При предъявлении фото Мацейко хозяйке ночлежного дома и её постоянным постояльцам было установлено, что Григорий Мацейко и Влодзимеж Ольшанский — одно лицо. Последующее предъявление фото очевидцам убийства также дало положительные результаты — Г. Мацейко был опознан как лицо, совершившее убийство Перацкого.

В ходе продолжавшегося расследования полиции удалось существенно продвинуться в расследовании дела с помощью Ярослава Карпинца, который в своих показаниях признал, что в ОУН вступил летом 1933 г. Карпинец сознался, что на основании приказа ОУН изготовил бомбу, которую передал студенту Климишину Николаю (25 лет). Сам Климишин значился в полиции как активный член ОУН, известный под псевдонимами Недобитый, Непобедимый.

На основании собранных данных полицией было достоверно установлено, что следы организаторов и исполнителей убийства Перацкого ведут в г. Львов, где и до убийства Перацкого также членами ОУН был совершён ряд тяжких преступлений.

Одним из таких преступлений было убийство 3 мая 1934 г. в Стрийском парке г. Львова студента Якова Бачинского, застреленного группой неустановленных лиц.

При исследовании пуль и гильз, изъятых с места убийства Бачинского, с пулями и гильзами с места убийства Перацкого судебно-баллистической экспертизой было установлено, что убийства Бачинского и Перацкого совершены из одного и того же револьвера.

В начале ноября 1934 г. (по официальной версии) пражской полицией при проведении обыска в доме Сеника Еме-

льяна (43 года) занимавшего в то время должность канцлера ОУН, известного полиции как один из основателей ОУН, под псевдонимами Грибовский, Канцлер, Урбан было изъято и передано полиции Польши около 2 тыс. документов. Это были личные учётные карточки на 2 тысяч функционеров ОУН, переписка. Отчёты про финансовую помощь от правительства Литвы. Полученные документальные данные позволили в краткий срок изобличить и арестовать 62 членов ОУН и все их связи. В дальнейшем эти документы получили название «Архив Сеника».

А по неофициальной версии, провал и сдача главного архива ОУН произошёл вследствие предательства в рядах ОУН, польская полиция агентурным путём сумела уже в начале июня 1934 года заполнить вышеназванные документы...

В ходе дальнейшего расследования дела об убийстве Бачинского было установлено, что к его совершению причастны: Евгений Качмаровский (24 года, известный боевик ОУН, ранее судимый за вооружённое нападение, который 31 марта 1934 г. пытался ножом зарезать Бачинского, и 9 мая 1934 г. Бачинский был убит из револьвера Романа Мигалья (24 года, член ОУН, командир отдела боевой разведки КП ОУН) и Романа Сенькива (25 лет, боевик ОУН). Все вышеперечисленные лица, будучи арестованы в сентябре 1934 г., полностью признали свою вину и дали показания.

При этом Роман Мигаль показал, что орудие убийства — револьвер — он передал члену ОУН Богдану Пидгайному, проходящему в полиции под псевдонимом Бык.

Для справки: Пидгайный Богдан (31 год), член УВО с 1923 г., 19.10.1926 г. совместно с Р. Шухевичем совершил убийство польского школьного куратора Яна Собинского за перевод украинских школ на обучение на польском языке. В 1933 г. Пидгайный стал референтом Боевой референтуры КЭ ОУН.

Сам Пидгайный 14 июня 1934 г., как это усматривается из обвинительного заключения, был арестован полицией вместе с руководителем ОУН Степаном Бандерой (26 лет), на основе данных полученных польской полицией из выше упоминавшегося «Архива Сенника»...

Как уже выше отмечалось, наличие в руках польской полиции этого «Архива Сенника» помогло ей склонить на свою сторону подследственных Малюцу, Мигалья, Качмарского и Пидгайного, которые сознались в причастности к ОУН, подготовке к убийству Перацкого и дали полиции необходимые показания.

На основании их показаний было установлено, что в октябре 1933 года Степан Бандера, как руководитель КЭ ОУН, поручил Николаю Лебедю с целью активизации боевой работы совершение ряда террористических актов против высших государственных лиц Польши. При этом Бандера потребовал от Романа Мигалья оказания помощи Лебедю в организации ряда конспиративных квартир и предоставлении ему помощника — женщины. По показаниям Ивана Малюцы, при выполнении этого поручения Бандеры он лично встречался 10 и 15 мая 1934 г. с Лебедем, последний рассказал ему, что прибыл из Берлина. А до того был в Бельгии и Женеве. И что также встречался с хорватскими националистами — усташами и даже проходил в их лагере боевую подготовку.

При этом Лебедь пояснил, что зарубежное руководство ОУН приняло решение перейти от «эксов» (т.е. от нападений для завладения деньгами и др. ценностями) к «мокрым делам».

В мае 1934 г. Бандера выбрал из членов ОУН для оказания помощи Николаю Лебедю разведчицу ОУН Гнаткивскую Дарью. Кроме того, Бандера лично выслал в Варшаву 12 июня на вымышленное имя для Гнаткивской денежный перевод на 100 злотых.

Пидгайный Богдан показал, что по поручению Бандеры, который на протяжении 1933—1934 годов готовился на основании решения специальной конференции ОУН в апреле 1933 года в Берлине (в которой Бандера принимал участие как руководитель КЭ ОУН) совершить ряд террористических актов против государственных деятелей Польши — начальника следственной части полиции г. Кракова, министра Наконечникова-Клюковского и советника Ивахова. Он оказывал Бандере помощь в подборе исполнителей и закупке оружия и боеприпасов. В частности, он с помощью Качмарского приобрёл револьвер испанского производства, калибра 7,65 мм и две обоймы патронов к нему.

Тогда же, в июне 1934 г. Бандера хотел вначале совершить убийство заместителя тюремной охраны г. Львова Владислава Коссобузского, и на это добровольно вызвался подчинённый Пидгайному боевик ОУН Григорий Мацейко.

При этом Мацейко в мотивирование своего поступка заявлял, что хочет тем самым смыть свою вину за задержание и передачу в руки полиции по незнанию истинных мотивов поступка другого боевика ОУН, Ивана Мыщика, который 16 июня 1931 г. убил Евгения Бережницкого, заподозренного в роли провокатора, проникшего в ряды ОУН, и за что Мыщик был приговорён к 15 годам лишения свободы.

Но Бандера изменил своё намерение и дал Мацейко другое задание, не поставив в известность прочих членов ОУН. При этом Пидгайный по указанию Бандеры передал Мацейко пистолет, из которого ранее был убит Бачинский, хотя и не сообщил ему об этом.

После того как Мацейко уехал в Варшаву, Качмарский ему сказал, что Мацейко поехал на «Перацкого».

К слову сказать, в основу этого исследования автором был взят подлинный документ: «Обвинительное заклю-

чение против: Степана Бандеры, Николая Лебеда, Дарьи Гнаткивской, Ярослава Карпинца, Николая Климишина, Богдана Пидгайного, Ивана Малюцы, Якова Чорния, Евгения Качмарского, Романа Мигалья, Екатерины Зарицкой, Ярослава Рака по ст. 97 п. 1, ст. 93 п. 1, ст. 148 п. 1 Уголовного кодекса Польши 1932 г.».

Известно, что украинский перевод этого документа хранится в Львовском историческом музее (ФГ ПВЗ ЛІМ. № 788).

Более того, это единственный сохранившийся и дошедший до наших дней исторический документ, так как все материалы уголовного дела, составляющие 25 томов, пропали в 1939 году, в период войны между Германией и Польшей.

Не исключено, что они могли быть просто уничтожены заинтересованными лицами.

«В разговоре с Бандерой Пидгайный узнал, что действительно Мацейко поехал в Варшаву, но о том, чем ему там надо будет заняться, его должны были уведомить на месте. Сам Бандера был страшно недоволен своим выбором Мацейко и его поведением, в частности, написанием родителям прощального письма, называл «дураком» и намеревался отозвать из Варшавы. Дата покушения на Перацкого Бандерой точно никем не была определена.

Но 14 июня 1934 г. он и Степан Бандера были арестованы львовской полицией и уже ничем не могли руководить или повлиять на ход дальнейших событий.

Ввиду ареста Степана Бандеры его место занял Роман Шухевич (27 лет), который через Малюцу пытался связаться с Лебедем в Варшаве, но найти его быстро не смогли. 15 июня 1934 г. им из газет стало известно об убийстве Перацкого, и необходимость связи с Лебедем отпала.

С 18 ноября 1935 года по 13 января 1936 года в Варшаве проходил суд. Двенадцать членов ОУН обвинялись в соуча-

стии в убийстве министра внутренних дел Польши. Обвинительный акт состоял из 102 машинописных страниц.

«Об обстоятельствах убийства Мацейко рассказал, что, когда бомба, переданная ему «Скибой», не сработала, он, достав револьвер, несколько раз выстрелил в министра Перацкого и убежал из кафе. По пути выбросил револьвер в речку.

В ходе встречи Мацейко попросил дать ему временное убежище, чтобы он смог вскоре покинуть Львов и незаконно перейти границу Чехословакии».

5 августа 1934 г. он с помощью членов ОУН перешёл границу Чехословакии.

Как выяснилось в ходе следствия, «причины, заставившие Ивана Малюцу дать признательные показания против своих товарищей, заключались не в проверке его полицией, а в личной трагедии — и мести Степану Бандере. Так в своё время Малюца получил приказ ликвидировать Р. Мигалю за невыход на связь с Бандерой, но не выполнил его.

Тогда боевики ОУН убили сотрудницу и подругу Малюцы Марию Ковалюк. Это, как сказал в своей речи на суде Малюца, «стало последней каплей, которая переполнила чашу моего терпения. ОУН — это организация, которая признаёт только индивидуальный террор. Её методы и тактика загнали нас в угол без выхода. Террор ОУН создал о нас такое мнение среди общественности, что практически сделало невозможным создание независимой украинской державы. ОУН не есть, никогда не была и не будет полезной народу Украины, ОУН есть наследница УВО, которая не признавала ничего, кроме террора».

По делу в качестве свидетелей были привлечены также члены ОУН — Ярослав Сопольский и Ярослав Макарушка. Последний из них прямо охарактеризовал деятельность ОУН как опасную для молодёжи, что ОУН учит демагогии и террору против собственного народа.

В результате «варшавского процесса» Бандера, Лебедь, Карпинец были приговорены к смертной казни, правда, по амнистии этот приговор им заменили на пожизненное заключение. Остальные получили от семи до пятнадцати лет заключения.

Следующим станет «львовский процесс», где на скамье подсудимых окажутся уже более двадцати оуновцев, в том числе Шухевич, Стецько, Зарицкая. Их обвиняли не только в соучастии в убийствах, но и в совершении «эксов» — экспроприаций — нападении на почтовые дилижансы, кассы и банки.

«К тому моменту к власти в Германии уже пришёл Гитлер, и его режим вновь наладил с оуновцами сотрудничество, стремясь использовать их в антипольских и антисоветских целях, — рассказывает А. Гогун, — оуновцы, в свою очередь, стремились использовать нацистов, причём в тех же самых целях. Но не всегда это сотрудничество было удачным для оуновцев.

После теракта один из его организаторов, Николай Лебедь убежал в Германию, надеясь найти там укрытие. Но нацисты, опасаясь преждевременного международного скандала, выдали Лебеда полякам.

Потрясённая убийством министра внутренних дел в соседнем государстве, чешская полиция сдала часть оуновской организации полиции польской.

Стоит добавить, что к тому времени ОУН буквально кишела польскими шпионами и провокаторами, выдававшими польским властям активных националистов одного за другим.

Поэтому из всех межвоенных лет 1934 г. был для ОУН годом самых больших потерь.

Бандера вёл себя на суде откровенно вызывающе. На вопрос о гражданстве он ответил: «Украинское».

Выдача нацистами Лебеда привела к разрыву между ОУН и Третьим рейхом, длившемуся с 1934-го по 1938 год.

Но убийство ненавистного украинцам Перацкого подняло популярность ОУН в среде радикально настроенных украинцев, в том числе представителей диаспоры. Поэтому в 1934—1938 годах да и далее финансирование ОУН осуществлялось преимущественно за счёт американских и канадских украинцев, что позволило националистам достичь определённой независимости от европейских государств и режимов».

Однако это абсолютная ложь. Как утверждает профессор, доктор исторических наук А. Чайковский, в 1936—1937 годах только Литва выделила ОУН 30 тысяч долларов, где Коновалец был своим человеком.

С литовским паспортом он свободно разъезжал по Европе, жил в столицах, где вёл переговоры и добывал средства «на развитие».

Гитлеровцам, которые вынашивали планы вторжения в Польшу, сначала было необходимо как можно сильнее натравить украинцев на поляков. Когда же они захватили Польшу, то переключили ОУН на подрыв стабильности СССР».

Но вернёмся к Бандере. На суде он вёл себя, как говорят, крайне дерзко, благодаря чему его имя сразу же стало известно широким массам. Подробные стенограммы судебного заседания над оуновцами печатались как в украинской, так и в польской прессе. Это было не что иное, как период «славы» Бандеры. Известно, что «даже советские газеты опубликовали портрет Бандеры с сопутствующим текстом — мол, украинские патриоты борются с польскими оккупантами. Украинский национализм в ту пору ещё не воспринимался как нечто откровенно враждебное, тем более что ОУН выступала фактором дестабилизации ситуации на территории Польши, а Коновалец в своём умении находить общий язык со всеми нормально общался и с советскими агентами, получая из СССР деньги (а одновременно — и из Германии, Литвы и других государств)» (К. Бондаренко).

Глава 3

ИДЕОЛОГИЯ БОРЬБЫ

В 1926 году во Львове вышла книга Дмитрия Ивановича Донцова «Национализм». Именно она стала основой идеологии украинского национализма, потому что именно Донцов, не будучи членом ОУН, дал этому движению идеологические основы.

Но прежде о самом господине Донцове.

Он родился 30 августа 1883 года в Мелитополе. Рано осиротел и воспитывался в семье деда по материнской линии.

«Семья его была русской по происхождению, в ней господствовал русский язык, — пишет В. Чернышёв. — Впоследствии Донцов будет усиленно придумывать себе всякие разные «украинские генеалогии», но, как признается позднее, сам не очень-то в них верил. Кстати, кроме неподходящей фамилии, внешность Дмитрия Ивановича тоже была не подходящей для апостола украинского национализма и певца расовой чистоты. Густые чёрные кудрявые волосы, чёрные же, слегка навывкате глаза, крючковатый нос, густые чёрные усы. Как с такой внешностью он жил в Третьем рейхе — вопрос также весьма интересный.

Отец Донцова получал неплохой доход с поместий, которые сдавал в аренду, и от торговли сельскохозяйственными машинами. Когда мальчугану было 11—12 лет, в один год умерли родители, и его воспитанием занялся отчим мате-

ри — немецкий колонист. По свидетельству жены Дмитрия Донцова — Марии Донцовой-Бачинской, — именно под влиянием своего деда, бывшего сознательным украинцем, Донцов в раннем возрасте начал активизироваться в украинском движении. Примечательно, что его старшие брат и сестра, воспитанные родителями, считали себя русскими, а воспитанные не родным дедом-немцем Дмитрий вместе с младшей сестрой и братом считали себя украинцами».

В 1900 году по окончании Мелитопольского реального училища Донцов поступает на юридический факультет Петербургского университета в Царском Селе. Ещё студентом активно участвует в политической деятельности. В 1905 г. вступает в Украинскую демократическую рабочую партию. Участвовал в редактировании газеты «Наша Дума», которую издавала украинская фракция 2-й Государственной Думы.

Дважды арестовывался полицией: в 1905 году в Петербурге и в 1908 году в Киеве.

После второго ареста (отбыл 8 месяцев заключения) был отпущен на поруки по ходатайству родственников в связи с ухудшением здоровья. Сначала переезжает в Галицию, а потом в Вену.

Считается, что именно в этом городе он начинает свой постепенный переход от марксизма к национализму, выдвигая совершенно новый для себя тезис: «Актуален не лозунг самостийности — мечтали же когда-то наши украинцы о самостийной Украине в союзе с Россией. Актуален, более реален, более конкретен — скорее осуществим! — лозунг отрыва от России, расторжение любого единения с ней — политический сепаратизм».

С 1919 года Донцов возглавляет Украинское пресс-бюро при посольстве УНР в Швейцарии (Берн). В 1922 г. возвращается во Львов, где редактирует журналы «Литературно-

научный вестник», «Вестник» и публикует свои статьи в швейцарской и польской печати. Там же он пишет биографические очерки о Муссолини и Гитлере и переводит их основные труды.

В написанной в 1926 году книге «Национализм» Донцов, критикуя «народников» за «провинциализм», объявляет независимость Украины не единственной самоцелью, а первичной и главной целью украинской нации. Он обвиняет всех своих предшественников и умеренных украинских политиков в национальной неполноценности.

Донцов критикует всех, у кого понятия национальных интересов не совпадали с его собственными представлениями. Он легко отбрасывает популярные идеи федерализма или автономии как в составе Польши, так и в составе России.

Теперь Донцов много внимания уделяет рассуждениям о «воле» как главной движущей силе нации, при этом не касаясь Украины и украинского народа. Он говорит о европейских нациях вообще. В данном труде Донцов призывает к ориентации на западноевропейские ценности и выступает за борьбу и сопротивление имперскому национализму России и шовинизму Польши. Обоснованием его новых взглядов служит теория двух миров: «латино-германского» и «московско-азиатского». Они, мол, постоянно враждуют между собой. Граница же этих «миров» проходит по восточной части этнических границ Украины и Белоруссии.

Мало того, подтверждая свои размышления, Донцов идеализирует европейскую культуру, её ценности и традиции.

По мнению Дмитрия Ивановича, «поскольку политика — это, по сути, дарвиновская борьба народов за выживание, то конфликты между ними неминуемы», то следовательно, «цель оправдывает средства, что сила господствует над разумом, что лучше действовать, чем наблюдать».

Донцов, в частности, писал: «На воле (не на разуме), на догме, на аксиоме (не на поиске правды), на абсолютном, не на директивном постулате, на бездоказательном порыве должна быть построена наша национальная идея, если мы хотим удержаться на поверхности жестокости жизни».

«Закон природы — это право силы. Экспансия — не только самоутверждение собственной воли к жизни, а её отрицание у других».

«Вражда неминуема, ибо воля существует только для себя, как отличная и противоположная другим сила».

«Мораль, о которой я говорю, отрицает ту моральность, которая запрещала вредить другим, которая ценила жизнь превыше всего, которая ненавидела хищнические инстинкты».

«Всей борьбе за существование чуждо моральное понятие справедливости».

Именно такая идеология подходила ОУН, потому что она позволяла воевать с каждым, кто станет на её пути.

Политолог, магистр права и доктор гуманитарных наук, Виктор Варфоломеевич Полищук, комментируя теорию «интегрального национализма», рассказывает: «Согласно утверждениям Донцова, «нация» являет собой вид в природе — такой же, как собаки, кошки, львы и прочие. Отсюда следует вывод: нации находятся в состоянии постоянной борьбы за выживание. Следовательно, войны — вещь обычная, войны между нациями вечны, вечна и вражда между ними.

Дальше украинская нация должна строиться по иерархическому принципу — во главе должен стоять вождь. Правящей верхушкой должно было быть «инициативное меньшинство», которое Донцов называет «элитой», «орденом» (по отношению к остальному народу, называемому Донцовым «массой» и «чернью») и которое осуществляет «творческое насилие».

Движущими силами интегрально украинского национализма должны быть следующие идеологические принципы:

— воля, которая должна быть отрицанием разума, отсюда и волюнтаризм в украинском национализме;

— сила, причём сила физическая, как отрицание силы науки, экономики, культуры и т.д.;

— насилие сильного над слабым;

— территориальная экспансия — как следствие межнациональной политики;

— расизм, согласно которому, украинская нация состоит из разных расовых элементов, среди которых наилучшим является нордический расовый элемент, и именно он более всех приспособлен к управлению государством;

— фанатизм;

— беспощадность к врагу, а враги украинской нации — это все неукраинцы или украинцы, не разделяющие идей интегрального национализма;

— ненависть ко всему чужому;

— аморализм, согласно утверждению: «Всё хорошо, что полезно нации». Что именно «хорошо», — определяют «вождь» и «инициативное меньшинство», то есть ОУН.

Цель украинского националистического движения — создание фашистского Украинского Соборного Самостоятельного Государства (Державы), УССД, которое по территории занимало бы 1 200 000 квадратных километров — от Кракова в Польше до берегов Каспийского моря по соседству с Чечнёй. Такое государство украинскому народу не нужно, но планы ОУН предусматривают занять место России в Восточной Европе, создать украинскую империю.

Всё сказанное — только самый общий срез украинской националистической идеологии. Без знания того, что представляет собой идеология ОУН, невозможно понять это

движение, его историю, его преступления, в конце концов».

К слову, книга «Национализм» имела большой успех в националистических кругах.

«Когда в 1941 г. бандеровцы готовили провозглашение Украинской державы, Степан Бандера предложил Донцову пост её президента. На это Донцов ответил: «Я с радостью займу этот пост, но не из ваших рук, пан Бандера» (В. Чернышѐв).

В начале тридцатых с тем же успехом Донцову предлагали возглавить Краевой провод ОУН, но и тогда он отказался. По мнению ближайшего соратника Бандеры Степана Ленкавского, Донцов начал скептически относиться к политической деятельности, потому что ему так и не удалось в середине 1920-х гг. превратить Украинскую партию национальной работы в массовый фронт недовольных польской политикой в отношении Западной Украины.

Самое интересное, что, «оставив» свой «национализм» ОУН, Донцов вскоре отходит от политической деятельности. В 1939 году его сначала интернировали власти Польши, а затем, после ввода советских войск в Западную Украину, он эмигрировал в Бухарест, где редактировал журнал. В 1941 году Донцов переезжает в Прагу и становится сотрудником немецкого исследовательского учреждения по делам Восточной Европы. Там же печатал статьи и издал новую книгу.

В мае 1945 года Донцов через Париж, Англию и США переезжает в Канаду, где проживает с 1947 года. В 1948—1953 гг. преподаёт украинскую литературу в местном университете. 30 марта 1973 г. он покинет этот мир в той же Канаде.

Странно, но после окончания Второй мировой войны Донцов почему-то невзлюбил слово «фашизм» и везде стал исправлять его на слово «национализм».

Исследователи творчества Донцова не однажды отмечали, как он виртуозно «вписывал» «свои произведения в нужную систему политических координат, меняя в соответствии с эволюцией общественных тенденций... отдельные понятия, термины, названия».

По мнению доктора философских наук, профессора Г.С. Ткаченко, «Донцов в своих трудах «Национализм», «Хрестом і мечем» и других создал образ «настоящего борца за незалежність України» и обосновал основополагающий принцип украинского интегрального национализма, именуемый «провідницьким» или «фюрер-принципом».

В соответствии с этим принципом независимое Украинское государство может создать лишь избранное меньшинство нации и её лидеры, наделённые следующими чертами:

- беспредельной преданностью национальной идее;
- ненавистью к другим народам;
- уверенностью в себе;

— осознанностью своего величия к основной массе нации и способностью подчинить большинство нации и повести его за собой».

Считая народ серой массой, Донцов, по мнению профессора Ткаченко, пренебрежительно именовал его «гречкосеями», нуждающимися в жестком руководстве и кнуте. Он убеждал националистов в необходимости «победить собственное общество. Объезжать, его как дикого коня. Прутом и шпорами».

Слово профессору Ткаченко: «Итак, по Донцову, в Украине ОУН должна быть аппаратом власти, состоящим из «лучших людей» во главе с вождём, который соединит в себе функции лидера движения и главы государства. Все эти установки легли в основание первой (1929) и второй (1939) программ ОУН.

Чрезвычайный збор ОУН (апрель 1941 г.), руководствуясь идеями Донцова, в программных документах записал: в Украине существуют «враждебные национальные меньшинства», — русские, поляки и евреи.

Крупной фигурой среди тех, кто создавал идеологию украинского национализма, был Николай Сциборский (1897—1941 гг.). На формирование его мировоззренческих и политических взглядов решающее влияние оказал национал-социализм.

Приведём некоторые его догматы:

— Фашизм — это прежде всего национализм, любовь к своей отчизне и патриотизм чувств, доведённых до самоотречения и культа жертвенного фанатизма. Источником его происхождения являются национальный инстинкт, национальный дух и национальное сознание».

— Фашизм — это «теоретический эталон» и «движущая сила», поднимающая нацию на высшую историческую ступень»;

— Если демократия в основу своих доктрин положила «чрезмерный культ разума», то «фашизм свою философию построил на признании духа, воли и идей (спиритуализм, волюнтаризм, идеализм) в качестве решающих факторов исторического развития».

Сциборский считал недопустимыми межнациональные браки, «смешения народов и рас».

Аналогичные идеи отстаивали и другие теоретики украинского национализма — современники Сциборского, в частности, Николай Михновский (1877—1924 гг.), который постулировал: «Украина для украинцев», «Помоги своему земляку прежде других», «Не бери себе в жёны из чужинцев, иначе и дети твои будут чужинцами»... Обращаясь к рабочим, он призывал их «к полному изгнанию их Украины чужаков»...

Идеи расизма и человеконенавистничества идеологов украинского национализма легли в основу выработки инструкций, директив и программ ОУН. Эти документы и вся практическая деятельность ОУН были направлены на то, чтобы сформировать воспетый Донцовым и его единомышленниками «орден рыцарей-крестоносцев», привить боевикам ОУН бездушный фанатизм, превратить их в слепых исполнителей воли...

Декалог — десять заповедей украинских националистов, разработанных одним из ведущих идеологов ОУН Степаном Ленкавским (1904—1977 гг.), призывает к отказу от собственного «Я», к полной отдаче себя в распоряжение националистических вождей. Декалог содержит также призывы к борьбе, ненависти и мести, добиваться «увеличения горы трупов противника», не обращая внимания на реакцию мирового сообщества.

В «Пояснениях к декалогу» записано: «Дело, за которое мы берёмся, освящает средства. Всё, что совершается для дела, хорошо, свято... Националистическая мораль — мораль завоевателя».

Степан Ленкавский родился на территории Австро-Венгрии. Учился на философском факультете Львовского университета. С середины 1920-х гг. — активный участник националистического движения на западноукраинских землях, член правления Союза украинской националистической молодёжи. В 1928 году принимал участие в редактировании первого нелегального националистического издания для молодёжи — журнала «Юнак», был сотрудником журналов «Украинский голос» и «Бюллетень КЕ ОУН на западноукраинских землях».

Участник 1-го Конгресса Правления украинских националистов в Вене, на котором было оформлено создание ОУН.

С февраля 1929 г. — в составе 1-го Правления ОУН на западноукраинских землях. Референт идеологического отдела. В 1931 г. арестован польской полицией в Кракове и в сентябре 1932 г. во время «процесса конгрессовцев» осуждён на 4 года заключения.

В 1939 г. вошёл в Правление ОУН (б), с апреля 1941 г. — референт по пропаганде.

Таким образом, профессор Ткаченко подчёркивает: «Идеология украинского национализма имеет фашистское основание. Данный факт признают сами оуновцы. К примеру, Луцкий (бывший член Центрального провода ОУН) справедливо отметил: «Идеология ОУН формировалась в период германского национал-социализма и итальянского фашизма. Именно потому что украинский национализм развивался под влиянием этих течений, между украинским национализмом и германским национал-социализмом так много общего».

Евгений Онацкий (автор многих работ по апологетике украинского национализма, опубликованных в предвоенные и послевоенные годы) писал о том, что различие между германским фашизмом и украинским национализмом чисто условное. По его словам, «фашизм является национализмом нации государственной, а украинский национализм — национализм нации негосударственной».

Уже вторая программа ОУН (1939 г.) декларировала нациократию — государственно-политическую систему, сочетающую элементы политического устройства нацистской Германии и корпоративного строя фашистской Италии. В так называемой Украинской соборной самостийной державе (УССД) декларировалась монополярная власть ОУН при полной ликвидации каких бы то ни было демократических прав и свобод. Социально-экономическую основу УССД оуновцы предполагали построить по образцу и по-

добию государственного синдикализма в фашистской Италии.

Расхождения в названных выше идеологиях были оставлены главарями ОУН без внимания как несущественные. Свою же новую идеологию они назвали ИНТЕГРИРОВАННОЙ, якобы отвечающей ВЫСШИМ ДОСТИЖЕНИЯМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА, откуда и произошло второе название украинского национализма — УКРАИНСКИЙ ИНТЕГРИРОВАННЫЙ (ОРГАНИЗОВАННЫЙ) НАЦИОНАЛИЗМ».

А, как известно, где фашизм, там присутствует и «еврейский вопрос».

В 1930 году один из главных идеологов организации, политический референт Провода ОУН Николай Сциборский опубликовал в журнале «Построение нации» статью под названием «Украинский национализм и еврейство». В статье констатировалось, что негативное отношение украинцев к евреям заставляет последних опасаться украинских националистов. «Долг украинской общественности, — писал Сциборский, — убедить евреев в том, что будущая украинская держава не представляет для них никакой опасности. Что, более того, в условиях этой государственности и её общественно-производственной и экономической организации еврейство найдёт более благоприятные условия работы и жизни, чем имеет сейчас на оккупированных украинских землях... Необходимо ясно указать евреям, что наше государственное движение не видит никаких оснований и пользы в ограничении правового положения еврейства на Украине. Напротив, целью власти будет дать евреям равноправное положение и возможность проявить себя во всех областях общественной, культурной и другой деятельности... Что же касается опасений, что равноправность евреев может нанести вред государственности, не-

обходимо иметь в виду, что евреи не представляют такого национального меньшинства на Украине, которое имело бы какие-нибудь субъективные основания относиться принципиально враждебно к нашей независимости...»

Однако, по утверждению А. Дюкова, «антисемитские настроения среди членов ОУН были сильны по вполне практическим причинам. Украинская держава, обеспечивающая поступательное общественное и экономическое развитие для всех своих граждан, оставалась мечтой. Реальностью была полунищая жизнь Западной Украины, превращённой в восточную провинцию Польши. Неумолимые экономические законы сталкивали евреев и украинцев. Будут ли жители села покупать товары в магазине, принадлежащем украинцу, или в лавке еврея? Чья продукция будет пользоваться большим спросом?..

В глазах националистов именно евреи наравне с поляками были винтиками незавидного положения украинцев. Об этом, в частности, говорилось в листовке, разбросанной в селе Белив Станиславского воеводства: «Украинский крестьянин! Украинский рабочий! Земля, которой владеют местные евреи... является собственностью украинской нации. Евреи — вечный враг украинской нации. С этого дня никто не пойдёт работать к еврею. Евреи должны исчезнуть с украинской земли. Кто пойдёт к еврею работать, будет строго осуждён, тяжело ранен. Прочь жидов!»

Поначалу руководство ОУН пыталось дистанцироваться от антиеврейских акций, особенно когда речь заходила о прямой уголовщине...

Однако вскоре положение изменилось. Украинские националисты начали возглавлять антиеврейские акции, придавая им весьма значительный размах...

В 1938 году видный член ОУН В. Мартинец озвучил новый подход к «еврейскому вопросу». По его мнению, с ев-

реями нужно было бороться как с врагами, стараться изолировать их или вообще выслать с Украины».

«Постановления II Великого съезда ОУН (Б) зафиксировали предельно негативное отношение организации к евреям, — продолжает А. Дюков. — Жиды в СССР являются самой преданной опорой большевистского режима и авангардом московского империализма на Украине, — говорилось в постановлениях. — Антижидовский настрой украинских масс использует московско-большевистское правительство, чтобы отвлечь их внимание от действительного виновника бед и чтобы в час восстания направить их на погромы жидов. Организация украинских националистов борется с жидами как с опорой московско-большевистского режима, объясняя одновременно народным массам, что Москва — это главный враг».

В преддверии нападения Германии на СССР это решение ОУН (Б) имело принципиальный характер. Оно свидетельствовало о том, что во время войны деятельность украинских националистов будет направлена не только против представителей советской власти, но и против евреев. Разумеется, борьба с евреями была для ОУН второстепенной задачей, однако то, что эта задача имела место, уже говорило о многом.

Ряд современных украинских историков пытаются истолковать антиеврейский пункт постановлений II Великого съезда ОУН (Б) в том духе, что ОУН (Б) собиралась бороться лишь с евреями, поддерживающими советскую власть, а не с евреями как нацией. Однако внутренние документы ОУН (Б) свидетельствуют, что подобного различия не проводилось. Слова «еврей» и «сторонник большевизма» рассматривались как синонимы. Мы уже упоминали о разработанном весной 1940 года «Едином генеральном плане повстанческого штаба ОУН». В мае

1941 года, непосредственно перед германским вторжением в Советский Союз, ОУН (Б) разработала новый план восстания — инструкцию «Борьба и деятельность ОУН во время войны». Инструкция 1941 года отличалась от «Единого генерального плана» большей проработанностью конкретных вопросов. В ней подробно описывались мероприятия, которые следовало проводить новым органам государственной власти, военным структурам и организациям. В отличие от «Единого генерального плана» в инструкции не был обойдён вниманием и национальный вопрос.

Согласно пункту 16 раздела «Указания на первые дни организации государственной жизни», принципы политики ОУН по отношению к национальным меньшинствам сводились к следующему:

«Национальные меньшинства подразделяются на:

а) дружественные нам, то есть члены всех порабощённых народов;

б) враждебные нам — москали, поляки, жида;

а) имеют одинаковые права с украинцами, они могут возвратиться на свою родину.

б) уничтожаются в борьбе, кроме тех, кто защищает режим: переселение в их земли, уничтожить прежде всего интеллигенцию, которую нельзя допускать ни до каких правительственных учреждений, и вообще сделать невозможным появление интеллигенции, то есть доступ до школ и т.д. Например, так называемых польских селян необходимо ассимилировать, осведомляя их, тем более в это горячее, полное фанатизма время, что они украинцы, только латинского обряда, насильно ассимилированные. Руководителей уничтожать. Жидов изолировать, убрать из правительственных учреждений, чтобы избежать саботажа, тем более москалей и поляков.

Если бы была непреодолимая необходимость оставить в хозяйственном аппарате жида, поставить над ним милиционера и ликвидировать за малейшую провинность. Руководителями отдельных областей жизни могут быть лишь украинцы, а не чужинцы-враги. Ассимиляция жидов исключается».

Следующий, 17-й пункт раздела пояснял: «Наша власть должна быть страшна для её противников. Террор для чужинцев-врагов и своих предателей».

Террор против противников ОУН должен был начаться сразу после вооружённого выступления. В военном разделе инструкции имелся специальный параграф об «очищении территории от враждебных элементов».

Дальнейшее развитие пункт об «очищении территории от враждебных элементов» получал в разделе «Организация Службы безопасности».

«Следует помнить, что существуют активисты, которые, как главная опора силы НКВД и советской власти на Украине, должны быть при создании нового революционного порядка на Украине обезврежены. Такими активистами являются:

москалы, посланные на украинские земли для закрепления власти Москвы на Украине;

жиды, индивидуально и как национальная группа;

чужинцы, преимущественно разные азиаты, которыми Москва колонизирует Украину с намерением создания на Украине национальной чересполосицы;

поляки на западноукраинских землях, которые не отказались от мечты о Великой Польше...»

К слову, «за ходом формирования идеологии украинских националистов пристально следили лидеры фашистской Германии, в частности, Розенберг и Канарис. При обсуждении вопросов использования украинских нацио-

налистов в своих экспансионистских целях они обратили внимание на то, что ОУН не имеет своей политической идеологии. Аналогичная оценка была выражена и в справке-докладе, подготовленной 13 декабря 1938 г. для Гитлера. В документе подчёркивается, что ОУН никогда не имела своей политической идеологии. В своей деятельности она ограничивалась мелкими террористическими акциями в Галиции...

В последние годы, получив поддержку от Министерства рейхсвера, она превратилась в группу, занимающуюся вопросами разведки и контрразведки», — констатирует профессор Ткаченко.

Следовательно, идеология ОУН формировалась в период распространения фашизма в Западной Европе. Соответственно, Степан Бандера, как один из самых активных её членов, не мог не усвоить её как-то иначе.

«Честолюбивый недоучившийся агроном, не имевший ещё никаких заслуг перед движением, поставил своей целью вывести из руководства ОУН Е. Коновальца. И он активизирует свою деятельность, входит в руководство «Краевой экзекутивы». Под его руководством осуществляются дерзкие разбойные нападения на почтовые отделения и специальные автобусы, перевозившие значительные суммы денег. Таким путём добывались финансовые ресурсы для организации. Были осуществлены вооружённые нападения на еврейский «Народный банк» в Бориславе и банковские конторы во Львове, Стрые, Трускавце и других галицких городах.

В 1932—1933 гг. С. Бандера стал заместителем и руководителем Краевой экзекутивы, комендантом УВО. Под его руководством осуществляются резонансные политические акции. Среди них убийство депутата польского сейма Тадеуша Голувко, комиссара полиции Львова Емельяна Че-

ховского. Бандера был организатором убийства секретаря советского консульства во Львове Андрея Майлова. Всем этим он заслужил доверие будущих европейских хозяев. Для совершенствования своей «профессии» он побывал в Берлине и вернулся оттуда агентом гитлеровских спецслужб под кличкой Серый. Побывал и в Италии, где прошёл полный курс мастера «чёрных дел» в специальной школе террористов», — утверждает доктор исторических наук, профессор Е.Ф. Безродный.

Глава 4

НКВД ПРОТИВ ОУН

Как известно, активисты УВО в своей повседневной деятельности вели учёт бывших военнослужащих УГА, собирали оружие и разрабатывали планы вооружённого восстания против Польши. Но, кроме так называемой боевой и пропагандистской работы, они вели подрывную деятельность и индивидуальный террор против польских властей.

Созданная ими широкая сеть резидентур и подпольных групп в Галичине, в крупных городах Польши и некоторых других стран — это было ещё ничего по сравнению с другими фактами, которые фиксировались интересующимися ими спецслужбами.

Например, «в составе «Начальной команды» УВО создаётся рефертура разведки, которую возглавили Ярослав Чиж (бывший сотрудник разведки Австро-Венгрии, а затем и Корпуса сечевых стрельцов), сотники Николай Колтуняк и Осип Думин. Создаются разведподразделения окружных и уездных команд УВО, конспиративные линии связи, по которым информация поступала в «почтовые ящики», находившиеся в ведении руководителей разведки УВО. В учебнике «Разведка», подготовленном Генштабом Польши, отмечалось, что «разведывательная сеть УВО была наиболее и наилучше организованною в своём роде в Европе». Собирается разноплановая информация о вооружённых силах, государственных учреждениях, промышленности,

коммуникациях Польши. Источниками информации служили украинцы военнослужащие или гражданские лица, корыстолюбивые чиновники всех национальностей. Так, сотрудники-украинцы штаба армейского корпуса в Перемышле по заданию разведчика УВО Заблоцкого добыли данные о дислокации и командном составе частей, мобилизационные схемы, секретные приказы и документацию местного арсенала.

Уже в марте 1925 г. состоялся громкий судебный процесс над членами УВО по обвинению в разведывательно-подрывной деятельности... По нему проходили 10 участников во главе с руководителем УВО в Галичине Андреем Мельником, получившим 4 года тюрьмы. Всего к 1928 году около 100 украинских националистов отбывали наказания по обвинению в шпионаже. По данным дефензивы (контрразведки, подчинённой II отделу Генштаба Польши), в 1929—1935 гг. около 630 украинцев собирали разведанные (26 % от общего числа подозреваемых в шпионаже)».

Как мы уже говорили, в 1921 г. лидер УВО Коновалец вступил в тайные отношения с абвером. Например, в «Меморандуме по украинскому вопросу», подготовленному в 1938 г. НСДАП, говорилось: «В 1922 году тогдашний начальник немецкой контрразведки полковник Гемпш вошёл в письменное соглашение с руководителем ОУН полковником Е. Коновальцем, на основании которого украинская организация получала материальную поддержку, за что передавала отделу контрразведки сведения о польской армии. Затем организация взялась за подготовку в Польше диверсионных актов. Регулярная месячная плата Коновальцу доходила до 900 марок».

Контакт между УВО и абвером осуществлял напрямую некий Рихард Ярый, ставший руководителем разведывательных курсов для УВО, организованных в Баварии (Мюнхене) майором Фоссом.

Рихард (Рико) Ярый (Ярий) родился в 1888 году во Львове в семье майора царской армии (отец — чех, мать — польская еврейка). В 1912 году он окончил военную академию в Винер-Нойштадте и в звании поручика был направлен в 9-й драгунский полк в Коломые. В армии Западно-Украинской Народной Республики дослужился до командира 2-го конного полка конной бригады. Имел звание сотника — капитана. В армии УНР — в 5-м Херсонском конном полку, в составе которого в 1920 году перешёл границу Чехословакии и стал командиром интернированных украинских кавалеристов в Ужгороде.

До своей женитьбы на красавице Ольге (Рейзель, Розе) Шпильфогель Ярый слыл человеком праздным: любил комфорт, модную одежду и дорогое шампанское. Семейную же идиллию осложнял прежде всего вопрос денег. С отцом отношения не сложились, а 26-летняя жена приданого из-за побега под венец без благословения не получила.

«Нужда» заставила сотника спекулировать казёнными лошадьми. От суда его только спасло расформирование части.

Будучи весёлым, хитрым и умелым дипломатом, Ярый владел несколькими иностранными языками. В отношениях с людьми мог быть корректным. Собеседников притягивал симпатичный и весьма представительный офицер.

Именно таким он и попал на связь к майору Фоссу из германской разведки. Естественно, появились и деньги.

Например, в 1923—1928 гг. УВО Коновальца получила около двух миллионов рейхсмарок.

При этом из-за денег же периодически возникали и скандалы. Так, в 1926 г. Ярый, снова «нуждаясь», предложил «сдать» полякам всего лишь нескольких немецких агентов. Правда, не получилось, а его как-то не поняли, но убрать не смогли.

«В 1923 г., находясь в Берлине, Коновалец установил связь с германским штабом через бывшего офицера сечевых стрелцов Карпата (он же — Ришард Ярый).

С этого времени сотрудничество УВО с немецкой разведкой (через полковника Райхенау и ротмистра Баумайстера из разведуправления ГШ, а также начальника тайной полиции Дильса) быстро расширялось. Уже с 1925 г. разведрезидентура УВО действовала в Данциге. Далее Дильс в том же году поручил Коновальцу расширить число оуновцев в рядах тайной полиции разных стран — на Балканах, в государствах Малой Антанты, в Швейцарии, Польше и Прибалтике. Коновалец это задание выполнил. Взамен ОУН получила от немцев вознаграждение, составляющее в середине 30-х годов сумму приблизительно в 80 000 рейхсмарок (50 тыс. от рейхсвера и 30 тыс. от Дильса). Эта сумма была выплачена частично в руки самому Коновальцу (в Женеве), частично — Карпату-Ярому (в Берлине)» (В.К. Былинин, В.И. Коротаев. Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб).

В абвере ОУН была зарегистрирована как разведывательная структура под зашифровкой «Украинише Кампф-организацион». При этом разведывательные функции между отдельными оуновскими деятелями были строго разграничены. Например, Роман Сушко в специальные анкеты вносил информацию об обстановке в польской армии и передавал немцам. Всю разведывательную работу координировал один лишь Рико Ярый.

Сотрудничество с литовскими спецслужбами давало ОУН не только фальшивые паспорта, возможность выпуска политической литературы, но и денежное вознаграждение в сумме 6—8 тысяч долларов США.

В 1926 году разведка УВО приобрела план польского вторжения в Литву. Детали операции были сообщены как

литовскому правительству, так и правительствам Англии и Германии. Тесное сотрудничество со спецслужбами Литвы было тесным и абсолютно не случайным. Именно в столице Литвы Каунасе разместилась резидентура УВО во главе с сотником Иосифом Ревьюком (Йонасом Братвичусом). В неё входили 15 сотрудников, владевших польским, литовским и белорусскими языками. Они собирали информацию в регионе Вильнюс — Гродно — Лида — Пинск, содействовали закупке и переправке в Галичину оружия, поддерживали связь с резидентурами УВО в Берлине, Вене, Париже. В последние годы жизни Е. Коновалец использовал для прикрытия именно литовский паспорт.

Из документов, изъятых чешской полицией у Сеника (тайный архив ОУН), стало известно: в 1931 году расходы ОУН на содержание зарубежного руководства, на прессу, на обеспечение боевиков, на помощь заключённым, на адвокатские услуги составили 22 тыс. 143 доллара. Для «революционной работы» в Галиции передано 7425 долларов. Из Америки в Галицию было передано 24 тысячи долларов, но по адресу дошло только 5 тысяч.

В начале 1933 года после утверждения в Германии фонда, предназначенного для финансирования национальных меньшинств, украинцам было выделено 200 тыс. марок. Коновальцу же платили 7000 марок в месяц. Кроме того, он получал отдельную плату за выполнение спецзаданий. Известно, что с 1 января 1934 года лидер ОУН получал от немцев по 110 тысяч марок в месяц.

По сведениям, переданным польской разведке её информатором (на самом деле — двойным агентом), пресвитером Яковом Кравчуком, близким к высшим руководителям ОУН, в бюджете ОУН (Освободительный фонд) на 1936—1937 гг. из общей суммы, эквивалентной 126 тыс. 282 дол-

ларам США, 50 тыс. поступило от Германии, 30 тыс. от Литвы. Непосредственно на разведку потратили 20 тысяч.

В 1931 г. эмиссары ОУН установили контакты с британской спецслужбой СИС через её кадрового сотрудника в посольстве Англии в Варшаве Д. Росса. В 1934 г. японский военный атташе в Стамбуле обсудил с представителями ОУН возможности сбора информации о СССР. По данным разведки НКВД, в августе 1937 г. Ярый свёл в венском отеле «Бристоль» Коновальца и шефа войскового штаба ОУН генерала Николая Капустянского с японским военным атташе в Берлине, генштабистом и кадровым разведчиком Ито — советником посольства Японии в Париже. Стороны договорились о сотрудничестве в сборе разведывательной информации по Советскому Союзу с позиции ОУН в Маньчжурии».

Весьма любопытно, но факт: «...с целью организации шпионско-диверсионной деятельности на землях УССР боевики ОУН — УВО в данный период активно использовали Коммунистическую партию Западной Украины в качестве прикрытия. Именно под видом курьеров КПЗУ они пересекали польско-советскую или румыно-советскую границу, а затем, установив контакты с местными бандитами и прочими тёмными элементами, творили порученное им дело по «расширению рядов» своих сторонников... т.е. по проведению акций саботажа, диверсий, убийств и т.п. С таким же успехом для проведения разведмероприятий и диверсий в самой Польше, а также в Венгрии и Румынии оуновцы использовали документы и каналы связи КП Закарпатской Руси (КПЗР)» (В.К. Былинин, В.И. Коротеев).

Надо сказать, что в 20-е годы с УВО приходилось бороться прежде всего польской полиции. Работала она, как считают историки, достаточно профессионально. Она на данном направлении включала в том числе и агентурную

разведку, массовость агентуры в оуновской среде. Причём агентурная разведка считалась приоритетной. Если в 20-е годы в ОУН были выявлены 5 агентов, то в 30-е число выявленных возросло до 11.

Например, в Стрые на полицию трудился в качестве информатора даже дядя Степана Бандеры.

С советской стороны за УВО—ОУН, судя по документам, наблюдали долго и терпеливо.

Агенты были внедрены не только в организацию, но и в само окружение её лидера — Коновальца. Только в 1934 г. терпение, видимо, лопнуло.

Как вспоминал генерал П. Судоплатов, «после трагического убийства советского дипломата Майлова во Львове, совершённого террористом ОУН Лемеком в 1934 году, председатель ОГПУ Менжинский издал приказ о разработке плана действий по нейтрализации террористических акций украинских националистов. Украинское ГПУ сообщило, что ему удалось внедрить в подпольную военную организацию украинских националистов в изгнании (ОУН) своего проверенного агента — Лебеда. Это было крупным достижением.

Слуцкий, к тому времени начальник Иностранного отдела, предложил мне стать сотрудником-нелегалом, работающим за рубежом. Сначала это показалось мне нереальным, поскольку опыта работы за границей у меня не было и я ничего не знал об условиях жизни на Западе. К тому же мои знания немецкого, который должен был мне понадобиться в Германии и Польше, где предстояло работать, равнялись нулю.

Однако чем больше я думал об этом предложении, тем более заманчивым оно мне представлялось. И я согласился. После чего сразу приступил к интенсивному изучению немецкого языка — занятия проходили на явочной квартир-

ре пять раз в неделю. Опытные инструкторы обучали меня также приёмам рукопашного боя и владению оружием».

Павел Анатольевич Судоплатов — личность достаточно известная, и всё же необходимо хоть немного рассказать о начале его пути в разведке.

Он родился 7 июля 1907 года в Мелитополе (по отцу — украинец, по матери — русский).

Окончил двухклассное училище и два курса факультета советского права МГУ в 1933 году.

Участник Гражданской войны, с 1921 г. работает в оперативном отделе дивизии и в Волынском губернском отделе ГПУ в Житомире.

С 1923 г. на комсомольской работе в Мелитополе, а с 1925 г. — в органах ГПУ Украины.

С августа 1928 года — уполномоченный секретно-политического отдела Харьковского губотдела, затем — уполномоченный Инфо ГПУ УССР в Харькове.

С февраля 1932 года — старший инспектор отдела кадров ОГПУ в Москве (центральный аппарат ОГПУ). Первоначально курировал Иностранный отдел, а затем и работал в этом отделе.

«После восьми месяцев обучения, — напишет Судоплатов в своих мемуарах, — я был готов отправиться в свою первую зарубежную командировку в сопровождении Лебеда, «главного представителя» ОУН на Украине, а в действительности нашего тайного агента на протяжении многих лет. Лебедь с 1915-го по 1918 год просидел вместе с Коновальцем в лагере для военнопленных под Царицыном. В Гражданскую войну он стал заместителем Коновальца и командовал пехотной дивизией, сражавшейся против частей Красной Армии на Украине. После отступления Коновальца в Польшу в 1920 году Лебедь был направлен им на Украину для организации подпольной сети ОУН. Но там

его арестовали. Выбор перед ним был простой: или работать на нас, или умереть.

Лебедь стал для нас ключевой фигурой в борьбе с бандитизмом на Украине в 20-х годах. Его репутация в националистических кругах за рубежом оставалась по-прежнему высокой: Коновалец рассматривал своего представителя как человека, способного провести подготовительную работу для захвата власти ОУН в Киеве в случае войны. От Лебеда, которому мы разрешали выезжать на Запад в 20-х и 30-х годах по нелегальным каналам, нам и стало известно, что Коновалец лелеял планы захвата Украины в будущей войне. В Берлине Лебедь встречался с полковником Александром, предшественником адмирала Вильгельма Канариса на посту руководителя германской разведслужбы в начале 30-х годов, и узнал от него, что Коновалец дважды виделся с Гитлером, который предложил, чтобы несколько сторонников Коновальца прошли курс обучения в нацистской партийной школе в Лейпциге».

Впервые за границу В. Лебедь-Хомяк (1899 г.р.) попал в начале 1933 года. Якобы спасаясь от арестов, он по хорошо сфабрикованным документам устроился на корабль. В Бельгии остался и восстановил связь с Коновальцем.

Именно от В. Лебеда была получена информация о командировке в США пятерых боевиков во главе с Мишугой для теракта против наркома иностранных дел СССР М. Литвинова в 1933 году. Террористы были арестованы.

В 1935 году Судоплатов выехал за границу как «племянник» Лебеда и его помощник в работе. В Хельсинки Лебедь передал его на попечение главного представителя ОУН в Финляндии Полуведько (агент ИНО ОГПУ), который, не зная об истинной роли Судоплатова, вообще предложил последнего убрать. Но решение таких вопросов не входило в его компетенцию.

Судоплатов вспоминал: «После двух месяцев ожидания в Хельсинки прибыли связные от Коновальца — Грибовский (Канцлер) из Праги и Андриевский из Брюсселя. Мы отправились в Стокгольм пароходом.

При посадке мне вручили фальшивый литовский паспорт...

В июне 1936 года прибыли в Берлин, и там я встретился с Коновальцем, который расспрашивал меня обо всём с большим пристрастием. Наша встреча проходила на квартире, находившейся в здании Музея этнографии и предоставленной ему германской разведслужбой. В сентябре меня послали на три месяца в нацистскую школу в Лейпциге. Во время учёбы я имел возможность познакомиться с оуновским руководством. Слушателей школы, естественно, интересовала моя личность. Однако никаких проблем с моей «легендой» не возникало.

Мои беседы с Коновальцем становились между тем всё серьезнее. В его планы входила подготовка административных органов для ряда областей Украины, которые предполагалось освободить в ближайшем будущем, причём украинские националисты должны были выступить в союзе с немцами. Я узнал, что в их распоряжении уже имеются две бригады, в общей сложности около двух тысяч человек, которые предполагалось использовать в качестве полицейских сил в Галиции... и в Германии.

Оуновцы всячески пытались вовлечь меня в борьбу за власть, которая шла между двумя их главными группировками: «стариков» и «молодёжи». Первых представляли Коновалец и его заместитель Мельник, а «молодёжь» возглавляли Бандера и Костарев. Моей главной задачей было убедить их в том, что террористическая деятельность на Украине не имеет никаких шансов на успех, что власти немедленно разгромят небольшие очаги сопротивления. Я на-

стаивал на том, что надо держать наши силы и подпольную сеть в резерве, пока не начнётся война между Германией и Советским Союзом, а в этом случае немедленно их использовать.

Особенно тревожили террористические связи этой организации, в частности; договорённость с хорватскими националистами и участие в убийстве югославского короля Александра и министра иностранных дел Франции Луи Барту. Для меня было открытием, что все эти террористы финансируются абвером — разведывательной и контрразведывательной службой вермахта. Полной неожиданностью явилась для меня и новость, что убийство польского министра генерала Перацкого в 1934 году украинским террористом Мацейко было проведено вопреки приказу Коновальца и стоял за этим Бандера, соперничавший с последним за власть. Бандера стремился к контролю над организацией, играя на естественной неприязни украинцев к Перацкому, который нёс ответственность за репрессии против украинского меньшинства в Польше. Коновалец рассказал мне, что к этому времени между Польшей и Германией был подписан договор о дружбе, так что немцев никоим образом не устраивали любые враждебные акции по отношению к полякам. Они были так взбешены, что выдали Бандеру, скрывавшегося в Германии».

В доверие к Коновальцу Павел Анатольевич сумел войти, передав ему однажды содержимое одного конфиденциального разговора.

«Как-то Костарев и ещё несколько молодых украинских националистов, слушателей нацистской партийной школы, стали говорить, что Коновалец слишком стар, чтобы руководить организацией, и его следует использовать лишь в качестве декоративной фигуры. Когда они спросили моё мнение, я возмущённо ответил:

— Да кто вы такие, чтобы предлагать подобное? Наша организация не только полностью доверяет Коновальцу, но и регулярно получает от него поддержку, а о вас до моего приезда сюда мы вообще ничего не слышали.

Когда я рассказал об этом Коновальцу, лицо его побледнело. Позже Костарев был уничтожен. Не думаю, что это случайное совпадение».

Удивительно, но Судоплатов каким-то образом сумел обаять лидера ОУН. Кто знает, сыграли в этом роль его подготовка в Москве или какие другие качества, но всё-таки это произошло. Коновалец привязался к нему и взял под свою опеку. Он очень часто брал Судоплатова погулять по городу. Один раз даже сводил Павла Анатольевича на спектакль в Берлинскую оперу.

Особое расположение Коновальца подтверждает предложение к Судоплатову сопровождать его в инспекционной поездке в Париж и в Вену.

А вскоре пришло распоряжение «дяди» Лебеда о возвращении на Украину, где Судоплатова должны были оформить на советское судно, регулярно заходившее в иностранные порты. Предполагалось, что это давало бы возможность поддерживать постоянную связь между подпольем ОУН на Украине и националистическими организациями за рубежом. Коновалец, как и следовало предполагать, одобрил эту идею.

В течение всего 1937-го и части 1938 года Судоплатов неоднократно выезжал нелегальным курьером на Запад под крышей радиста грузового судна. Тогда же он встречался и с Коновальцем.

А потом он получил приказ: ликвидировать Коновальца. Для этого было разработано несколько вариантов операции.

«Первый из них предполагал, что я застрелю Коновальца в упор. Правда, его всегда сопровождал помощник Барановский, кодовая кличка которого — Пан инженер.

Найти момент, когда я останусь с Коновальцем один на один, почти не представлялось возможным.

Второй вариант заключается в том, чтобы передать ему «ценный подарок» с вмонтированным взрывным устройством. Этот вариант казался наиболее приемлемым: если часовой механизм сработает как положено, я успею уйти.

Сотрудник отдела оперативно-технических средств Тимашков получил задание изготовить взрывное устройство, внешне выглядывшее, как коробка шоколадных конфет, распечатанная в традиционном украинском стиле. Вся проблема заключалась в том, что мне предстояло незаметно нажать на переключатель, чтобы запустить часовой механизм. Мне этот вариант не слишком нравился, так как яркая коробка сразу привлекла бы внимание Коновальца. Кроме того, он мог передать эту коробку постоянно сопровождавшему его Барановскому.

Используя своё прикрытие — я был зачислен радистом на грузовое судно «Шилка», — я встречался с Коновальцем в Антверпене, Роттердаме и Гавре, куда он приезжал по фальшивому литовскому паспорту на имя господина Новака. Литовские власти в 30-е годы регулярно снабжали функционеров ОУН фальшивыми загранпаспортами.

Игра, продолжавшаяся более двух лет, вот-вот должна одна завершиться. Шла весна 1938 года, и война казалась неизбежной. Мы знали: во время войны Коновалец возглавит ОУН и будет на стороне Германии».

И действительно, Коновалец был опаснейшим противником. И не только для СССР. Учитывая польскую кровь по матери, с трудом можно понять Коновальца как последовательного борца за освобождение украинских земель из-под власти Польши.

И тем не менее именно Коновалец инициировал начало объединения в среде разрозненных украинских национали-

стических организаций, завершив этот процесс в 1929 году. Благодаря Коновальцу ОУН превращается в новый фактор украинской националистической политики.

Вот его слова, сказанные в одном из споров с политиками из среды демократов относительно будущего устройства Украины: «Вы идите на Киев через Париж и Лондон, а мы, националисты, будем идти через Берлин и Токио. Главное — идти на Киев».

Однако, как пишет кандидат исторических наук К. Бондаренко, «в руководящих структурах ОУН во времена Коновальца работали двое русских (Костарев и Кожевников), двое поляков, один еврей и один полуавстриец-полусловенец. Настоящий националистический интернационал!»

Естественно, у Коновальца были и серьёзные промахи, и банальные злоупотребления, замеченные прежде всего самими немцами.

«Их особенно раздражала поставляемая «украинской агентурой» дезинформация о положении в СССР, в которой хвастливо преувеличивались заслуги ОУН «в деле подрыва СССР изнутри, — считает А. Войцеховский. — По-иному стал смотреться и сам Коновалец, проваливший агентурную работу в Польше и Швейцарии и выдворенный из этих стран за террористическую деятельность. Ответственный чиновник НСДАП Шикеданц докладывал руководству нацистской партии: «Коновалец не произвёл на меня впечатления вождя народа и даже в какой-то мере значительной личности. На мой взгляд, его можно отнести к категории людей посредственных способностей». Всё более скептическое отношение к нему сменялось открытым игнорированием. Берлинская «Фольксцайтунг» без всяких обиняков называла «вождём украинцев», верным последователем Гитлера Рико Ярого. Имя Коновальца даже не упоминалось...»

Но вред, который приносила его деятельность Советскому Союзу, был однозначно велик. Под руководством Коновальца ОУН готовила своих боевиков к вооружённому вторжению на Украину вместе с германскими войсками. Не исключалась и японская армия.

В 1938 году он имел намерение нелегально прибыть в Украину с целью поддержки остатков националистического подполья.

А в это время в Москве было изготовлено взрывное устройство в виде коробки конфет. Как вспомнит сам Судоплатов, «часовой механизм не надо было приводить в действие особым переключателем. Взрыв должен был произойти ровно через полчаса после изменения положения коробки из вертикального в горизонтальное. Мне надлежало держать коробку в первом положении в большом внутреннем кармане своего пиджака. Предполагалось, что я передам этот «подарок» Коновальцу и покину помещение до того, как мина сработает.

Шпигельглас сопровождал меня в кабинет Ежова, который лично захотел принять меня перед отъездом. Когда мы вышли от него, Шпигельглас сказал:

— Тебе надлежит в случае провала операции и угрозы захвата противником действовать как настоящему мужчине, чтобы ни при каких условиях не попасть в руки полиции.

Фактически это был приказ умереть. Имелось в виду, что я должен буду воспользоваться пистолетом вальтер, который он мне дал.

Шпигельглас провёл со мной более восьми часов, обсуждая различные варианты моего ухода с места акции. Он снабдил меня сезонным железнодорожным билетом, действительным на два месяца на всей территории Западной Европы, а также вручил фальшивый чехословацкий па-

спорт и три тысячи американских долларов, что по тем временам было большими деньгами. По его совету я должен был обязательно изменить свою внешность после «ухода»: купить шляпу, плащ в ближайшем магазине».

Примерно «с 1933 года Коновалец особенно страдал от болезни почек. Иногда болезнь становилась невыносимой — и ему приходилось отходить от дел, заниматься лечением. У него оставалось мало времени для семьи, однако он очень любил свою жену Ольгу и сына Юрия и всячески старался компенсировать своё отсутствие дома. Особенно он баловал сына, посылая ему конфеты и шоколад. После нескольких покушений на Коновальца было решено отправить его семью в Рим, где она находилась бы в безопасности. Сам Коновалец продолжал странствовать: Берлин, Прага, Берн, Роттердам» (К. Бондаренко).

Во время своих визитов к Коновальцу Судоплатов постоянно привозил вождю ОУН в коробках из-под обуви и печенья крупные суммы денег, сигареты, а кроме того, шоколад для его любимого маленького сына Юры. Словом, Судоплатов не просто пришёлся Коновальцу по душе, но и приручил его «своими подарками».

Настал черёд и самого последнего!

23 мая 1938 года в Роттердаме погода была тёплой и солнечной. Пролил дождь. На часах без десяти двенадцать. Коновалец уже ждал за столиком у окна ресторана «Атланта». Судоплатов вошёл туда и подсел за столик. Говорили недолго и условились снова встретиться в центре города в 17.00. Только теперь Павел Анатольевич бережно положил ту самую коробку шоколадных конфет на столик рядом с ним, сказав, что срочно необходимо вернуться на судно.

«Мы пожали друг другу руки, и я вышел, сдерживая своё инстинктивное желание тут же броситься бежать, — расскажет спустя десятилетия П.А. Судоплатов. — Помню,

как, выйдя из ресторана, свернул направо на боковую улочку, по обе стороны которой располагались многочисленные магазины. В первом же из них, торговавшем мужской одеждой, я купил шляпу и светлый плащ. Выходя из магазина, я услышал звук, напоминавший хлопок лопнувшей шины. Люди вокруг меня побежали в сторону ресторана. Я поспешил на вокзал, сел на первый же поезд, отправлявшийся в Париж, где утром в метро меня должен был встретить человек, лично мне знакомый. Чтобы меня не запомнила поездная бригада, я сошёл на остановке в часе езды от Роттердама. Там, возле бельгийской границы, я заказал обед в местном ресторане, но был не в состоянии притронуться к еде из-за страшной головной боли...

Всё прошло без сучка и задоринки».

Позже в газетах выдвигались три версии: Коновальца убили большевики, Коновальца убила соперничающая группировка украинцев, Коновальца убрали поляки.

Но, как бы то ни было, гибель Коновальца вызвала первый и серьёзнейший раскол в ОУН, имеющий соответствующие последствия. Потом было много смертей как соратников, так и боевиков.

Глава 5

БЕСПОЩАДНАЯ ВОЙНА ЗА ВЛАСТЬ

Степан Бандера отсидел в польских тюрьмах около пяти лет. Среди них была даже Брестская крепость. В одиночной камере, несмотря на строгие условия содержания, он трижды организовывал голодовки на 9, 13 и 16 дней. Если верить словам, которые цитируют сегодня, то был он человеком то ли отчаянным, то ли фанатично преданным идее, потому как на суде скажет: «Вам лучше всего известно, что я знаю, что погибну, и известно вам, что мне давали возможность свою жизнь спасти. Живя год с уверенностью, что я потеряю жизнь, я знаю, что переживает человек, у которого есть перспектива в ближайшее время жизнь потерять. Но на протяжении всего времени я не переживал того, что переживал тогда, когда посылал двух членов на верную смерть: Лемика и того, кто убил Перацкого...» (С. Липовецкий).

Имеется в виду Львовский процесс (1936 г.), где он получил второй пожизненный приговор. На Варшавском (1935 г.) судебном процессе был осуждён к смертной казни, которая заменена на пожизненное заключение.

Летом 1938-го ОУН планировало выкрасть С. Бандеру из тюрьмы во Вронках. Но, когда подготовительный процесс уже практически был завершён, операцию вдруг вынуждены были прекратить. А некоторые организаторы были арестованы.

Итак, 1939 год. Началась Вторая мировая война. В Польшу сначала вошёл германский вермахт, а через некоторое время и Красная Армия. Только теперь начинало сбываться то, о чём мечтали оуновцы. «Мы хотим не только обладать украинскими городами, но и топтать вражеские земли, захватывать вражеские столицы, а на их развалинах отдавать салют Украинской империи... Хотим выиграть войну — великую и жестокую. Которая сделает нас хозяевами Восточной Европы», — говорилось в работе одного из главных теоретиков ОУН Н. Колодзинского в «Украинской военной доктрине».

Естественно, ещё при немцах двери тюрем распахнулись для их арестантов.

По одной из версий, Бандера вышел из заключения сам, по другой — его освободили немцы. С этих самых пор он больше не посещал территории Украины (утверждал Л. Ребет). Если не считать кратковременного пребывания там сразу же после освобождения. То есть когда он в конце сентября подпольно прибыл во Львов (пешком дошёл до города), где на протяжении около двух недель занимался разработкой стратегии будущей борьбы. По крайней мере так утверждают его биографы.

«Главное — создание густой сети ОУН по всей Украине, налаживание её широкомасштабной деятельности. Продумывался план действий на случай массовых репрессий и депортаций советскими оккупантами населения Западной Украины», — пишет И. Набытович.

Другой автор, С. Шумов уточняет: «Он пешком дошёл до Львова, который уже заняла Советская Армия. Во Львове он конспиративно пробыл около двух недель и понял, что пока тут работать нельзя. Частные магазины Львова были закрыты, государственные — пусты, запрещены все политические партии, общественные и культурные орга-

низации, прекращён выпуск всей прессы, выходявшей в Польше. Людей убивали только за принадлежность к ОУН, невзирая на возраст.

В октябре 1939 года С.А. Бандера нелегально переходит немецко-советскую демаркационную линию и приезжает в Краков, оккупированный немцами.

Официальным краевым проводником ОУН на Западной Украине тогда был В. Тымчий-Лопачинский, полностью признававший авторитет С.А. Бандеры и его взгляды. Тогда же С.А. Бандера женился на Ярославе Опаривской».

В санатории Пещаны в Словакии Бандера немного отдыхает, лечится (в тюрьме обострились болезни суставов) и осматривается. А думать было над чем.

Дело в том, что после смерти Коновальца сразу же возник вопрос о преемнике на посту руководителя ОУН. Инициатором внутриорганизационного заговора, в который были посвящены Сенник и Сциборский, выступил Ярослав Барановский (1906—1943) — боевик, с 1924 г. — член ОУН, с 1933 г. — секретарь Провода украинских националистов.

Как пишет К. Бондаренко, «их главной целью было недопущение к власти в ОУН Рико Ярого — ближайшего соратника Коновальца, отвечавшего за связи ОУН с абвером. Так возникла легенда о том, что Коновалец оставил устное завещание: своим преемником он хотел бы видеть полковника Андрея Мельника, жившего в ту пору во Львове и не принимавшего участия в националистической работе. Не так давно появились данные о том, что Мельника в качестве Вождя ОУН был заинтересован увидеть и митрополит Андрей Шептицкий, у которого Мельник тогда работал и с которым поддерживал отношения Ярослав Барановский.

Мельник выехал в Вену и в Рим и вскоре был провозглашён новым Вождём. На состоявшемся вскоре 2-м Великом собрании украинских националистов Ярый не вошёл в со-

став руководящих органов. Ярый пообещал: «Будет война!» И война началась».

Именно по распоряжению Андрея Мельника был арендован санаторий в словацком городке Пешаны, где наиболее известные боевики поправляли своё пошатнувшееся здоровье за счёт Организации. По воле случая Рико Ярый был распорядителем быта отдыхающих. Здесь то он и познакомился с Бандерой. Общий язык они нашли быстро.

«Можно было бы в какой-то степени согласиться с мнением тех историков, которые считают, что одной из причин раскола стала борьба молодых «волков», вышедших из польских тюрем на волю, со старыми, сидевшими в эмиграции, — говорит профессор А. Чайковский. — Мельник относился к старой генерации, Бандера и Шухевич — к новой. В своё время юный Шухевич, например, вошёл в ОУН под влиянием уже взрослого Коновальца, который снимал квартиру в доме бабки Шухевича. Спустя полтора десятка лет настало время пересмотра иерархии...

Впрочем, версии «конфликта волков и волчат» противоречит тот факт, что Бандеру поддержал Рико Ярый, приближённый Коновальца со времён петлюровщины. Он значился Консулом-2, а Мельник — Консулом-1, то есть для абвера они были почти равнозначны.

Несмотря на преданность Мельника, дальновидные немцы хотели создать ему противовес и конкуренцию. С этой целью они «прикормили» Бандеру. Вот что рассказал Эрвин Штольце, начальник самого секретного подразделения Абвер-2: «После разгрома и захвата Польши Германия усиленно готовилась к войне против Советского Союза, поэтому абвер через Мельника принимал меры для активизации подрывной деятельности в советском тылу. В этих целях был завербован Степан Бандера, один из главарей ОУН, освобождённый нами из польской тюрьмы».

По мнению В. Марченко, Мельник был хорошо образованным человеком, сдержанным и терпимым. «Фракция его сторонников, воспользовавшись тем, что большинство их противников находились в тюрьмах, в августе 1939 года на конференции в Риме объявила руководителем ОУН полковника Мельника. Дальнейшие события приняли драматический оборот для украинского национально-освободительного движения».

На 2-м Большом конгрессе ОУН, который проходил в Риме 27 августа 1939 г., председателем ОУН и был избран Мельник. Там же ему был предоставлен титул Вождя, который был ответственным отныне только «перед Богом, нацией и своей собственной совестью». Там же была сделана попытка разработать новую идейно-политическую программу...

Только что закончившаяся немецко-польская война, ввод на территорию Западной Украины частей Красной Армии несколько спутали карты ОУН. И тем не менее, «оценивая ситуацию как благоприятную для развёртывания широкомасштабной антисоветской борьбы, заграничные оуновские центры на стыке 1939—1940 гг. начали форсированную подготовку к вооружённому восстанию в Украине.

С началом этой деятельности в ОУН обозначилась чёткая тенденция к размежеванию взглядов на успехи будущей акции между старыми эмиграционными членами ОУН и революционно настроенной молодёжью. Эмигранты, возглавляемые ПУНОм, не видели возможности проведения эффективного вооружённого выступления, считая его напрасной тратой человеческих сил и жизней. А. Мельник со своим ближайшим окружением склонялся к мысли о необходимости вывести из Украины большинство членов ОУН в Генеральное губернаторство (территория Польши, оккупированная немцами), а остальным проводить прежде все-

го агитационно-пропагандистскую работу и готовиться к диверсиям и локальным вооружённым выступлениям лишь в случае начала войны СССР с соседними государствами. Главные же силы ОУН планировалось подготавливать с помощью немецких военных инструкторов в Генеральном губернаторстве и во время похода вермахта против СССР использовать в борьбе с большевизмом как отдельную союзную украинскую армию. С этой целью в Кракове активно действовало Украинско-немецкое военное бюро, возглавляемое полковником Р. Сушко.

В противоположность старым эмигрантам молодые и радикально настроенные оуновцы считали позицию ПУНа аморфной, неревOLUTIONционной, вредной. Они требовали от руководства Организации немедленно разработать и выслать в Украину детальные инструкции для организации восстания. Оуновская молодёжь, настроенная чрезмерно оптимистически, считала, что восстание в Украине реально может пошатнуть основы советской власти (по крайней мере в Западно-Украинском регионе), докажет мировому сообществу стремление народа к независимости, а главное, создаст нестабильную ситуацию на восточных рубежах Третьего рейха. Заставив Берлин вмешаться в эти события и развязать войну против СССР даже в том случае, если правительство Германии не имеет таких планов. Молодые радикалы видели необходимость развёртывания организационной работы в четырёх направлениях — подготовка и проведение восстания в УССР, создание националистических воинских частей за границей, общая военная подготовка оуновцев в Генеральном губернаторстве и обеспечение повстанцев в Украине кадрами, планами, инструкциями, картами, пособиями и т.п.» (История ОУН—УПА).

И всё-таки изначально С. Бандера вступает в сговор с Рико Ярм. Как пишет К. Бондаренко, «именно Ярый в Пе-

щанах осуществляет промывку мозгов Бандеры и его товарищей — Шухевича, Климишина, Лебеда и других. К этой группе присоединяется член Провода Ярослав Стецько, ещё пару месяцев назад писавший восторженные оды в честь Андрея Мельника.

Бандера встретился с Мельником. Как свидетельствуют документы, Мельник предложил Бандере пост своего заместителя. Бандера обещал подумать, но внезапно предъявляет Мельнику ультиматум относительно необходимости усиления революционной борьбы и устранения из окружения Бандеры Барановского и Сеника. Последний был неформальным «канцлером» ОУН, Мельник планировал, что именно Сеник станет премьером независимой Украины, и именно его кандидатуру подал в сентябре 1939 года Канарису. Что касается Барановского, то у Бандеры были свои претензии к этому молодому и талантливому организатору революционной работы. Формальные претензии сводились к тому, что старший брат Барановского сотрудничал с польской полицией. Позже семья Барановских публично отреклась от старшего сына. Но реальные претензии сводились к тому, что Барановский был женат на Анне Чемеринской, руки которой безуспешно добивался Бандера. Огласку получила история пощёчины, которую Чемеринская отвесила Бандере...».

Документально дополняет эту картину борьбы материал О. Россова и Е. Назарова: «Точка зрения мельниковцев изложена в т.н. «Белой книге ОУН». Согласно выписке из неё после смерти Коновальца встреча между Мельником и С. Бандерой, после которой раскол перешёл в острую фазу, состоялась 5 апреля 1940 г. Бандера передал Мельнику письма с требованиями от себя и от своего соратника из числа оуновских функционеров на Западной Украине Карбовича (Я. Стецько). Первоначально Мельник попытался

выяснить полномочия Бандеры и насколько его письма являются официальными.

В переданных же Мельнику письмах содержалось уведомление, что Бандера принимает на себя управление ОУН на основании проведённого Большого собрания ОУН. Это собрание имело место 1 февраля 1940 г. в Кракове, и принимали в нём участие т.н. молодые оуновцы из числа друзей и соратников Бандеры по подполью и терактам.

Поняв, что это личная инициатива Бандеры и нескольких его друзей по подполью и студенческим годам, Мельник пришёл в ярость, письма принял, но обвинил Бандеру в своеволии, нарушении приказов и инструкций и отсутствии у него полномочий выступать в качестве руководителя ОУН. Разозлённый Мельник категорически отверг претензии Бандеры и потребовал от него предстать перед Главным революционным трибуналом ОУН.

Следует отметить, что советские органы госбезопасности тут были абсолютно ни при чём. Узнав о расколе из показаний арестованных членов оуновского подполья, например, на одном из допросов 4 сентября 1940 г. арестованный член ОУН говорил: «...В прочтённой мною части данной шифровки Краковский центр нашей организации излагал следующее: «Заграничный центр раскололся. Более реакционная часть оуновских контрреволюционных кадров в августе 1940 года создала повстанческий антисоветский комитет во главе с ними признанным Степаном Бандерой, под кличкой Сирий...», руководство органов госбезопасности принимает решение разобраться в данной ситуации.

Кстати, сообщения зарубежных агентов НКВД касаясь раскола в ОУН представляют собой большой интерес, поскольку являются как бы оценкой со стороны «независимого лица». В частности, в докладной от 3.12.1940 г. на имя секретаря ЦК КП(б)У Н.С. Хрущёва нарком внутренних

дел И.А. Серов на основании деятельности зарубежного агента Украинец и переданных им документов сообщает следующее:

«...Давая характеристику бандеровской линии, мельниковцы пишут:

«Большого шума наделал своей деятельностью, так называемый Революционный провод, ставя голодных на власть мальчишек, которые долгие месяцы провели в мечтании, как бы без работы и усилия, а только ложью и шумом засесть в проводных местах.

Под их нащёптыванием молодой и необразованный Бандера приложил свою руку к преступлению по расколу националистического движения. Бандеровцы постепенно подорвали славу «революционного провода»...»

В докладной отмечается, что выступление Бандеры против «генеральной линии», конкретно против Коновальца, началось ещё в 1935 г. При этом бандеровцы попытались склонить на свою сторону одного из руководителей ОУН, приближённых к Коновальцу, Я. Барановского. Тогда это не получилось, а Барановский разоблачил бандеровцев перед руководством. Впоследствии Бандера этого не забыл и отомстил, обвинив Барановского в предательстве, и предоставил фотокопии документов польской контрразведки с показаниями Барановского.

Мельниковцы не остались в долгу и обвинили Я. Горбового, двоюродного брата одного из участников собрания и ближайшего соратника Бандеры Владимира Горбового, в сотрудничестве с НКВД.

Сторону Бандеры принял один из старейших организаторов ОУН Рико—Рихард Яры—Ярый. Судя по всему, Ярый и затеял всю эту интригу с Бандерой: «...Одну из главных ролей играл Рихард Ярый, который направлял членов против Мельника. Таким образом возник акт от 10 фев-

раля 1940 года о передаче руководства ОУН в руки Степана Бандеры и Революционного провода...» Однако ситуация просто вышла из-под его контроля.

После взаимных обвинений «...в настоящее время этот раскол дошёл до такого состояния, что сотрудничество Мельника и Бандеры исключено...».

Самое интересное в этом деле, что органы НКВД и знать не знали о наличии «собственного агента» Ярослава Горбового. В директиве под грифом «Совершенно секретно» начальникам УНКВД западных областей УССР нарком госбезопасности УССР П.Я. Мешик 31 мая 1941 г. пишет:

«...Немцами по настоянию мельниковцев был арестован член бандеровского провода, некий Горбовой, который дал показания о том, что он является агентом НКВД. На основании этого Мельник обвинил Бандеру в том, что он якобы действует по заданию советской разведки и его провод создан НКВД...»

Также есть протокол допроса Владимира Горбового польским Министерством общественной безопасности от 9.08.1947 г., переданный спецслужбам. В нём, в частности, говорилось:

«...В 1940-м или в начале 1941 года в Краков возвратился из Советского Союза мой кузен и клиент Горбовой Ярослав, который признался мне, что имеет от имени высших правительственных кругов в Москве миссию установление контакта с Бандерой, но опасается, что за самостоятельную поездку в Москву он будет привлечён к ответственности ОУН.

Он просил меня прощупать настроение Бандеры по этому вопросу.

Мне с большой трудностью удалось встретиться с Бандерой. Он, выслушав моё сообщение, пожелал, чтобы Ярослав Горбовой лично прибыл к нему.

Передать желание Бандеры Горбовому Ярославу мне не удалось, так как в это время Горбовой был, кажется, в Санокке арестован немцами и отправлен в Освенцим, где вскоре умер...»

В документах же, переданных Украинцем по делу Барановского, ситуация выглядит ещё более красочно. Обвинив Барановского в «измене», бандеровцы в течение 6 месяцев не могли предоставить документы и только 16 августа 1940 г. передали фотокопии документов. Мельник отправил дело в трибунал ОУН, отстранив Барановского от дел и назначив экспертизу. Однако, по словам мельниковцев, назначенные в трибунал представители от бандеровцев всячески саботировали его открытие. В конце концов трибунал состоялся.

История Барановских в истории борьбы Бандеры в ОУН за своё лидерство любопытна.

Роман Барановский был старше своего брата Ярослава на два года. Из смешанной семьи, что было тогда не редкостью в Галичине. Мать — полька, отец — украинец. В Украинскую военную организацию оба вступили в период учёбы в гимназии. Вскоре становятся активистами подпольной группы боевиков («Летучей бригады» сотника Ю. Головинского), целью которой были дерзкие нападения на почтовые дилижансы, кассы и банки. Всё это делалось, понятно, для пополнения революционной кассы.

В 1926-м братья Барановские предстают перед польским судом, но получают минимально возможное наказание. Как самый младший, Ярослав освобождается быстрее и вскоре уезжает в Прагу, где ему поручают Центральный исполнительный совет украинских студентов. А Роман остаётся во Львове, устроившись к обычную контору и пытаясь вылечить полученный в тюрьме туберкулёз.

Проходят годы, и вслед за рождением ОУН Ярослав становится одним из трёх ближайших соратников Вождя —

Коновальца. Его друзья — Е. Сенник и О. Ольжич. Скрытый враг — Рико Ярый. Словом, Ярослав сделал блестящую карьеру и устроился в жизни не самым худшим образом. Зато брат продолжал мучаться со своей болезнью, которая давала о себе знать невыносимыми приступами.

В 1928 году он вновь восстанавливает свои контакты с Головинским, который для отвода глаз купил автобус и занимался частным извозом. Поддерживая сотника, Роман выезжает в Цюрих к Коновальцу и добивается смещения Р. Сушко на посту руководителя УВО на территории Западной Украины. Таким образом, Головинский возвращает свой пост — краевого командира. Старший Барановский, соответственно, становится его ближайшим сотрудником.

Летом 1930-го после очередного нападения на почтовый дилижанс Головинского арестовывают, а затем во время следственного эксперимента его убивают при попытке к бегству.

Боевую рефертуру доверяют возглавить Барановскому-старшему. Вообще-то Роман собирался порвать с организацией. Ему не хватало средств для лечения, и он всё чаще пропадал на курортах. Однако это учтено не было. Да и тех денег, которые просил Барановский, ему не дали.

Поэтому после очередного приступа и нескольких дней, проведённых в бреду, Роман передаёт записку львовскому комиссару полиции Чеховскому и просит о встрече.

Она состоялась, как и положено в таких случаях в ресторанчике. Барановский получил на лечение деньги и стал тайным информатором комиссара. А тот, в свою очередь, оговорил с агентом варианты контактов и не стал информировать своих начальников.

Выполняя фактически роль Азефа, Барановский выполнял все задания Чеховского, при этом выдавая исполнителей. Взаимовыгодная сделка действовала эффективно.

Но однажды комиссар перестал платить и жёстко потребовал выдать всю сеть боевиков ОУН в Галичине. И Барановскому ничего не оставалось, как организовать теракт против самого комиссара. Его убили 22 марта 1932 года в львовском парке два боевика. Одним из них был Шухевич, а другим Березинский.

Кандидат исторических наук К. Бондаренко в одной из своих статей говорит, что во время проведённого расследования полиция нашла расписки Романа Барановского, который тщательно документировал суммы, полученные от Чеховского. «Барановский был задержан и допрошен с пристрастием. Во время следствия он сразу же признался в том, что сотрудничал с польской полицией. Это признание стало настоящей бомбой. Украинская и польская общественность взорвалась! Сотни мифов и стереотипов были моментально разрушены. Семья Романа Барановского выступила с заявлением о том, что они отказываются от своего сына. Ярослав долгое время не мог прийти в себя и поверить в достоверность информации, он считал это провокацией. Но во время проведения показательного процесса в Самборе по делу об убийстве Голуфко Роман Барановский подтвердил свои показания. Сомнений не было — он оказался предателем. Позже, в 1936 году, он умрёт в тюрьме при невыясненных обстоятельствах. По одним данным, он умер от туберкулёза, по другим — был застрелен при попытке бегства.

Ярослав Барановский — к тому времени член Провода ОУН — явился к Коновальцу и потребовал, чтобы его, Ярослава, исключили из высшего руководящего органа Организации. Коновалец ответил отказом и подтвердил, что и в дальнейшем ему доверяют. Ярослав — несмотря на предательство брата — стал генеральным секретарём ОУН.

В это же время у него наметился ещё один конфликт. На личной почве. В 1933 году Ярослав сделал предложение

красавице брюнетке Анне Чемеринской, которая также была активистской ОУН. Анна согласилась, и вскоре молодожёны поселились в Вене. Незадолго до этого у Анны появился другой ухажёр — Степан Бандера. Внешние данные и социальный статус Барановского были явно выигрышны. Высокий стройный красавец атлетического телосложения, с потрясающим чувством юмора и галантными манерами, не последний человек в националистической организации, который мог бы после провозглашения независимости претендовать на пост министра иностранных дел Украины... И как противовес ему — маленький, с большой головой и фанатическим блеском в глазах студент Бандера, мало чем пока выделяющийся из среды таких же, как он, революционеро-боевиков, «пушечного мяса» Организации».

Забегая вперёд, лишь отметим — в 1941 году Барановский отойдёт от активной деятельности, а в 1943 году будет убит бандеровцами. Бандера не простил ему многого, в том числе и Анны Череминской.

Но вернёмся к интересному рассказу О. Россова и Е. Назарова.

«Бандера же продолжал свою линию, создав в противовес проводу украинских националистов (ПУН) во главе с Мельником Революционный провод украинских националистов (РПУН) во главе с самим собой и своими друзьями по годам обучения во Львове, подпольно-террористической работе на территории Западной Украины и тюремным заключениям.

Ещё более красочная характеристика раскола даётся в другом документе зарубежного агента НКВД: «...Чтобы понять сущность конфликта между Проводом ОУН мельниковцев и Революционным проводом ОУН бандеровцев, необходимо знать, что конфликт в ОУН начался не с 1940 года, а с самого начала её существования.

Конфликты в ОУН с самого же начала существования имеются не только в Главном проводе, но и во всех отраслях и степенях. Конфликты имеются равно как в Краевом проводе ОУН, так же и в маленьком селе, где есть одно звено ОУН...

В Главном проводе ОУН конфликт начался ещё задолго до 1940 года, только ПУН, будучи чрезвычайно сильным, не допускал ревизии.

В 1938—1939 гг. Краевой провод ОУН достаточно хорошо противопоставлял себя ПУН. Не хватало только некоторых энергичных людей возглавить это движение. И случилось, Польское государство пало, из тюрьмы вышли матёрые оуновцы, которые в прошлом являлись проводниками, они не могли забыть Главному проводу то, что они сидели в тюрьме, а члены Главного провода гуляли себе безопасно в других государствах, где им абсолютно ничем не грозило.

В дополнение всего, Сенник отдал в руки польской разведки оуновский архив. Таким образом, посадил в тюрьму многих краевых руководителей ОУН.

Не забыл Бандера Степан и того, что член ПУН Череминская дала ему пощёчину за нечестное поведение...

Когда Степан Бандера вышел из тюрьмы, его пригласил полковник Мельник участвовать в ПУН, чтобы он работал с ним по своим способностям. Однако уже было поздно. Дело уже было обсуждено...»

Кстати, насчёт пощёчины. Один из бывших соратников, Мирон Матвиейко, дал весьма красноречивую характеристику Бандере в связи с его поведением в семье и по отношению к женщинам: как он избивал собственную жену и сожительствовал с жёнами своих подчинённых. Поэтому реакция женщины более чем понятна. Бандера такого не простил и стал мстить: «...Анну Череминскую обвиняют в сотрудничестве с Барановским, в предательстве членов и дела ОУН...»

Кроме того, бандеровцы утверждали, что «личность полк. Мельника была малоизвестна, не внушала политического доверия по причине многолетней непричастности к деятельности подполья и тесного сотрудничества с католическими кругами...», «...напряжение ещё более обострилось в связи с созывом в 1939 году 2-го, т.н. Римского конгресса. Причиной явилось то, что на конгрессе Край представляли всего только два делегата, в то время как абсолютное большинство участников конгресса представляли ОУН эмиграции. Последние зачастую в отрыве от жизни в Крае подходили к решению конкретных программных или других вопросов...», «...крайнее напряжение наступило только после начала войны, когда выяснилось, что в Проводе нет ясного представления, какую же политику должна проводить организация в Крае, к чему ей необходимо готовиться, что существует только лишь неясная надежда на положительное отношение к украинскому делу со стороны Германии. Это привело к тому, что фактически организация в Западной Украине оказалась не подготовленной к приходу большевиков и окончательно дезорганизованной...».

Ещё несколько весьма красноречивых свидетельств о разборках внутри ОУН:

«...Методы борьбы между мельниковцами и бандеровцами разные, но все они стремятся к тому, чтобы как можно быстрее уничтожить друг друга, для чего не брезгают никакими подлостями по отношению друг друга.

...когда Лебедю Николаю, члену революционного провода, говорят про деньги, то он выворачивает свои карманы и поёт: «Віють вітри, віють буйні» Мельниковцы, заняв все культурные, просветительные и кооперативные товарищества, не допускают бандеровцев на какие-либо посты.

Также в сношении с немецкими властями мельниковцы стараются принудительно посылать бандеровцев на какие-либо посты.

Мельниковцы дошли до того, что Роман Бида, псевдоним Гордон, работая в гестапо, доносил на бандеровцев, переходивших неоднократно советско-германскую границу, что они якобы являются агентами НКВД, и гестапо их арестовывало.

Так же как средством борьбы с бандеровцами является выпускаемое мельниковцами периодическое издание под названием «АБВ», выходящее в 10 дней один раз, в котором мельниковцы всяческими способами клеветают на бандеровцев.

...Некоторое отличие имеет борьба бандеровцев. Там на первый план борьбы с мельниковцами впрягли свою разведку. Бандеровцы бросили в ряды мельниковцев большое количество своих разведчиков, таким образом, бандеровцы в курсе почти всей деятельности мельниковцев, и если только последние задумают что-либо сделать, то бандеровцы их опережают.

Лучшим примером этого может служить посылка в СССР 2 апреля 1941 года специального курьера, который, будучи бандеровцем, спровоцировал мельниковцев и забрал их последние связи в Крае.

Таким образом, бандеровцы хотят разложить мельниковцев внутри. Не брезгают бандеровцы в борьбе с мельниковцами применять ножи и бамбуковые палки.

...Бандеровцы развернули большую пропаганду на мельниковцев через печать, в которой активную роль играл Ярослав Стецько, выступающий под псевдонимом Карбович...»

Таким образом, все расхождения в ОУН произошли только на почве лидерства. Но если мельниковцам не хватало активистов нижнего звена, то бандеровцам — в большей

степени руководящего состава. Считается, что две трети оуновцев вошли в ОУН (б) и лишь треть в ОУН (м).

И всё же важно подчеркнуть на примере показаний полковника абвера Эрвина Штольце: произошедший в ОУН раскол уже никаким образом нельзя было остановить. То есть примирение между Мельником и Бандерой само по себе было невозможно в принципе. Прежде всего сам Бандера пошёл в расколе до конца.

«...По указанию Канариса, — показал Штольце, — мною лично в 1940 году принимались меры к примирению Мельника с Бандерой с целью сколачивания всех украинских националистов для борьбы с Советской властью.

Летом 1940 года мною был принят Бандера, который в разговоре со мной обвинял Мельника в пассивности, доказывал, что он, Бандера является избранным вождём националистов, однако для пользы дела он примет все меры, чтобы примириться с Мельником.

Через несколько дней мною также был принят Мельник, с которым проводился аналогичный разговор. Мельник обвинял Бандеру в карьеризме, что он своими необдуманными действиями погубит подполье, созданное на территории советской Украины, особенно в западных областях.

Мельник доказывал, что он по наследству получил от коновальца руководство националистическим движением, и просил оказать ему помощь остаться в этом руководстве для единства организации. Здесь Мельник обещал принять все меры к примирению с Бандерой.

Несмотря на то что во время моей встречи с Мельником и Бандерой оба они обещали принять все меры к примирению, я лично пришёл к выводу, что это примирение не состоится...»

От опытного взгляда профессионального офицера немецкой разведки Штольце двум лидерам ОУН трудно было

в буквальном смысле скрыть главное: «...Бандера по характеру — энергичный, карьерист, фанатик и бандит. Мельник — спокойный, интеллигентный, чиновник...»

На состоявшейся февральской конференции 1940 года в Кракове, где сторонники Бандеры объявили о создании Главного революционного трибунала и Службы безопасности, многим мельниковцам был вынесен смертный приговор. «За сравнительно короткое время были ликвидированы 400 мельниковцев и более 200 бандеровцев. В числе жертв бандеровского террора оказались основатели ОУН Николай Сциборский, Емельян Сенник-Грибовский, Роман Сушко и др.» (Е.Ф. Безродный).

Глава 6

ОУН НАКАНУНЕ

8 сентября 1939 года, согласно приказу № 001064 («Об оперативных мероприятиях в связи с проводимыми учебными сборами») наркома внутренних дел Л.П. Берии, началось формирование пяти оперативно-чекистских групп по 50—70 человек в Киевском особом военном округе. Каждой группе придавался батальон в 300 бойцов из состава пограничных войск. 15 сентября были определены их задачи на территории Западной Украины.

«На эти группы возлагалась организация временных управлений в занятых городах (с участием руководителей групп). Для обеспечения порядка, пресечения подрывной работы и подавления контрреволюционной деятельности следовало создать в занятых городах аппарат НКВД за счёт выделения сил из состава групп. На занятой территории было необходимо немедленно занять пункты связи... государственные и частные банки и другие хранилища всевозможных ценностей, типографии, где следовало наладить издание газет, государственные архивы... провести аресты реакционных представителей правительственной администрации, руководителей контрреволюционных партий, освободить политических заключённых... обеспечивать общественный порядок, не допуская диверсий, саботажа, грабежей и т.п., а также изъять оружие и взрывчатые вещества у населения» (М.И. Мельтюхов).

К вечеру 16 сентября войска Украинского фронта (3 армии) были развёрнуты в исходном районе для наступления, а в 5.00 17 сентября передовые и штурмовые отряды армий и пограничных войск перешли границу, разгромив польскую пограничную охрану.

Как пишут историки О. Россов и Е. Назаров, «можно по-разному оценивать действия правительства СССР, однако одно из последствий этих действий имело колоссальный эффект для Украины».

А именно: «... в наследство от развалившейся под ударами вермахта Польской Республики СССР среди множества хозяйственных и социальных проблем досталась мощная, хорошо организованная и законспирированная политическая сила, имеющая большой опыт конспиративной и боевой работы и к тому же тесно сотрудничающая с германскими спецслужбами, — Организация украинских националистов (ОУН).

Именно противостояние ОУН и советских органов госбезопасности будет определять социальную и политическую обстановку на Западной Украине в предвоенные годы, а в послевоенные перейдёт в кровавую фазу, унёсшую сотни тысяч жизней граждан УССР».

Те же авторы сообщают, что же получалось на практике, когда оперативно-чекистские группы брали на себя функции временных органов госбезопасности во вновь присоединённых областях: «В частности, только опергруппой в районе гт. Чертков, Коломыя, Печенежин, Косов, Снятын и Станиславов на 27.09.1939 г. были арестованы 923 человека, в основном, бывшие полицейские и офицеры польской армии, однако среди арестованных также оказались и активные члены ОУН. По Львову на эту же дату закончено 10 следственных дел на украинских националистов, активно разворачивалась и агентурная работа.

В противовес утверждению, что на освобождённых территориях шли повальные аресты, приведём выдержку из спецдонесения В.Н. Меркулова на имя Л.П. Берии от 28 сентября 1939 г. о работе оперативно-чекистских групп в Западной Украине: «...Арестовываем исключительно по материалам следствия и агентуры. Работа даёт удовлетворительные результаты...» В частности, по Львову на 28 сентября 1939 г. были арестованы лишь 124 человека, а по 10 законченным делам расстреляли только двоих.

В другом спецдонесении В.Н. Меркулова и И.А. Серова на имя начальника секретариата НКВД С.С. Мамулова от 3.10.1939 указывалось: «...общее количество арестованных оперативно-чекистскими группами по областям Западной Украины, по данным на 1 октября включительно, составляет 3914 человек, в том числе бывших жандармов, полицейских, официальных и секретных агентов полиции и разведки — 2539 человек; помещиков, крупной буржуазии, бывших людей — 293 человека; офицеров польской армии и осадников — 381; руководителей контрреволюционных партий УНДО, ОУН и других — 144 человека; петлюровцев, участников бандгруппировок — 74 человека; прочих — 483 человека...»

Таким образом, даже в первые дни в таких условиях органы госбезопасности никаких карательно-репрессивных мер не принимали, а в своей работе руководствовались исключительно распоряжениями, в которых при всём желании сложно увидеть патологическую «жажду крови». Была развёрнута планомерная работа по очистке новых территорий от нежелательных и социально опасных для новой власти элементов, прежде всего бывших полицейских, агентов, осведомителей, провокаторов и т.п. Причём проводилась она исключительно на основании оперативных и следственных действий. Репрессии же применялись толь-

ко после расследования и на основании решения судебных органов. В данном случае эти функции, учитывая военное время, выполняли военные трибуналы...

Кстати, никаких народных выступлений против «советских оккупантов», по спецдонесениям оперативно-чекистских групп, не наблюдается, более того: «...Население выражает удивление технике, которой располагает Красная Армия. Многие говорят: «Нам внушали, что СССР — самая бедная страна, ничего не имеющая, мы теперь видим, как нас обманывали...»

А в это время, 18 сентября 1940 г., в письме на имя руководителя гестапо и СД Гейдриха служащий департамента «Восток» Управления внешней политики нацистской партии А. Шикенданц отмечал, что после советской оккупации Галиции ОУН утратила своё политическое значение, поэтому не следует поддерживать её деятельность, которая угрожает безопасности немецкого государства. В этом бюро опасались прежде всего использования западными государствами украинцев против Германии. Поэтому предлагалось соответствующим службам распространять слухи о решении в будущем украинского вопроса, представляя, что после победы над Англией Германия сможет воевать с большевиками, выгнать их из Польши и, таким образом, создаст независимую Украину. Словом, нужно было успокоить украинцев, то есть лидеров ОУН.

Ещё раньше, 17 сентября, всё тот же Шикенданц предостерегал об опасности ОУН, которая имела поддержку со стороны начальника абвера. Он подчёркивал о политических последствиях такого сотрудничества в будущем. Тому же Канарису было замечено, что ОУН абсолютно не может претендовать на какую-либо политическую роль. Канарис же, в свою очередь, ответил, что не считает целесообраз-

ным запрещать ОУН, которая имеет влияние на украинскую эмиграцию и содействует её объединению.

Интерес к ОУН немецкой военной разведки даже только с одной стороны понятен, потому как в 1939 г. она стремилась координировать деятельность немецких поселенцев и колонистов, осевших в Западной Украине. По воспоминаниям П.А. Судоплатова, её «связи тянулись к немецким колониям, расположенным на территории Украины, — в Одессу и Крым. Центром их деятельности, как оказалось, были Черновцы». «Накануне войны также было зафиксировано стремление немецких разведывательных органов насадить свою агентуру в службах Киевского особого военного округа из числа местных жителей, особенно в сфере обслуживания войсковых частей, материально-технического снабжения наших войск, вступивших на территорию Западной Украины».

О противоречивости немецкого руководства в отношении к ОУН также подчёркивает и историк В. Марченко: «Служба Канариса (абвер — военная разведка) считала необходимым сотрудничество с украинскими националистами, нацистское партийное руководство во главе с Борманом не считали ОУН серьёзным политическим фактором, поэтому отвергало любое сотрудничество с нею».

«Тем не менее с октября 1939 года в оперативных материалах НКВД начинают появляться данные о попытках подпольных структур ОУН организовать мятежи в отдельных районах вновь присоединённых западных областей Украины, — пишут О. Россов и Е. Назаров. — Например, в донесениях И.А. Серова на имя Л.П. Берии от 13.10 и 14.10.1939 г. сообщалось: «...в начале сентября с.г. поляки оставили до особого распоряжения на запасных пунктах около ст. Золотиево эшелон с вооружением: пулемётами, винтовками и амуницией. При отходе войск эшелон остал-

ся, и крестьяне селений Алексини, Шпанов, Золотиев и Городок разграбили этот эшелон и оружие спрятали для сопротивления с советской властью.

Всей подготовкой восстания руководит ОУН. Эта организация агитировала против советской власти, муссируя слухи, что 17.X. с.г. должны произойти крупные события и будет установлена военная диктатура...»

«...По Луцкой оперативно-чекистской группе члены националистической организации ОУН... проводили беседу по вопросу выборов Народного собрания и говорили, что «необходимо дать наказ своим представителям, чтобы они на Народном собрании поставили вопрос об организации «самостійної України»...»

В связи с полученной информацией органы НКВД стали проводить оперативные разработки законспирированной сети ОУН, связанные прежде всего с антисоветской агитацией и срывом выборов в Народное собрание в Западной Украине.

В частности, были произведены аресты активных оуновцев по агентурному делу «Блок», получены первые данные об организации военизированных подразделений, складов оружия и обучения боевиков. Всё это привело к требованию руководства органов внутренних дел активизировать выявление участников националистических организаций на территории Западной Украины.

Как пишет А. Гогун, «на протяжении 1939—1941 гг. ОУН продолжала успешно набирать силу. Боевики, небольшие военно-террористические группы ОУН, участвовали в стычках с НКВД и даже РККА, а иногда проводили и теракты против представителей советской власти на местах».

Благодаря сообщениям своей заграничной агентуры советским спецслужбам удалось выявить подготовку националистами общего восстания, запланированного на апрель—

май 1940 года. Тут же по свежим следам были проведены массовые аресты всех заподозренных в причастности к подполью. Особенно сильными оказались удары спецслужб по Львову, Тернопольской, Ровенской и Волынской областям. Тогда в тюрьмы попали свыше 600 членов организации, среди которых были и руководящие кадры.

«Такие впечатляющие успехи НКВД объяснялись прежде всего повальными арестами среди общественно активной молодёжи, а в особенности среди населения, которое, согласно приказу командования НКВД СССР от 11 октября 1939 г. «О введении единой системы учёта антисоветских элементов, выявленных агентурным розыском», подлежало спецрегистрации. К этим «врагам советского порядка» принадлежали все бывшие члены действующих в Польше легальных партий, национальных, религиозных и молодёжных организаций, ранее осуждённые советской властью, и члены семей расстрелянных большевиками «контрреволюционеров», граждане, которые имели родственников за границей и др.

С целью запугать подполье и всё население региона, следственные органы НКВД отобрали среди арестованных одиннадцать руководителей Организации для публичного суда. Националистов судили 29 октября 1940 г. открытым судом во Львове и всех, кроме одного, приговорили к смертной казни. Приговор исполнили 20 февраля 1941 г. С этой же целью в 1941 г. был проведён ещё ряд показательных процессов по делу арестованных членов ОУН.

Так, 15—19 января 1941 г. в Львове состоялся «Процесс 59-ти», 7 мая 1941 г. в Дрогобыче начался новый, на этот раз ещё больший процесс — судили 62 оуновцев, 12—13 мая в том же Дрогобыче уже судили 39 украинских националистов. Их итог: расстрелы и длительные лагерные сроки» (История ОУН—УПА).

Но остановить всплеск националистического движения там всё равно не удавалось. «Сводка НКВД об анти-советских выступлениях на всём пространстве Советского Союза в мае 1941 г. сообщала: «Наибольшую активность продолжают проявлять антисоветские организации украинских националистов на территории западных областей УССР... До настоящего времени большинство террористических актов остаётся нераскрытым». Отряды бандеровцев проникали по приказу Провода ОУН (б) с территории захваченной немцами Польши на территорию советской Украины для налаживания подпольной сети и подготовки восстания на случай войны. Но большая часть украинских националов всё же стремилась выбраться из советского рая на территорию Генерал-губернаторства. С сентября 1939 г. по июнь 1941 г. в захваченную немцами Польшу перебрались около двадцати тысяч активистов украинских партий. Нацистский режим считал украинских антикоммунистов временными союзниками в грядущей борьбе с СССР и, уж во всяком случае, не врагами» (А. Гогун).

Тогда же, в начале 1941 года Степан Бандера проводит ряд встреч с руководством абвера. Как результат, весной этого года он получает от немецкой военной разведки 2,5 миллиона рейхсмарок для ведения подрывной борьбы в Советском Союзе. Кроме того, под немецким руководством формируются батальоны из украинцев «Нахтигаль» и «Роланд».

«Идею создания Украинского легиона вынашивали отдельные офицеры вермахта и абвера, — считает А. Гогун. — В случае войны с Польшей, указ о подготовке нападения на которую Гитлер подписал 11 апреля 1939 г., украинцев предполагалось использовать в пропагандистских целях для воздействия на польских солдат украинской национальности.

Не исключали немцы и возможности восстания западных украинцев против поляков — как с целью организации «удачного» повода для начала агрессии, так и для ослабления Польши уже в ходе начавшейся войны.

Почва для возможного антипольского восстания была очень хорошо подготовлена: офицеры Красной Армии во второй половине сентября 1939 г. доносили в Москву о том, что западные украинцы нередко грозили вырезать всех поляков Волыни и Галиции.

Однако в силу того, что, согласно пакту Молотова — Риббентропа, большая часть Западной Украины отошла к СССР, УЛ в войне почти не участвовал, а сам факт его существования тщательно скрывался.

Военное обучение бойцы УЛ прошли в горных лагерях на территории Австрии. В итоге из них было сформировано 2 батальона (курень), примерно по 300 человек в каждом, в качестве названия они получали аббревиатуру «ВВН».

Расшифровывалось ВВН двояко: по-немецки... Помощь крестьянам-горцам (ПКГ) и по-украински... Военные отделы националистов (ВОН). То есть полный перевод этой аббревиатуры на русский язык будет выглядеть так: ПКГ—ВОН.

Немецкая аббревиатура использовалась оуновцами «для внешнего употребления», то есть маскировки под горностроительный батальон, а украинская — «для внутреннего» и в случае необходимости для населения Западной Украины. Бойцы ПКГ—ВОН носили чешскую военную форму.

С началом германо-польской войны оба батальона были разделены на более мелкие группы и подчинены разным немецким частям. Как и приказывало политическое руководство Германии, участия во фронтовых операциях ПКГ—ВОН не принимали. За всё время существования ПКГ—ВОН его действия в первой половине сентября 1939 г. ограничились

несколькими нападениями на небольшие польские гарнизоны, обозы и отряды с последующим их разоружением. Поскольку Польша и так распалась в ходе нацистско-советской агрессии, то в ходе этих небольших операций ПКГ—ВОН обе стороны обошлись без жертв.

Во второй половине сентября СССР захватил восточную часть Польши, а немцы, видя нецелесообразность дальнейшего существования УЛ, в октябре — ноябре 1939 г. его распустили. Часть солдат ВВН поступили на службу в вермахт в личном порядке, большинство — в украинскую полицию на территории Генерал-губернаторства.

Второе военное формирование ОУН, на сей раз уже исключительно из бандеровцев (Организации, напомним, разделилась в 1940 г.) было создано при поддержке нацистов весной 1941 г. и получило название Легиона или Дружины украинских националистов (ЛУН или ДУН)».

По информации, опубликованной историком С.Г. Чуевым, «подготовленные и преданные ОУН легионеры вошли затем в состав ДУНов «Роланд» и «Нахтигаль». В «Веркшутце» украинская молодёжь проходила военную подготовку и рассматривалась руководством ОУН (Мельника) как основа для развёртывания в будущем национальных воинских подразделений. Некоторые украинские источники сообщают, что легион Р. Сушко всё же был использован на польско-немецком фронте и успешно провёл захват города Самбор, который впоследствии отошёл к советской оккупационной зоне.

В марте 1940 г. руководство ОУН, используя возможности абвера, отправляет диверсионные группы во Львов и Волынь для организации саботажа и акций гражданского неповиновения. В районы Бялы-Подляски и Влодава также забрасываются группы оуновских диверсантов, большую часть из которых нейтрализует НКВД.

В 1941 г. в Германии началось создание Дружин украинских националистов (ДУН): «Роланд»... и «Нахтигаль»... — «Соловей».

В марте 1941 г. на переговорах с представителями абвера и вермахта (профессор Т. Оберлендер, Г. Кох, Г. Герулис) С. Бандерой и Р. Ярым были поставлены определённые условия формирования дружин, главным из которых было декларирование цели борьбы ДУНов — за «Самостийну соборну украинску державу» без принятия немецкой присяги. В соответствии с требованиями националистов ДУНЫ были подчинены в политическом отношении ОУН, область их применения была ограничена Восточным фронтом.

Общая численность легионеров в соответствии с договором достигала 700 человек. Украинские условия были приняты, несмотря на отсутствие согласия со стороны немецкого политического руководства. Набор рекрутов производила ОУН С. Бандеры. Первый батальон получил кодовое наименование «Организация «Роланд», второй батальон именовался «Спецподразделение «Нахтигаль», т.к. располагал своим хором.

«Роланд» был организован в марте 1941 г. стараниями Венского бюро ОУН под контролем полковника Р. Ярого, за которым стоял АСТ «Вена». Украинским командиром батальона был назначен Евгений Побигущий — бывший офицер польской армии, немецким командиром был назначен капитан Новак. Подготовка части личного состава проходила в Австрии (г. Зауберсдорф), близ Вены. Подготовку роландовцев вели офицеры абвера из АСТ «Вена».

В своей статье И. Набытович про эти батальоны лишь уточняет: «Были созданы северный украинский легион «Нахтигаль» («Соловей») под руководством Романа Шухевича и южный легион «Роланд».

Предварительными условиями их создания было то, что эти формирования предназначались только для борьбы против большевиков и не считались составными частями немецкой армии; на мундирах воины этих легионов должны были носить трезубец и идти в бой под сине-жёлтыми знамёнами. Руководство ОУН (р) планировало, что с приходом в Украину эти легионы должны стать зародышем самостоятельной национальной армии».

Во время встречи с Канарисом Бандера, по словам её участника Стецько, «очень чётко и ясно представил украинские позиции, найдя определённое понимание... у адмирала, который обещал поддержку украинской политической концепции, полагая, что лишь при её осуществлении возможна победа немцев над Россией». Со слов же самого Бандеры, на встрече с Канарисом, в основном, речь шла об условиях обучения украинских добровольческих подразделений при вермахте.

«Жена одного из руководителей ОУН-б Владимира Гербового Таньчакиавская Анна после войны вспоминала, что инициаторами сотрудничества ОУН с немцами против СССР были Бандера и её муж. Однако некоторые встречи с представителями Краковского гестапо и вермахта, которые происходили в Кракове, организовал Роман Шухевич. Таньчакиавская стала свидетелем трёх таких встреч, на которых с немецкой стороны в разное время присутствовали гестаповец Гайм, личный представитель Гитлера д-р Фегль, некоторые высшие чины вермахта. Украинскую сторону представляли С. Бандера, Р. Шухевич, Я. Стецько и другие лидеры ОУН, в целом 25 деятелей.

На случай националистического восстания в советском тылу, а также с целью вооружения подполья создавались склады с оружием и боеприпасами, многие из которых были обнаружены и изъяты советской милицией и НКВД.

Весной 1941 года созданный в составе абверовского полка «Бранденбург-800» украинский диверсионно-террористический батальон «Нахтигаль» возглавили немцы Альбрехт Герцнер (представитель абвера), Теодор Оберлендер (НСДАП), оуновец Роман Шухевич в звании капитана вермахта... Шухевич стал не только «украинским командиром батальона», но и представителем в нём ОУН-б. Униатским капелланом батальона стал бандеровец Иван Гриньох» (Л.А. Поддубный).

В апреле 1941 г. сторонники С. Бандеры созвали в Кракове новый Большой сбор. Основные решения данного сбора были занесены в соответствующие документы программы партии.

Во-первых, это устранение большевистского режима на Украине;

во-вторых, углубление связей ОУН с государственными противниками коммунизма (Германией, Италией и Японией);

в-третьих, воспитание и подготовка кадров ОУН, в том числе военных;

в-четвёртых, координация действий ОУН с немецкой армией в тылах Красной Армии.

В программу бандеровцев также был занесён основной тезис: «Украина для украинцев».

Было введено и соответствующее приветствие: поднятие руки со словами «Слава Украине!» и ответом: «Героям слава!»

Отныне Бандера становился фюрером. А было фюреру всего-то 32 года.

Тем не менее в базовом документе ОУН (б), принятом после сбора инструкции («Борьба и деятельность ОУН во время войны»), чётко говорилось: «Во времена хаоса и смуты можно позволить себе ликвидацию нежелательных польских, московских и жидовских деятелей, особенно

сторонников большевистско-московского империализма; национальные меньшинства делятся на а) лояльные нам, собственно, члены всё ещё угнетённых народов; б) враждебные нам — москальи, поляки и жидаы.

а) имеют одинаковые права с украинцаы... б) уничтожать в борьбе, в частности тех, которые будут защищать режим: переселять в их земли, уничтожать главным образом интеллигенцию, которую нельзя допускать ни в какие руководящие органы, вообще сделать невозможным «производство» интеллигенции, доступ к школам и т.п. Руководителей уничтожать... Ассимиляция жидов исключается.

Не фашизм ли это в чистом виде?

«Батальон «Нахтигаль» 18 июня 1941 г. был одет в форму гитлеровского вермахта и прибыл в район Родиноного, вблизи советской границы. Его привели к присяге: убийцы на кресте и Евангелии поклялись в верности Адольфу Гитлеру. Затем часть батальона, переодетая в красноармейскую форму, была переброшена во Львов в тот момент, когда советский арьергард оставил город, а немецкие войска находились в походе к городу» (Е.Ф. Безродный).

А 23 мая 1941 г. в три часа ночи за отцом Бандеры и двумя его дочерьми, Мартой и Оксаной, пришли. Как пишет В. Марченко, «в протоколах допроса на вопрос следователя о политических взглядах отец Андрей ответил: «За своими убеждения я украинский националист, но не шовинист. Единственно правильным государственным устройством для украинцев считаю единую соборную и независимую Украину». Вечером 8 июля в Киеве на закрытом заседании военного трибунала Киевского военного округа А. Бандере был вынесен смертный приговор. В приговоре говорилось, что он может быть обжалован в течение пяти дней с момента вручения на руки

копии приговора. Но расстреляли Андрея Бандеру уже 10 июля.

Марту и Оксану без суда отправили по этапу в Краснодарский край на вечное поселение, где их перегоняли с места на место каждые 2—3 месяца вплоть до 1953 года...»

В это время уже вовсю шла Великая Отечественная война. Немецкие армии рвались к Киеву, горели сёла и города Украины, лилась кровь не только защитников, но и мирных граждан. А для бандеровцев начинался новый этап их истории...

Глава 7

«СЛАВА УКРАИНЕ!»

«Нахтигаль» перед 22 июня дислоцировался в польско-украинском городке Радшин, около Перемышля, — пишет А. Гогун. — 24 июня батальон участвовал в прорыве советской обороны, опиравшейся на приграничный укрепрайон. Потом «Нахтигаль» маршем, не вступая в бои, пошёл на Львов и 29 июня рано утром вошёл в город, где сразу же взял под охрану ряд объектов, в том числе и радиостанцию, благодаря чему представители ОУН (б) 30 июня 1941 г. смогли провозгласить по радио Акт о независимости Украины».

«Роланд», по утверждению этого же историка «вообще не принимал участия в боях с Красной Армией и на протяжении июня-июля даже не переходил румынско-советской границы. Только в начале августа батальон вступил на территорию УССР, где не выполнил ни одного боевого задания, а 14 августа по политическим причинам был направлен обратно в Румынию». С.Г. Чуев считает утверждает иначе: «7 июня 1941 г. «Роланд» прибыл из Вены в Буковинский город Кимполунг в Румынии, где был включён в состав 11-й немецкой армии.

27 июня батальоном был получен приказ о поддержке Прута, захвате и очистке территорий, прилежащих к дорогам, об организации групп «украинской самозащиты», охране транспортов с продовольствием, помощи в эвакуа-

ции пленных и охране стратегических объектов. В это же время к нему присоединился полковник Ярый со своим штабом украинских пропагандистов. 2 июля этот штаб был распущен по указу ОКВ, многие его служащие влились в состав батальона. Ярый отбыл во Львов.

26 июля «Роланд» перешёл под командование 54-го армейского корпуса и принимал участие в прочёсывании территории и охране дорог у реки Днестр. К этому времени «Роланд» насчитывал 9 офицеров и 260 солдат (стрельцов) — 4 роты по 50—65 человек. Батальон предполагалось пополнить 150 добровольцами-украинцами с «освобождённых» территорий. Вооружение составляли 6 лёгких пулемётов чешского производства и советские винтовки-трёхлинейки. 29 июля «Роланд» оперировал в районе Кишинёв—Вадул-луй-Водэ, после чего совершил переход через Днестр в Дубоссарах до линии железной дороги Проскуров—Одесса».

«Нахтигаль» за четыре дня до вторжения в СССР был передислоцирован к границе. «Формально командовал им Роман Шухевич, немецким руководителем был командир 1-го батальона соединения «Бранденбург-800». В ночь с 22 на 23 июня батальон перешёл границу близ Перемышля и, не вступая в бой с частями РККА, двигался по направлению ко Львову. В составе 17-й армии он с 29 августа участвовал в боях на львовском направлении.

В Львов «Соловей» вступил вместе с 1-м батальоном соединения «Брандербург-800» 30 июня в 4 ч. 30 мин. К тому времени в городе закончились основные бои между местными оуновцами и отступающими советскими частями. Батальон занял стратегически важные объекты.

«Нахтигаль» оставил Львов 7 июля и вскоре прибыл в Проскуров, где был присоединён вместе с бранденбуржцами к альпийской охранной дивизии. Вместе с ней он

участвовал в тяжёлых боях в районе Браилова, близ Винницы»).

А 30 июня 1941 года батальон «Нахтигаль» вместе с германскими войсками вошёл в Львов. В этот же день в столице Западной Украины был организован парад украинских частей, прошедших парадным маршем перед почётной трибуной с жёлто-голубым знаменем под звуки национальных маршей. Но это ещё не всё. Председатель Национального собрания Ярослав Стецько, уполномоченный создать Временное правительство для организации украинских властных структур, 30-го же июня во Львове провозгласил волеизъявление своего босса с городской ратуши, так называемый Акт восстановления украинской государственности. Всё это напоминало, скорее, фарс. «В. Кук объявил приказ руководителя ОУН С. Бандеры о назначении Я. Стецько главой украинского правительства. Здесь же присутствовал и выступил гитлеровский ставленник Эрих Кох, раздавались здравицы в честь Германии, в действительности ни о какой «самостоятельности» Украины даже в форме какой-то опереточной автономии или протектората не могло быть и речи. Гитлеровская служба безопасности быстро сообщила в Берлин о случившемся» (Е.Ф. Безродный).

В истории ОУН—УПА по поводу этого события говорится следующее: «Специальная группа, добравшись до Львова 28 июня 1941 г., инициировала проведение Национального собрания, которое 30 июня провозгласило независимость Украины. Было призвано Временное правительство во главе с членом ОУН-Б Ярославом Стецько. Декларация самостоятельной Украины, не согласованная с немцами, была сознательной и рискованной попыткой поставить их перед свершившимся фактом. Правительство Стецько получило поддержку руководителей многих политических группировок. Однако решающее значение име-

ло благословение митрополита А. Шептицкого, который считался символом украинского патриотизма. 1 июля в соборе св. Юра состоялось благодарственное богослужение в честь освобождения Львова от советской оккупации. Во время богослужения было прочитано воззвание Шептицкого, в котором отмечалось, что по воле Бога началась новая эпоха в жизни государственной, соборной, самостоятельной Украины и что Национальное собрание, которое вчера состоялось в Львове, провозгласило и подтвердило это историческое событие. В первой декаде июля был создан Украинский национальный совет — подобие парламента, — во главе которого стал К. Левицкий».

Как стало известно теперь, лично Бандера дал установку Ярославу Стецько: провозглашать независимость не в Киеве (как это планировал Мельник), а в первом крупном населённом пункте, занятом немцами. 30 июня немцы вошли во Львов и Стецько провозгласил Акт независимости — от имени Бандеры. Кстати, портрет Бандеры был вывешен во львовском Оперном театре рядом с портретом Гитлера... Спустя несколько дней немцы попросту объявили, что никакого государства они не потерпят. Немецкий чиновник Кунд в Кракове заявил Бандере: «Возможно, вы себя считаете союзниками немецкой армии? Но у немецкой армии нет никаких союзников на Востоке. Пользуясь военной терминологией, вы — покорённый народ» (К. Бондаренко).

Но провозглашение «независимости Украины» 30 июня 1941 года, факт в истории не более чем опереточный, так как в этот день для еврейского и польского населения города Львова он попросту стал чёрным днём.

Л.А. Поддубный: «В этот день, задолго до прибытия немецких карательных и полицейских частей, с передовыми колоннами вермахта в город ворвались «соловьи» Шухевича. По свидетельству немецкого исследователя Вилли

Брокдорфа, своим внешним видом они напоминали окровавленных мясников. Они «взяли в зубы длинные кинжалы, засучили рукава мундиров, держа оружие на изготовку. Их вид был омерзителен, когда они бросились в город... Словно бесноватые, громко отрывивая, с пеной на губах и вытаращенными глазами, неслись украинцы по улицам Львова. Каждый, кто попадался в их руки, был казнён».

Подобным образом характеризует нахтигалецев мельниковец Василий Сельский. В 1947 году в журнале «Украина» (США) он написал: «С началом немецко-советской войны подразделения диверсантов в немецких мундирах, с немецкими автоматами и на немецких танках приезжают в эвакуированный Советами Львов. Напыщенные и самоуверенные, достигнув Львова, они устраивают на протяжении нескольких дней садистские оргии. Самые большие оргии устраивались во Львове, где диверсанты начали при молчании немцев грабить магазины и терроризировать население для того, чтобы понравиться хлебосолам из вермахта».

Даже украинский националист, приверженец бандеровского крыла ОУН из Польши, историк Николай Сивицкий во втором томе своей работы «Dzieje konfliktow polsko-ukrainskich» (Варшава, 1992 г.) признаёт, что «во Львове, кроме замордованных 22 профессоров высших учебных заведений (вместе с семьями около 40 чел.), украинцы... замордовали около 100 польских академиков. В каждом городе и посёлке немцы расстреляли от нескольких до нескольких десятков поляков, на которых украинцы указали как на коммунистов»...

В действительности немцы к убийству львовских учёных в период с 30.06 по 7.07.1941 г. отношения практически не имели. Учёные и другие не угодные ОУН горожане в эти дни уничтожались нахтигалецами в соответствии со списками, заранее подготовленными участниками местного

оуновского подполья. Среди жертв оказались ректор Львовского университета Роман Ремский, писательница Галина Гурская вместе с тремя сыновьями, учёный-юрист Роман Лонгшалноде-Берье, профессор Бой-Желенский, бывший польский премьер, профессор, почётный член многих академий наук Казимир Бартель и другие известные представители интеллигенции.

Нередко представителей львовской интеллигенции долго мучили и унижали, перед тем как убить. Например, 20 человек, среди которых были 4 профессора, 5 женщин заставляли языком и губами мыть ступеньки в семи подъездах четырёхэтажного дома.

Особенно цинично убивали евреев. Их заставляли лизать языками мостовую, носить ртом мусор, без подручных средств мыть и чистить дороги. Любой из националистов и их сторонников при этом мог жестоко избить и даже убить еврея. Били железными и деревянными палками, ломами, топорами. Микола Лебедь и Роман Шухевич распределяли палачей по группам, направляя на заранее определённые участки города, контролировали их «работу».

А. Корман: «Украинских солдат батальона «Нахтигаль» жители Львова называли «птичниками», очевидно, из-за значков, которые были на их автомобилях и мотоциклах. «Птичники» ходили в немецкой форме и с немецкими воинскими знаками различия, а к рукояткам штыков привязывали сине-жёлтые банты... На улице Русской и Боимов застрелили нескольких польских студентов, которых привезла боёвка украинских националистов. Нас привели на улицу Лонцкого... Всего нас было около 500 евреев, почти всех убили...

Жена профессора Казимира Бартеля рассказала: «Я была у архиепископа Шептицкого, но он ответил, что ничем не может помочь».

А. Чайковский: «Бандера не просто сидел в Кракове, он оттуда руководил. Весь город был заклеен плакатами: «Бейте жидов и большевиков! Да здравствует Адольф Гитлер! Да здравствует Степан Бандера!» Во Львове всё делалось в полном соответствии с его лозунгом: «Наша власть должна быть страшной!» Такой она и была. Нас пытаются уверить, что во львовской трагедии повинны не «нахтигалевцы», а, например, «слепой гнев толпы». Однако это противоречит свидетельствам очевидцев об организованном характере погромов. Бывало, людей расстреливали не только из чувства расовой ненависти, но и затем, чтобы занять их квартиры и овладеть имуществом».

«Командир батальона диверсионного полка «Бранденбург» писал в донесении от 1 июля: «30.6.41 и 1 июля в отношении евреев имели место крупные акции насилия, которые отчасти приняли характер наихудшего погрома. Назначенные полицейские силы оказались не в силах выполнить их задачи. Жестоким и отвратительным поведением в отношении незащитных людей они подстрекают население. Собственные подразделения, как видно из донесений рот, возмущены актами жестокости и истязаний. Они считают безусловно необходимым жестокое наказание виновных в резне большевиков, но всё же не понимают истязаний и расстрелов схваченных без разбора евреев, в том числе женщин и детей. Всё это пошатнуло дисциплину украинских рот. Они не делают различия между вермахтом и полицией и, так как они видят в немецком солдате пример, колеблются в своём осуждении немцев вообще. Это те же самые подразделения, которые вчера беспощадно пристреливали еврейских грабителей, но отвергают бессердечные истязания».

Тем не менее из состава батальона были выделены небольшие группы, в задачу которых входила ликвидация лю-

дей, занесённых в составленные в соответствии с инструкцией ОУН от мая 1941 года «чёрные списки». Информация об этом содержится в послевоенных показаниях военнослужащего «Нахтигаль» Григория Мельника: «В городе Львове батальон размещался в разных местах. Из нашего взвода и из других взводов в тот же день по приказу Оберлендера и Шухевича была отобрана группа легионеров общей численностью около восьмидесяти человек. Среди них были Лущик Григорий, Панькив Иван, Панчак Василий и другие.

Через 4—5 дней эти люди возвратились и рассказывали, что они арестовали и расстреляли много жителей города.

Панькив и Лущик говорили, что они вместе с участниками ранее заброшенных диверсионных групп получили от Оберлендера и Шухевича списки подлежащих аресту людей. Арестованных свозили в определённые места, среди которых я запомнил названную ими бурсу Абрагамовича, а затем по приказу Оберлендера и Шухевича арестованных расстреляли. Мне Лущик и Панчак говорили, что они лично расстреляли на Вулецкой горе польских учёных, и называли их фамилии, среди которых мне хорошо запомнилась фамилия профессора Бартеля, известного мне как бывшего министра панской Польши».

«Чёрные списки» фигурируют и в показаниях другого оуновца, Ярослава Шпиталя. Он прибыл во Львов 2 июня и был включён в состав личной охраны одного из руководителей ОУН (б) Николая Лебеда.

«Мы размещались в доме по улице Драгоманова (бывшая Мохнацкого), № 22, в левом флигеле первого этажа. В подвале этого дома находились арестованные, которых ночью выводили по одному во двор и там расстреливали. Расстрелы производили немцы и легионеры из батальона «Нахтигаль» из мелкокалиберных винтовок и пистолетов,

чтобы было меньше шума. Я сам видел, как лежащих во дворе людей освещали электрическими фонарями и тех, кто ещё был жив, расстреливали. Потом их увозили в не известном мне направлении. Я всё это видел из окон комнаты, в которой мы размещались.

В одну из ночей привезли на автомашинах группу арестованных, их сразу отвели на второй этаж, где учинили им допрос и избивали. Ругань, крики, стон и плач были хорошо слышны в нашей комнате. Через некоторое время этих арестованных сбросили с балкона второго этажа на бетонированную площадку двора, после чего достреливали. Убитых быстро увезли. За эти три дня там были расстреляны несколько десятков человек. Аресты и расстрелы производились по заранее подготовленным спискам».

Современные украинские историки ставят под сомнение показания Григория Мельника и Ярослава Шепталя, называя их «советской пропагандой», однако сведения об участии военнослужащих «Нахтигаль» в расстрелах львовских евреев были получены и западногерманским судом. Так, например, один из бывших членов оперативной команды СД «Львов» на допросе в 1964 году показал: «Здесь я был свидетелем первых расстрелов евреев членами подразделения «Нахтигаль». Я говорю «Нахтигаль», так как стрелки во время этой казни... носили форму вермахта... Казнь евреев... была произведена во дворе гимназии или школы членами подразделения вермахта... Что это были члены подразделения «Нахтигаль» я понял лишь позже, так как я этим заинтересовался... Я установил, что участвовавшие в этой казни стрелки в немецкой форме говорили по-украински».

Можно было бы ещё продолжить цитирование показаний множества свидетелей преступлений националистов ОУН, в том числе и из «Нахтигалья». Однако стоит лишь

подчеркнуть, что не только бандеровцы, но и мельниковцы (то есть обе фракции) поддерживали уничтожение нацистами евреев и принимали в нём активное участие. Документов, подтверждающих это, предостаточно.

Критикуя «Отчёт рабочей группы историков при Правительственной комиссии по изучению деятельности ОУН и УПА. Основные тезисы по проблеме ОУН—УПА (исторический вывод)», доктор гуманитарных наук, политолог В. Полищук (Канада), в частности, пишет: «С. Кульчицкий пишет, что после провозглашения 30 июня 1941 года Ярославом Стецько «государственной независимости Украины», военнослужащие «Нахтигалья», которые в тот день вошли во Львов, получили недельный отпуск и приказ передать все стратегические объекты города под охрану прибывшей немецкой полиции. Какое же командование даёт целым своим подразделениям отпуск на десятый день от начала войны? Это утверждение С. Кульчицкого является дезинформацией, цель которой — оправдание нахтигальцев, которые в первые дни июля 1941 года были свидетелями погрома евреев во Львове и ничего не сделали, чтобы его прекратить. Не случайным является также лживое утверждение С. Кульчицкого о том, что в июле Р. Шухевич сообщил командованию вермахта об отказе состава батальона «Нахтигаль» и далее служить немцам и что вследствие этого немцы разоружили этот батальон. Есть же описания военных этого батальона, которые противоречат такому утверждению, но нет документов о разоружении. Правдой является только то, что немцы вследствие отказа ОУН Бандеры отозвать «Акт 30 июня» решили оттянуть этот батальон из Украины, сделать ему передислокацию и послать в другой район военных действий — в Белоруссию, уже как полицейский батальон. Негоже научным работникам, научному учреждению в документе (так как «Отчёт»

является документом для правительства Украины) вводить его адресата в заблуждение. Неправдой является также то, что батальон переведён в Краков, его разместили в Нижней Силезии для полицейского переобучения. Неправдой является также утверждение, что «Нахтигаль» и «Роланд» были интернированы, это — из средств пропаганды ОУН Бандеры. Грязным враньём (это иначе нельзя назвать) является утверждение С. Кульчицкого, что в конце 1942 года всех бывших военнослужащих «Нахтигалья» и «Роланда», а потом уже полицейского 201-го батальона «Шуцманшафтен», немцы арестовали. Все они возвратились в свои дома в Галичине, чтобы в первые месяцы 1943 года перейти в распоряжение М. Лебеда для образования на Волыни Украинской освободительной армии (УВА) — так вначале назывались вооружённые формирования ОУН Бандеры на Волыни.

Исключительно пропагандистским, не имеющим ничего общего с наукой и одновременно с этим пронизанным бандеровским стилем является следующее утверждение С. Кульчицкого: оуновцы... мечтали о национальной армии, а пришлось сначала охранять мосты в партизанском крае, а потом сидеть в тюрьме. Проводил ли проф. С. Кульчицкий исследования мечтаний оуновцев? А как происходили «охрана мостов» и борьба с партизанами, объясняет упомянутая О. Азаренко: «...было известно, что придут на борьбу с партизанами и подразделениями ОУН. Числа 28—29 июня прибыло их 24 машины — вооружённых до зубов головорезов, с овчарками, по две собаки в машине. В чёрной форме... сначала подожгли на окраине села дома, потом началось! ...Они, оуновцы, чтобы далеко было видно их «работу», сжигали села и живьём семьи в хатах наших, деревянных, свирепствовали и убивали больше, чем немцы... совершали надругательства над беззащитными жен-

щинами по-зверски. С. Кульчицкого такие описания «охраны мостов» не интересуют, его задачей является оправдание оуновцев.

Неверно С. Кульчицкий раскрывает и дело убийства немцами польских (почему-то он говорит и о еврейских научных работниках, хотя в историографии такого следа не существует) научных работников в Львове в июле 1941 года. Достаточно только указать на неоспоримое: польских научных работников с семьями по подготовленным оуновцами на Западе (во Франции) спискам немцы при соучастии украинских военнослужащих вытаскивали из домов на расстрел. Нет доказательств непосредственного участия нахтигалеvцев в этих расстрелах, но есть доказательства соучастия в этом преступлении в виде вытаскивания из домов на расстрел. Но и подготовка списков на расстрел есть также соучастие в преступлении».

Таким образом, если свидетельства о непосредственном участии нахтигалеvцев во львовских расстрелах считать ложными, то даже и в таком случае бесспорными остаются доказательства их соучастия в этом преступлении.

Спустя несколько дней после «провозглашения Украинского государства», 5 июля 1941 года Степана Бандеру арестовали в Кракове.

«Бандера был арестован и содержался нами на даче в пригороде Берлина под домашним арестом, — покажет на допросе бывший начальник отдела «Абвер-2» полковник Штольце Эрвин в мае 45-го. — Аресту послужил тот факт, что он в 1940 г., получив от абвера большую сумму денег для финансирования оуновского подполья и организации разведывательной деятельности против Советского Союза, пытался их присвоить и перевёл в один из швейцарских банков. Эти деньги были изъяты нами из банка и снова возвращены Бандере. Аналогичный факт имел место и с Мельником...»

9 июля сотрудники СД г. Львова арестовали и Стецько. Теперь они находились под домашним арестом на даче в пригороде Берлина, что не мешало им принимать посланцев с Украины, а с ними передавать обратно указания и письма.

Бандера и Стецько 3 августа в связи с присоединением Галиции к Генерал-губернаторству направляют письма Гитлеру.

14 августа Бандера пишет письмо Розенбергу, пытаясь прояснить ситуацию, сложившуюся с ОУН. К письму он прикладывает меморандум. Но успехи германской армии вынуждают прежде всего самого Гитлера отказаться от идеи появления Украинского государства.

В. Полицук констатирует: «В войне Германии против Польши, против Европы, против Советского Союза ОУН (обе её фракции) как последователи фашистской идеи принимали участие в первую очередь не как украинцы, а как те, кто вводил новый порядок в подчинённых странах. Ведь не случайно в «Акте 30 июня 1941 года» ОУН Бандеры задекларировано. «3. Новообразованное Украинское государство будет тесно сотрудничать с Национал-социалистической Великой Германией, которая под управлением своего Вождя Адольфа Гитлера создаст новый порядок в Европе и в мире» и т.п. Не случайно также первый заместитель С. Бандеры Ярослав Стецько написал в то же самое время в своей биографии: «...стою на позиции уничтожения жидов и целесообразности перенести на Украину немецкие методы экстерминации жидовства, исключая их ассимиляцию. А «министр иностранных дел» Бандеры в «Меморандуме» к Правительству Германии, Владимир Стахов (брат Евгена Стахова, который принимал участие в работе «рабочей группы историков», а также в семинарах польских и украинских историков), писал: Германия не

ищет на Востоке только экономического пространства, но «нового порядка в Европе». Такой порядок в Европе — немислим без независимого Украинского государства... Анализировал ли С. Кульчицкий этот документ с точки зрения: какое Украинское государство имела в виду ОУН Бандеры? Ясное дело, что только государство фашистского типа с новым, фашистским порядком в нём. И дальше: считает ли С. Кульчицкий такое государство формой освобождения украинского народа или же его порабощения?»

Но через месяц после написания этих писем, ровно столько понадобилось немецким хозяевам решить вопрос с руководством ОУН, Бандеру арестовывают. Случилось это 15 сентября 1941 года. Пока его содержат во внутренней тюрьме штаб-квартиры гестапо в Берлине. А в январе 1942-го его переводят в тюрьму «Целенбау» концлагеря Заксенхаузен.

Известно, что концлагерь Заксенхаузен был создан в 1936 году. Число его узников в разные годы доходило до 60 000 человек. Погибли же на его территории свыше 100 000 узников.

Тюрьма (лагерная и гестапо) «Целенбау» была построена в 1936 году и имела Т-образную форму. В её стенах содержались особые заключённые.

Некоторые источники утверждают, что Бандера, Стецько и ещё 300 бандеровцев содержались в этом концлагере в хороших условиях. Им было разрешено встречаться между собой. Они получали продукты от своих родственников и денежные средства от Организации. Порой оуновцы покидали место своего временного содержания, переходя в замок Фриденталь (находился в 200 метрах от концлагеря). При особой необходимости выезжали Бандера и Стецько в Берлин.

Профессор А. Чайковский рассказывает: «Что касается «мордування» Бандеры в Заксенхаузене, то, как и Якова

Сталина, его поместили в особый блок «А». Туда заключали высокопоставленных членов европейских правительств, известных политиков, которых немцы обменивали на своих пленных. Там же находились наиболее ценные коллаборационисты, кто сотрудничал с гитлеровцами, но временно оказался не у дел, например, власовцы.

Много лет спустя лондонская «Таймс» описала условия, в которых сын Сталина содержался вместе с племянником Молотова и ещё четырьмя британскими лётчиками: «Помещение было просторное, с гостиной, двумя спальнями и двумя уборными». Почти что номера не в самой плохой гостинице...»

Видимо, Бандера, Стецько, а позднее помещённый туда же Мельник с женой и Бульба-Боровец, истинный создатель УПА, жили не в худших апартаментах, чем те, которые описаны в «Таймс».

Они находились под опекой Международного Красного Креста, свободно перемещались по территории лагеря, питались по эсэсовскому рациону, получали от родственников продовольственные посылки и деньги. Так что бросаться на колючую проволоку под высоким напряжением у них не было ни причин, ни желания. Бульба-Боровец вспоминал: «В депозите мы имели деньги, и у нас была возможность покупать «Винницкую махорку»...

В литературе можно встретить упоминание о том, что солдатам и офицерам СС регулярно выдавали ампулы кофеина, из-за чего они становились кофеманами. Подпитывали кофе и стукачей из числа военнопленных-предателей. На расстоянии 200 метров от Заксенхаузена находился замок Фриденталь, а в нём — школа агентурно-диверсионных кадров ОУН (б). Через инструктора школы Бандера отдавал приказы подчинённым, и немцы этому не препятствовали.

В Германии и сейчас живёт бывший абверовский офицер Дитрих Витцель. Для моего документального фильма об ОУН и УПА съёмочная группа записала с ним интервью. Он подтвердил, что Бандера и Стецько «были размещены на особом участке, где условия содержания отличались в лучшую сторону, чем на остальной территории концлагеря... Связь ОУН с вермахтом, хотя и не так активно, как ранее, продолжалась».

Бандеру, гулявшего по Берлину, однажды остановила полиция, но он предъявил гестаповское удостоверение, и его благополучно отпустили. Это похоже на «мордування»?»

После ареста у Степана Бандеры было время подумать о многом.

Вывод его оказался достаточно прост: «Об украинских массах говорить поздно. Мы их плохо воспитали, мало убивали, вешали. Теперь надо думать о том, как сохранить Организацию и захватить власть».

Глава 8

СОЗДАНИЕ УКРАИНСКОЙ ПОВСТАНЧЕСКОЙ АРМИИ

Ещё в августе батальон «Нахтигаль» был распущен. Так же поступили и с «Роландом». Весь украинский состав батальонов был направлен во Франкфурт-на-Одере, где всем было предложено подписать контракт на службу в немецкой армии. Отказались всего 15 человек, и их тут же отправили в трудовые лагеря. Из остальных сформировали охранный батальон 201-й охранной дивизии полиции генерал-майора Й. Якоби.

Командиром 201-го батальона стал майор Побигущий, а Шухевич принял под командование всего лишь сотню.

До марта 1942 года этот батальон проходил обучение, а затем был переброшен в Белоруссию, где принимал участие в охране путей сообщения от советских партизан (район Могилёва, Витебска и Лепеля).

Достаточно сказать, что батальон был признан лучшей полицейской частью.

Как пишет А. Гогун, «потери батальона в боях с партизанами составили 49 бойцов убитыми и 40 ранеными. По некоторым данным, в боях против этой части советские партизаны потеряли около 2500 человек убитыми.

Впрочем, какими бы бандеровцы ни были лихими и профессиональными боевиками, а убить 2,5 тысячи партизан формирование из 650 человек за 8 месяцев службы вряд ли

могло. К тому же получается, что на одного убитого националиста приходится 50 убитых партизан, — данные явно неправдоподобные.

Разница в потерях партизан и бойцов 201-го батальона наводит на мысль либо о преувеличении исследователями боевых качеств части, либо о приписках в отчётах бойцов, либо о том, что не все убитые «партизаны» на самом деле были партизанами. В частности, в 1942 г. нацисты в Белоруссии уже широко практиковали сожжение «партизанских деревень» и расстрелы заложников».

Что было — то было! Ни дать — ни взять!

Отличились военнослужащие этого батальона при проведении таких операций, как «Болотная лихорадка» (Витебская область), «Треугольник» (Брестская область), «Кот-тбус» (Минская, Витебская, Вильнюсская области).

«Отвечая на вопросы следствия относительно своих контактов с Р. Шухевичем, А. Бизанц в 1949 году утверждал, что в период проведения карательных операций в районе Винницы, а также на территории Белоруссии Шухевич имел возможность неоднократно приезжать во Львов, где встречался с абверовцами, в том числе с Бизанцем.

Так, в декабре 1941 года Шухевич прибыл во Львов из-под Винницы. Посетив Бизанца, он обратился к нему с просьбой защитить семьи нахтигалецев, обеспечить их пайками и денежным содержанием. Со слов Шухевича, после ареста Бандеры гестаповцами нахтигалеццы сильно беспокоились о судьбах членов своих семей и родственников. Бизанц в просьбе не отказал и тут же издал приказ по дискрипту «Галичина», запрещающий вывоз в Германию членов семей карателей из 201-го батальона, а также обеспечение их пайками и деньгами.

В ноябре 1942 года Шухевич, на этот раз из Белоруссии, снова прибывает в родной Львов. На встрече с Бизанцем

рассказывает, что 201-й батальон часто проводит карательные операции не только против белорусских партизан, но и поддерживающего их гражданского населения.

Справедливости ради следует отметить, что «заслуги» карателей перед рейхом достойно оценивались не только оккупантами, которые наградили крестами многих офицеров 201-го батальона, в том числе его руководителей Евгения Побигущего и Романа Шухевича. Уже после войны оказавшийся в благополучной Европе Евгений Побигущий, бывший командир 201-го батальона шуцманов, бывший командир полка дивизии СС «Галичина», удостоился ордена католической церкви» (Л.А. Поддубный).

А что мельниковцы? В 41-м Мельник организовал засылку в Киев и другие крупные города Украины так называемых походных групп своих сторонников, среди которых были видные деятели ОУН: М. Сциборский, О. Кандыба-Ольжич, М. Величковский. О. Сенюк, писатели У. Самчук, И. Рогач и О. Телига.

На местах, как и предписывалось их лидером, они развернули пропагандистскую работу, вербовали сторонников среди местного населения. Но рейхскомиссар Э. Кох был очень недоволен такой деятельностью, которая не только не входила в планы Гитлера, но попросту мешала их проводить в жизнь на оккупированной территории.

Начались аресты, а кого-то из мельниковцев фашистам даже придётся уничтожить. Лишь какие-то полувоенные формирования ОУН Мельника после расформирования включают в состав полиции. По крайней мере коллаборационистским формированием ОУН (м) был созданный летом 1943 г. Украинский легион самообороны (УЛС), состоящий из трёх сотен. Он действовал на Волыни, в районе Кременчины. Впоследствии под давлением УПА перейдёт на нелегальное положение.

В общем, благодаря расколу ОУН, а также усилиям оккупантов, мельниковцы будут разгромлены практически полностью в 1943 году. Вследствие чего какая-то их часть перейдёт к бандеровцам, а другая — под крыло Украинского центрального комитета (В. Кубийовича), формально признающего лидерство Мельника, но существующего под покровительством губернатора О. Вехтера.

К слову, в феврале 1944 г. Мельника также арестуют и отправят туда же, где находился Бандера. А после освобождения предложат сформировать новое украинское антисоветское движение, но у него ничего не получится. Он проиграл.

А тем временем на Волыни появляется УПА (Украинская повстанческая армия) атамана Тараса Бульбы. О нём разговор особый. Почему, вы узнаете позже.

Максим (Тарас) Дмитриевич Боровец (Бульба) родился 9 марта 1908 года на Волыни (село Быстричи Ровенской области) в бедной сельской семье (9 детей).

«Обладая неплохой профессией мастера каменщика, я экономически был достаточно хорошо обеспечен. Без официального технического образования часто выполнял функции инженера не только на своих, но и на чужих предприятиях», — напишет он в мемуарах.

На мировоззрение Боровца значительное влияние оказал его дед, часто возивший мальчика по старым могилам шведских солдат Карла XII.

Ещё в детстве старшие братья прозвали Максима Бульбой за его нос, напоминающий картофель. В четырнадцать лет Боровец знакомится с бывшим полковником армии УНР И. Литвиненко, который поручает ему сбор разведывательной информации на территории советской Украины. А ещё через два года польская полиция арестовывает его за связи с ОУН. Это произошло как раз после убийства польского министра Бронислава Перацкого.

Осудили Максима на 3 года, но уже весной 1935 года выпустили за «примерное поведение».

С осени 1935-го до зимы 1937-го Боровец занимался организацией каменного карьера в с. Корпиловка. Затем перебирается в Варшаву.

По утверждению В. Колесниченко, «кроме подорванного здоровья, «отсидка» дала Боровцу обширные связи в среде украинских эмигрантских политиков и общественных деятелей. В 1936 году польские власти обязывают Бульбу «из-за неблагонадёжности» уехать в глубь Польши. Там-то он и наблюдал начало Второй мировой войны и героическое сопротивление польской армии, треть которой составляли украинцы. Осень 1939 года Боровец встречает в Холме, «где и получает санкцию правительства УНР перейти границу и готовить вооружённую борьбу на несколько фронтов за независимость Украины».

В ноябре 1939-го года на совещании правления УНВ в Холме Боровец настаивал на том, что кто-то из руководства должен вернуться на территорию УССР, и выставил свою кандидатуру. Боровец пишет: «Мои рассуждения были таковы: военные события каждую минуту могут перенестись с запада на восток. Хотя мы сейчас не знаем, что те события принесут, мы должны быть ко всему готовы. Нам нужно в глубоком подполье, лучше всего на Полесье, учредить свою базу, перевести полную реорганизацию всех наших сил, военизировать УНВ и другие дружественные нам организации, скоординировать их работу и так вместе с народом реагировать на развитие событий».

Было решено приготовить подробный план политической и военной акции демократических сил в Украине на случай немецко-советской войны. Его проект был сложен и подан для дальнейшей проработки и утверждения генералу Володимиру Сальскому, как военному министру и началь-

нику Генерального штаба Украинской Народной Республики. Для консультации члены УНВ тайно завербовали много выдающихся украинских офицеров, главным образом партизанско-повстанческих командиров Первой мировой войны. В мае 1940 года план был готов. Его подали на утверждение Президенту УНР Андрею Левицкому».

Дальнейшие события, известные историкам, носят весьма противоречивый характер. Одни источники утверждают, что Боровец «отошёл от дел» и открыл своё маленькое «дело»; ровенский историк О. Слободянюк указывает на то, что Боровец в это время проходил подготовку в разведывательной школе абвера. Сам же Боровец приводит мифические факты о том, что с ноября 1939 руководством УНР специально для него был разработан план по «организации восстания на Украине» (само руководство УНР упрекает будущего атамана в неправдивости таких заявлений). Не менее загадочными остаются обстоятельства и время появления Боровца на территории советской Украины — сам он указывает на то, что ещё 1 августа 1940 года перешёл советско-немецкую границу. По информации членов ОУН (м), контролировавших указанный Боровцом участок границы, никто на советскую сторону в 1940 году не переходил из-за того, что «граница была на замке» советских пограничников, а попытка совершить переход в 1941-м закончилась для переходивших посланцев ОУН (м) плачевно».

Но что бы ни говорили, а в Ровенской области Боровец снова объявился в июле 1941 года, т.е. при немцах.

В начале этого месяца «за заслуги в борьбе с советской властью» Боровца назначают комендантом полиции Сарненского района.

«Здесь под эгидой оккупантов он сколотил из старых дружков — местных националистов вооружённую группу, которой дал пышное название «Украинская повстанческая

армия «Полесская сечь». Вооружили это воинство, разумеется, немцы. Боровец отблагодарил незамедлительно: его отряды вместе с гитлеровцами приняли участие в боях за город Олевск, а потом помогли немцам преследовать разрозненные группы окружённых красноармейцев. Создав «Сечь», честолюбивый Боровец присвоил себе псевдоним Бульба и чин генерал-хорунжего (был такой когда-то в петлюровской армии). Атаман был достаточно умён, чтобы понимать: трудовой народ Волыни видит в гитлеровцах во все не освободителей от «московских большевиков и жидомасонов», а ненавистных оккупантов. И он начал хитрую игру. В выступлениях на митингах и сходах атаман вроде бы по секрету от немцев говорил, что союз с Германией — лишь тактический ход, что, дескать, после разгрома СССР и создания независимой украинской державы «Полесская сечь» тотчас повернёт оружие против немцев. Некоторые попались на крючок и вступили в УПА, полагая, что они и впрямь будут воевать с оккупантами. Впрочем, атаман не стеснялся загонять молодых парней в свои банды и силой» (М.П. Шелюг).

Сначала УПА Боровца насчитывала 1000 человек (август 1941 г.).

Сам Тарас Бульба имел у немцев звание зондерфюрера, от них же получал вооружение и приказы. Начальником штаба у него стал полковник УНР П. Смородский, а заместителем — Диткевич. Повстанцы издавали свою газету «Гайдамака». К осени численность их отрядов достигала 2—3 тысяч человек. По данным самого Боровца — 10 000.

По воспоминаниям Бульбы-Боровца, «центром сопротивления советских войск на Полесье стал городок Олевск, где оставались остатки гарнизона, уцелевшего после столкновения с одной из эсесовских дивизий. В конце августа 1941-го украинские и белорусские отряды, провернув ряд

боевых операций, захватывают Олевск и вытесняют остатки «красных» в черниговские леса. До конца декабря, когда в эти края пришла гражданская администрация немцев под руководством Эрика Коха, на огромном треугольнике Слуцк — Гомель — Житомир существовала так званная «Олевская республика»:

Олевск стал настоящей столицей, чем-то вроде суверенной Украинской республики. Она имела свою отдельную территорию, которую сама добыла в борьбе с врагом, свою администрацию, своё войско, своё законодательство военного времени, свой суд, свою исполнительную власть. Вся Полесская котловина на протяжении полугода жила своей отдельной, суверенной жизнью. Из этого отрезка времени три месяца прошли в напряжённой борьбе с советскими диверсантами, а вторая половина, перед появлением немецкой оккупационной администрации, проходила в условиях настоящей свободы и свободного творчества во всех сферах жизни.

Всё Полесье было отдано в руки самоуправления. Этим и объясняются пылкая любовь и почёт всего населения Полесья не к немецкому «вызволителю», а к своей вооружённой силе, то есть «Полесской сечи» УПА и Белорусской самообороне. Вокруг Олевска возродилась общественная жизнь. Административное самоуправление, хозяйство, культура, образование, пресса, издательства, здравоохранение — одним словом, всё, что хоть на некоторое время вырвалось из-под гнёта серпа с молотом или белого орла.

Почти в каждом районе выходили местные газеты: «Вести», «Голоса», «Газеты», «Слова». Обновились разрушенные коммунистами церкви. Организовывались спортивные общества, профессиональные и любительские театры и хоры» (В. Колесниченко).

Но это одна сторона медали. Была ещё и вторая: «Пока атаман Бульба и его старшины играли в «самостійність»,

фашистская служба безопасности хладнокровно разработала план акции, как надёжно привязать «Сечь» к своей колеснице. Такой акцией и стала «просьба» (а на самом деле — безоговорочный приказ) «помочь» оккупантам ликвидировать еврейское население Олевска. После этой акции Бульбе пришлось переименовать скомпрометированное олевской трагедией название УПА «Полесская сечь» на УНРА — Украинская народно-революционная армия. На самом деле УНРА не была ни народной, ни революционной, ни армией, если исходить из её целей и фактической численности» (М.П. Шелюг).

По одной версии: «С организацией рейхскомиссариата «Украина» ситуация резко ухудшается. Немецкие силы вступают на территорию «Олевской республики», и 16 ноября 1941 года Бульба-Боровец официально демобилизует своё 10-тысячное формирование. Меняется принцип действия с территориального на походно-рейдовый. Штаб переносится в Людвипольский район Ровенской области, недалеко от трассы Ровно—Киев. В то же время распушены слухи, что мозговой центр УПА «Полесская сечь» расположен где-то далеко — в белорусских болотах» (В. Колесниченко).

По другой: «С расширением сферы деятельности немецкой администрации «вольница» «Полесской сечи» — УПА подошла к концу. Предложения о том, что «Полесская сечь» сможет самостоятельно охранять Полесье и очистит леса на Черниговщине от большевистских партизан, высказанные Боровцом на переговорах с немецкими властями 9 ноября 1941 года, не были приняты.

Дабы избежать осложнений, Боровец принял решение расформировать свои военные отряды. 16 ноября 1941 года произошла формальная демобилизация «Полесской сечи». Атаман генерал-хорунжий Боровец вместе с 300 бойцами удалился в лес» («Википедия»).

Но вернёмся к 201-му батальону. В декабре он отказался продлевать контракт, поэтому в январе 43-го личный состав был переведён во Львов. Якобы там командный состав определили в тюрьму, а рядовых отпустили по домам.

«Немцы предлагали им далее служить в местной полиции. По дороге бывший командир «Нахтигалья» Роман Шухевич убежал на конспиративную квартиру ОУН и стал помогать своим бывшим товарищам бежать из тюрьмы. Часть командиров 201-го батальона немцы «временно» освободили, и они ушли в подполье. Позже и оставшиеся в заключении бойцы 201-го батальона, вступив в украинскую дивизию СС «Галичина», убежали, чтобы вступить в ряды УПА.

Бывшие офицеры ДУН и 201-го батальона составили ядро командного состава Повстанческой армии», — пишет А. Гогун.

После сокрушительного поражения немцев под Сталинградом, а также с приближением Красной Армии к оккупированной территории Украины на её территории заметно активизировались отряды партизан. Всё большее число жителей стало относиться к ним как к единственным защитникам от фашистов.

И прежде всего по этой причине в феврале 1943 года в с. Тернобежье Олевского района Львовской области на III конференции ОУН принимается решение об активизации деятельности и начале вооружённой борьбы. Были оговорены и её цели: «...а) оторвать от влияния Москвы те элементы украинского народа, которые ищут защиту от грозы со стороны немецкого оккупанта; б) демаскировать московский большевизм, который свои империалистические намерения и далее угнетать Украину прикрывает лозунгами защиты украинского народа и других угнетённых народов от немецкого оккупанта; в) добыть для украинского народа

и для национально-освободительной борьбы независимую позицию на внешнеполитической арене».

В отсутствие Бандеры ОУН (б) руководил Николай Лебедь. Сам он, несмотря на принятые решения конференции, считал начало вооружённого выступления преждевременным. И только по причине неготовности подполья. Не хватало командных кадров и оружия. И если руководитель ОУН в Галиции М. Степняк призывал к развёртыванию широкого вооружённого восстания против немцев, то Роман Шухевич предлагал основную борьбу направить против советских партизан и поляков. Его-то и поддержали собравшиеся большинством голосов.

Стоит отметить, что в период дебатов, а именно 22 февраля состоялась встреча представителей ОУН (б) с Тарасом Боровцом, который уже командовал в некотором роде УПА. Но попытки договориться о совместной деятельности не увенчались успехом. Ничего существенного не принесла и вторая встреча с ним, состоявшаяся 9 апреля.

Боровец был категоричен в двух пунктах: он не желал принимать диктат Бандеры и планируемые ОУН (б) акции против польского населения.

Процесс создания УПА чётко прослеживается и на страницах недавно рассекреченных документов, хранящихся в архивах ФСБ. Так, в одном из них говорится: «Выступление против немцев оуновского актива имело место и в других местах, в результате чего в конце 1941 и в начале 1942 гг. оуновский актив стали подвергать под различным предлогом аресту, ликвидации на местах, особенно в областях, украинскую административную власть.

В этот период подвергались аресту только бандеровцы, мельниковцев немцев не трогали. Оставшиеся ещё на своих постах в административном аппарате бандеровцы получили приказ Краевого проводя начать подготовительную ра-

боту для перехода в подполье. Находившиеся уже к этому времени в подполье бандеровцы налаживали связь подполья и выискивали места укрытия для других членов ОУН.

Кроме этих мероприятий, бандеровцы усилили вооружение и боевую подготовку украинской полиции и приступили к организации по сёлам «боивок», которые вначале несли охранную службу. В связи с тем, что среди националистической части населения стала ускользать перспектива создания «самостоятельной» Украины, издевательства немцев над населением усиливали в широких массах украинского народа враждебность к немцам, последние стали перед угрозой, что население, способное носить оружие, пойдёт в партизаны и будет вести активные боевые действия в их тылу.

К этому времени, в частности в Ровенской области, оперировали ряд больших партизанских отрядов. Всё это было предвестником крупных антигерманских выступлений широких масс украинского населения. Немцы стали искать выход из создавшегося положения. Нужно было у националистически настроенной части населения поддержать перспективу возможного существования «самостийной» Украины, а также отвести от себя удар выступления широких масс украинского населения.

СОЗДАНИЕ УПА

И этот выход был найден. Немцы, руководя проводом ОУН, перевели оуновские организации на «нелегальное» положение, создали УПА и этим возродили надежду у националистически настроенного населения, что в борьбе они достигнут «самостоятельной» Украины, и это способствовало им отвести от себя удар антигерманского выступления широких масс украинского населения.

Создание УПА ни в коей мере не являлось опасным для немцев, так как УПА руководил Краевой провод, состоящий из агентов гестапо, и такие же гестаповцы создавали и руководили УПА. В доказательство того, что перевод ОУН в подполье и создание УПА являются делом рук немцев, приведу ряд существенных фактов:

В конце 1942 года и начале 1943 года в период подготовки и перевода оуновских организаций в подполье и создания УПА, националистами «нелегально» издавались информационный бюллетень «Информатор» и журнал «До зброи».

Характерно, что во всех воззваниях, листовках и др. документах говорилось о задачах УПА вести бои с немцами и с партизанами, но фактически УПА с немцами играли в «кошки и мышки», а всемерно охотились за партизанами.

В свою очередь, немцы всегда знали места стоянки отрядов УПА, но активных мер к их уничтожению не принимали, а ограничивались только направлением в эти районы незначительных экспедиций и стоянки отрядов УПА забрасывали листовками, в которых угрожали уничтожением. Характерно, что пока в том или ином населённом пункте стояли отряды УПА, то немцы их не трогают, а как только отряды из этих сёл уйдут, то появляется немецкая экспедиция и начинает сжигать сёла и расстреливать население...

Очень важным обстоятельством является следующее.

В сентябре 1943 года по заданию краевого провода ОУН шесть куреней УПА было сведено в одну группу с заданием окружить и уничтожить партизанский отряд т. Медведева, но для уничтожения немецких карательных экспедиций, которые жгли сёла, убивали мирное население, УПА ни одной операции не организовала...

Для того чтобы не допустить антифашистских выступлений в широких массах населения, немцы через Провод

ОУН создали УПА, где сконцентрировали большое количество мужского населения, способного носить оружие, а через бандитские группы СБ усилили террор над оставшимся населением.

Руководя через Провод ОУН УПА и СБ немцы предотвратили нарастающую против себя опасность. Для того чтобы украинские националистические элементы не разобрались в жульнической политике немцев, последние разрешают Краевому проводу ОУН издавать литературу с призывом к борьбе с немцами, но стрелять в немцев проводу и штабу ОУН они разрешения не дали» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 818).

В марте — апреле 1943 года ряды будущей УПА пополнили до 6000 сотрудников полиции.

В июне — августе 1943 года УПА состояла из 2 групп — Юг и Север. А после III чрезвычайного Большого сбора ОУН их стало гораздо больше: «Северо-Западная группа (военный округ «Туров»); Северная группа (военный округ «Заграва»); Южная группа (военная округ «Эней») и Восточная группа (военный округ «Верещаки»)».

В том же июне 43-го в УПА была создана военно-полевая жандармерия и служба безопасности.

27 августа 1943 г. Главной командой УПА был издан указ, согласно которому, все члены УПА именовались казаками и подразделялись на три группы: казаки-стрельцы, подстаршины и старшины. Вводились воинские звания и ранги.

По утверждению историка С. Ткаченко, «численность УПА на рубеже 1943—44 гг. составляла около 40 тысяч бойцов. Всего же за годы существования УПА в её рядах побывали до 400 тысяч человек».

В марте 1944 г. нарком госбезопасности УССР Савченко докладывал: «В течение 1942 года бандеровцы провели большую работу по созданию широкой сети подполь-

ных вооружённых боевых групп на территории Западной Украины. В марте 1943 года на базе этих боевых групп бандеровским проводом ОУН началось формирование так называемой Украинской повстанческой армии» (УПА), во главе которой вначале был поставлен некто Юрко (оуновская кличка), а в мае 1943 года некий Клим Савур с званием главнокомандующего УПА.

О Климе Савуре нам известно, что он имеет ещё один псевдоним Охрим, сын или племянник львовского адвоката.

Формирование УПА бандеровцами проводилось под лозунгом необходимости борьбы с немецкими оккупантами и советскими партизанами.

Истинные же причины формирования УПА кроются не столько в необходимости вооружённой борьбы с немецкими оккупантами, сколько в стремлении, играя на ненависти населения к оккупантам, усилить своё влияние среди украинского населения западных областей Украины и повести борьбу с развернувшейся зимой 1942—1943 гг. партизанским движением на территории Волыни и Полесья и, таким образом, создать вооружённую опору для ОУН» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 100. Оп. 11. Д. 7).

Что касается Бульбы-Боровца, то его «деятельность» будет недолгой. Но кое-что сделать он всё же успеет.

Как подчёркивает историк М.П. Шелюг, «в архивах сохранился документ, отпечатанный на порядке разбитой пишущей машинке с украинским шрифтом. В правом верхнем углу слова: «Абсолютно тайно». Ниже название: «План акций по борьбе с большевистскими партизанами, сконцентрированными в Полесской котловине в пределах Брест — Минск — Гомель — Житомир».

Этот документ советские разведчики сумели заполучить почти сразу после того, как атаман подписал его 15 марта 1943 года.

Из «абсолютно тайного плана» явствовало, что действия советских партизан создали для немцев на оккупированных ими территориях невыносимое положение. Бульба и его воинство поставили перед собой в этой связи задачу ни больше ни меньше как облегчить положение гитлеровцев, ликвидировав советских партизан в названном районе.

В пункте первом Бульба провозглашал, что «акцию проводят украинские партизаны... под моим командованием на основе тихого сотрудничества с немецкими властями». В пункте втором указывалось, что официальная немецкая власть будет бороться и с советскими партизанами, и с «бульбашами», но неофициально будет поддерживать «бульбашей» и тайно поставлять им военные материалы. Заключительный, шестой пункт этого плана звучит так: «В случае дальнейшего продвижения Красной Армии на запад украинские партизаны остаются для диверсий в большевистских тылах, сотрудничая и дальше с немецкой армией...»

Этот план срывает последний флёр независимости и идейности с националистов. Кстати, аналогичные документы-соглашения подписывали с гитлеровцами и бандеровцы, и мельниковцы».

Известно, что сам Боровец в конце ноября 1943 года прибыл в Ровно на переговоры с немцами, а уже оттуда был отправлен в Варшаву и затем в Берлин. Часть его отрядов была разоружена частями УПА, а их командиры были уничтожены службой безопасности ОУН (б). Тем не менее Боровец спокойно доживал свою жизнь в Канаде и умер в Торонто в 1981 году.

Стоит отметить, что советские спецслужбы достаточно активно собирали всю возможную информацию про УПА. Их интересовало абсолютно всё. Так, в одном из документов подчёркивается: «Основное ядро командного и рядового состава УПА составляют кадры оуновских нелегалов из

числа буржуазной городской и сельской интеллигенции и идущей за ней молодёжи...

Командный состав от командиров сотен и выше назначается краевыми проводами ОУН из активных оуновцев, преимущественно галичан. Назначать на командные должности УПА волынцев ОУН зачастую избегает, считая их менее надёжными.

(...) установлено, что в лесах Стыдинского и Степаньского районов (вблизи Костополя Ровенской области) находятся офицерская школа, возглавляемая бывшим полковником царской армии Гончаренко и инженерно-сапёрная школа под начальством некоего Горносталя (оуновская кличка).

Кроме того, по требующим проверки данным, подготовка командных кадров УПА проводится украинскими националистами при помощи англичан в Канаде, где организованы летние и другие школы.

Кроме оуновских нелегалов, составляющих основной костяк УПА, ОУН широко использовала для пополнения рядов УПА созданную немцами в начале оккупации Украины так называемую украинскую полицию.

Известно, что бандеровцы в практике своей работы уделяли большое внимание насыщению местной украинской полиции своими националистическими кадрами, которые при формировании УПА по указанию ОУН бежали из полиции с имевшимся у них оружием и вступали в УПА. Такие факты, в частности, были зарегистрированы на Волыни и в Полесье.

Для пополнения рядов УПА в сентябре 1943 года Главным командованием УПА в захваченных ею районах Волыни и Полесья были проведены «мобилизация» мужского населения и увод его в леса, в банды УПА.

Вследствие того, что в ряде мест значительная часть населения пыталась уклониться от «мобилизации», оуновцы

применяли террористические меры к семьям и родственникам уклоняющихся.

По добытым данным и показаниям захваченных участников УПА, в некоторых подразделениях УПА и особенно в подразделениях Северной группы УПА «мобилизованные» составляют 60 %.

«Мобилизованная» часть личного состава УПА в боевых столкновениях является неустойчивой. Большинство лиц из этой категории стремится, при удобном случае, бежать из УПА...

Часть дезертирующих из УПА одиночками, группами и целыми подразделениями переходят с оружием к партизанам, а часть уходят в леса и, оставаясь на освобождённой территории, продолжают скрываться в лесах, боясь репрессий со стороны органов советской власти» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 100. Оп. 11. Д. 7).

Версию о том, как ОУН—СД превратилась в УПА, рассказывает профессор А. Чайковский:

«Задним числом Шухевич издал приказ считать днём создания армии 14 октября 1942 года, желая затемнить свою службу в 201-м полицейском батальоне. На самом деле УПА стала таковой не раньше весны 1943 года.

ОУН—СД превратилась в УПА по принципу: «Чтобы уничтожить, возглавь». Был такой человек по фамилии Боровец, который создал партизанскую «Полесскую сечь». Боровец взял псевдоним Тарас Бульба. При своём штабе он имел связного от Мельника, что говорит о взглядах атамана. Когда его отряд разросся до восьми тысяч штыков, гордый своим войском Бульба-Боровец переименовал его в «Украинскую повстанческую армию — «Полесская сечь».

Обосновавшийся на той же территории Шухевич понял, что ему будет трудно конкурировать за продовольственные и человеческие ресурсы с Боровцом, и под дулами

своих орудий вынудил его объединиться. Тогда-то, в мае 1943 года, и появилась УПА. В ходе «объединения» бандеровцы истребили сотни своих «оппонентов».

Шухевич быстро сориентировал УПА на уничтожение отрядов польской Армии Крайовой, что переросло в так называемую «Волынскую резню», взаимное уничтожение украинского и польского населения. За короткий срок погибли более 100 тысяч поляков и 20 тысяч украинцев.

Меньше чем через два месяца после объединения бандеровцы разоружили формирование Боровца, часть его полевых командиров расстреляли. Боровец отделился от Шухевича и остатки своих бойцов переименовал в Украинскую национально-революционную армию. В одном из столкновений с УНРА бандеровцы захватили в плен Анну Боровец, жену атамана. Её пытали, а потом убили. Боровец сбежал в Варшаву, где был арестован немцами и помещён в Заксенхаузен. Шухевич остался единственным владельцем бренда».

К слову сказать, с созданием УПА бандеровцами их организация стала единственной силой на территории Украины, снова способной активно бороться с придуманными их идеологами врагами. А это, как мы помним, евреи, поляки и москали. Отрядов Боровца скоро не станет, как и самого предводителя. Германские войска отступят под натиском Красной Армии. Мельниковцы будут уничтожены, рассеяны и изолированы. Так, например, «по данным самих мельниковцев, в 1941—1944 гг. ОУН (м) потеряла убитыми 4756 членов, в том числе 197 членов высшего руководящего звена, и среди них — 5 членов провода ОУН (м). Через концлагеря прошли 132 члена руководящего звена ОУН (м), в том числе 7 членов Провода. 95 % жертв ОУН (м) понесла в рейхскомиссариате «Украина», руководимом гауляйтером Эрихом Кохом», — констатирует А. Гогун.

Глава 9

«СЛАВА ГЕРОЯМ!»

Уже летом 1943 года отряды Украинской повстанческой армии организовали масштабные этнические чистки в районах проживания польского населения. Таким образом, только по данным польских историков, были уничтожены 40 тысяч человек.

«Ещё одной жертвой этих этнических чисток, получивших название «Волынской резни», стали евреи, спасавшиеся от нацистских карателей, — пишет А. Дюков. — К тому времени антиеврейские призывы исчезли из печатной пропаганды ОУН (б). Однако в пропаганде устной они оставались. Пропагандисты ОУН (б) призывали уничтожать не только местное польское население, но и евреев. «Священник сказал: «Братья и сёстры, пришло время, когда мы сможем отомстить полякам, жидам и коммунистам», — вспоминал один из очевидцев. Те же лозунги мы находим в донесениях, направляемых в Украинский штаб партизанского движения (УШПД) советскими партизанами: «На собраниях крестьян призывают уничтожать коммунистов, жидов и поляков».

Факты массового истребления мирных жителей украинскими националистами проходят и по документам советских спецслужб. Так, в одном из них говорится следующее: «Агент группы НУД, возвратившийся из гор. Владимир-Волынска, сообщил, что 18-го июля с.г. был очевидцем массового истребления украинскими националистами-

бандеровцами польского населения, проживающего в гор. Владимир-Волыньске.

Во время богослужения в костёлах бандеровцами были убиты 11 ксендзов и до 2000 поляков на улицах города.

Немецкий гарнизон, полиция и казаки в количестве 600 человек не приняли никаких мер против расправы над поляками и лишь после расправы немецкое командование вывесило объявление, призывающее поляков вступать в жандармерию для борьбы с бандеровцами. Многие поляки, боясь репрессий, ушли на службу к немцам» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 100. Оп. 11. Д. 7).

Виктор Полищук главным архитектором убийств в своей книге называет Миколу Лебеда.

«Такой архитектор был. Он имел свою резиденцию во Львове и оттуда руководил акциями. Его деятельность была строго законспирирована. Это был Микола Лебедь — шеф службы безопасности ОУН. Штаб УПА получил от Лебеда в июне 1943 г. такие боевые задания:

— немедленно и как можно скорее закончить акцию тотального очищения украинской территории от польского населения;

— последовательно уничтожать внутреннего врага, то есть всех демократов из-под флага УНР (Украинской Народной Республики) и других политических группировок.

Так же беспощадно уничтожались и те из своих, кто не соглашался с методами М. Лебеда. Так, Тарас Бульба-Боронец, один из организаторов УПА, пишет о том, что, когда его переговоры с Лебедем закончились неудачно, тот «вынес всему штабу заочные смертные приговоры и приказал СБ эти приговоры выполнить всеми способами. Всех переловленных наших вояк братия Лебеда агитировала переходить на их сторону, а тех, кто отказывался, на месте расстреливали».

Ночь на 24 марта 1944 года. Все спят. После полуночи вспыхнули дома. Один из сыновей выскочил из тайника, его припало, но он убежал. Отец его сгорел в огне собственного дома. Другой сын так и не смог выбраться из тайника и задохнулся в дыму. Мать, убегая, была ранена пулей. Семилетняя дочка, убегая, наткнулась на уповца. Он проколол ей грудь штыком. Девочка вскрикнула в последний раз и, умывшись своей кровью, просталась с жизнью. Спокойствие ночи прорезал свист пуль.

И это творила армия. Армия, которая днём пряталась в лесу, а ночью выходила на свой нечистый промысел. Почему же эта сильная армия отсиживалась днём в своих убежищах? Почему не воевала с открытым забралом против немцев и большевиков? Ей, видимо, было легче ночью... выходить, сжигать польские сёла, а убегающих убивать выстрелами, штыками.

Читая материалы, присланные свидетелями убийств, можно засомневаться в христианской вере, в том, что человека создал Бог.

В украинском национализме нет места таким христианским добродетелям, как добро, милосердие, любовь к ближнему, благородство, уважение человеческого достоинства, жалость. Зато доминируют ненависть, кровожадность, пренебрежение человеческой жизнью.

Больно мне, украинцу, писать о методах убийств, используемых ОУН—УПА. Но промолчать об этом невозможно. Для предостережения последующим поколениям. Да и теперешней молодёжи из Украинской национальной ассамблеи — Украинской национальной самообороны.

Так что укрепи свои нервы, читатель. Только небольшую часть примеров я приведу тут. Все они подкреплены документами.

— З.Д. из Польши: «В тех, кто убежал, стреляли, на конях догоняли и убивали. 30.08.1943 г. в селе Гнойно старо-

ста назначил 8 поляков на работу в Германию. Украинские партизаны-бандеровцы увели их в лес Кобыльно, где раньше были советские лагеря, и побросали живыми в колодец, в который после этого бросили гранату».

— Ч.Б. из США: «В Подлесье, так называлось село, бандеровцы замучили четверых из семьи мельника Петрушевского, причём 17-летнюю Адольфину тянули по каменной сельской дороге, пока не умерла».

— Э.Б. из Польши: «После убийства Козубских в Белозёрске, около Кременца бандеровцы пошли на хутор к Гузиховским. Семнадцатилетняя Регина выскочила в окно, бандиты убили невестку и её трёхлетнего сына, которого она держала на руках. Затем подожгли хату и ушли».

— А.Л. из Польши: «30.08.1943 г. УПА атаковала такие сёла и убила в них:

1. Куты. 138 человек, в том числе 63 ребёнка.
2. Янковицы. 79 человек, в том числе 18 детей.
3. Острувка. 439 человек, в том числе 141 ребёнка.
4. Воля Островецка. 529 человек, среди них 220 детей.
5. Колония Чмиков. 240 человек, среди них 50 детей.

— М.Б. из США: «Стреляли, резали ножами, сжигали».

— Т.М. из Польши: «Огашка повесили, а перед этим сожгли ему на голове волосы».

— М.П. из США: «Окружили село, подожгли и убивали убегающих».

— Ф.К. из Великобритании: «Забрали с дочкой на сборный пункт около церкви. Там уже стояли около 15 человек — женщины и дети. Сотник Головачук с братом начали вязать руки и ноги колючей проволокой. Сестра начала вслух молиться, сотник Головачук начал бить её по лицу и топтать ногами».

— Ф.Б. из Канады: «На наш двор пришли бандеровцы, поймали нашего отца и топором отрубили ему голову, нашу

сестру прокололи штыком. Мать, видя всё это, умерла от разрыва сердца».

— Ю.В. из Великобритании: «Жена брата была украинкой, и за то, что она вышла замуж за поляка 18 бандеровцев её изнасиловали. От этого шока она никогда не вылечилась, брат её не жалел и она утопилась в Днестре».

— В.Ч. из Канады: «В селе Бушковицы восемь польских семей загнали в стодолу, там всех их топорами поубивали и подожгли стодолу».

— Ю.Х. из Польши: «В марте 1944 г. на наше село Гута Шкляна напали бандеровцы, среди них был один по фамилии Дидух из села Оглядов. Убили пять человек. Стреляли, добивали раненых. Ю. Хоростецкого топором разрубили пополам. Изнасиловали малолетнюю».

— 30 августа 1943 г., польское село Острувки, возле Любомоля. Село окружили плотным кольцом. В село въехали украинские эмиссары, предлагая сложить оружие. Большинство мужчин собрались в школе, в которой их закрыли. Потом выводили по пять человек за сад, где их убивали ударом по голове и бросали в выкопанные ямы. Тела складывали слоями, пересыпая землёй. Женщин и детей собрали в костёле, приказали им лечь на пол, после чего по очереди стреляли в голову. Погибли 483 человека, в том числе 146 детей.

И такое на 166 страницах! И это только на Волыни. А ещё будет Галичина!»

Здесь следует обратить внимание на следующий факт: в Державном архиве Ровненской области и в Державном архиве верховных органов власти Украины доктор гуманитарных наук Виктор Полищук обнаружил документы в форме сообщений структур ОУН—УПА после «акций» по уничтожению польского мирного населения Волыни и Галичины, которые свидетельствуют о том, что деятельность

этих структур следует квалифицировать как народоубийство (геноцид), следствием которого была гибель не менее 120 000 человек польского беззащитного населения в 1943—1944 годах.

Также В. Полищук, на основании документов (в т.ч. из тех же архивов) установил: «Формирования ОУН Бандеры, используя зверские методы, уничтожила не менее 80 000 человек украинского мирного (гражданского) населения — от младенцев до стариков — на Волыни и в Галичине.

Завершая скорбный список жертв украинских националистов, В. Полищук пишет: «Хватит! Хватит этих страшных описаний! Думая о них, я не могу понять психику преступников. Те, кто отрубал детям руки и ноги, выкалывали глаза, разрезали животы у женщин, — как они смотрят в глаза своим внукам, смотрят на их рученьки и ножки. Не встречаются ли перед ними образы совершенного 50 лет назад? Могут ли они спокойно спать, держа в руках нож, топор? Не ощущают ли на своих руках тёплой тогда крови своих жертв?

В малайском языке есть слово «амоку», которое означает вид сумасшествия — охватывающее человека желание убивать. Причины «амока» до сих пор не исследованы. А вот «амок» исполнителей директив ОУН—УПА был вызван исключительно влиянием преступной пропаганды, преступной идеологии ОУН. Всё это вытекало ещё со времён УВО».

Что касается «еврейского вопроса», то у оуновцев он был не таким уж и однозначным. Например, чисто по прагматичным причинам они иногда принимали к себе евреев. Но только тех, кто представлял для них ценность как специалист. Таковыми считались прежде всего врачи. А остальные их не интересовали.

Так в отчёте референта Службы безопасности ОУН чётко указывалось: «Ранее СБ издала приказ — всех жидов

неспециалистов конспиративно уничтожить, чтобы жида и даже наши люди не знали, а пускали пропаганду, что ушёл к большевикам».

Как пишет А. Дюков, «таким образом, евреи специалисты тайно уничтожались практически сразу. Специалисты жили дольше, но при приближении Красной Армии их также убивали».

Далее историк приводит и такие факты: «В пропагандистских целях на состоявшемся в августе 1943 года III Чрезвычайном Великом съезде ОУН (б) был принят тезис о равноправии всех проживающих на Украине национальностей, в том числе и евреев. Это постановление было широко использовано бандеровской пропагандой, оставаясь, впрочем, довольно далёким от реальности. Фактически было прекращено преследование лишь тех евреев, которых использовали в УПА в качестве ценных специалистов...

Скрывавшиеся в лесах беглецы из гетто уничтожались по-прежнему, равно как и поляки. Вступавшие в УПА евреи, не располагавшие «полезной специальностью», в соответствии с директивой командования тайно уничтожались СБ ОУН. Незадолго до прихода на Западную Украину войск Красной Армии СБ ОУН были ликвидированы служившие в УПА евреи специалисты, бывшие советские военнопленные и украинцы-«восточники». Также были уничтожены вместе с жителями находившиеся под контролем УПА еврейские семейные лагеря.

Руководство ОУН окончательно отказалось от проведения антиеврейской политики лишь в 1944 году. Это было сделано по вполне прагматичным причинам: наличие в программе ОУН (б) антиеврейских положений означало невозможность найти поддержку на Западе и реальную возможность потерять поддержку отрицательно настроенного к нацистам населения Западной Украины. В то же время «ев-

рейский вопрос» на Украине больше не существовал — он был радикально решён во время нацистской оккупации».

Благодаря изданной Еврейским советом Украины «Энциклопедии холокоста» (Еврейская энциклопедия Украины) историки А.А. Войцеховский и Г.С. Ткаченко получили возможность конкретизировать представление о масштабах трагедии, выпавшей на долю еврейского народа в результате нацистско-оуновского геноцида. Вот что они пишут: «Сухие статистические данные свидетельствуют, что из 2 млн 700 тысяч евреев, проживавших на территории Украины до войны, оккупантами уничтожены примерно 1 млн 550 тысяч человек, включая 50 тысяч из других государств (Молдовы, Венгрии, Румынии). Примерно треть всех жертв приходится на 1941 год, половина — на 1942 год. В 1941 году наибольшее количество жертв приходится на сентябрь — около 143 тысяч. Летом были убиты 95 тысяч, в октябре — около 120 тысяч, в ноябре — свыше 60 тысяч, в декабре — 100 тысяч евреев. В 1942 году наибольшее количество жертв приходится на август (около 175 тысяч) и на сентябрь (свыше 120 тысяч). В 1941 году оккупанты истребляли ежемесячно 85 тысяч евреев, или более 2 тысяч 600 человек ежедневно, в 1942 году — соответственно, 64,5 тысячи и свыше 2 тысяч. Подавляющее число евреев было уничтожено на территории Украины, более 20 % (около 340 тысяч) вывезены и уничтожены на территории Польши. Более 70 % из них были уничтожены путём расстрела, 22—23 % — путём отравления газом, а примерно 5 % (в основном, в румынской зоне) умерли в гетто и лагерях от голода и болезней.

Иными словами, пятую часть от общего числа людей, погибших на территории Украины за годы войны (5 млн 300 тысяч) одну пятую составляют лица еврейской национальности. Эта цифра намного превосходит отношение

численности еврейского населения к числу всех граждан Украины. А это значит, что еврейский народ заплатил за оккупацию Украины наибольшим числом жертв по сравнению с другими народами, воевавшими против фашизма в составе антигитлеровской коалиции... Самое большое количество жертв нацистско-оуновского холокоста приходится на западные области Украины — 977 тысяч человек (Львовская область — 260 тысяч, Закарпатская — 125 тысяч, Дрогобычская — 120 тысяч, Тернопольская — 125 тысяч, Черновицкая — 102 тысячи). Объясняется это прежде всего тем, что в этих областях действовали украинские националисты, осуществляющие под контролем гитлеровцев вылавливание и уничтожение евреев».

Один из мифов националистов убедительно говорит о том, что УПА опиралась исключительно на народную поддержку. А именно на поддержку украинских селян Волыни. Но из рассекреченных документов Центрального архива ФСБ РФ можно сделать совершенно другой вывод.

«Проживая на оккупированной территории, вращаясь среди националистов и участников УПА и исходя из личных наблюдений, я могу высказать своё мнение, что в УПА 60 %, а то и больше, находятся мобилизованные, которые при удобном случае из УПА уйдут, — покажет на допросе Кутковец И.Т. — Мобилизация в УПА происходила следующим образом.

Находящийся в селе войсковик выделял из села по несколько человек для службы в УПА, преимущественно из лиц, служивших в Красной Армии или в польской и эти лица повесткой вызывались в определённое место на сборный пункт.

Лиц, которые не являлись на сборный пункт, их СБ вылавливало и избивало шомполами. Неявившийся на сборный пункт получал в наказание 50 ударов шомполом.

Дезертиров из УПА избивали шомполами и отправляли в концентрационные лагеря, а более злостных — физически уничтожали.

Из-за экономии патронов их душили, т.н. путом (петлёй, сделанной из верёвки).

Крестьянина, который отказывался выполнить гужевое или какое либо другое обязательство, наказывали 25 шомпольными ударами.

В Гощанском районе нет ни одного села, где бы не было битых шомполами. В каждом селе 15—20 человек подвергались шомпольным наказаниям.

Житель села Чудница Гощанского района Шелодько Максим, за невыполнение ряда обязательств был приговорён к 115 ударам шомполов. Этот старик сбежал из села. При встрече со мной Шелодько стал мне говорить: «Где бы найти власть и попросить, чтобы 115 шомпольных ударов разложить на свою семью, пусть немного дадут жене, дочке, сыну, ну и мне 50, но всех я не выдержу» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 818).

Как подчёркивает В. Полищук, «украинские селяне не могли добровольно поддерживать силу (ОУН Бандеры), которая насильно забирала от них (кроме немецких контингентов) не только зерно, но и скот (за исключением одной коровы), свиней (за исключением поросят), одежду — кофухи, жупаны, штаны, бельё и т.д., а кроме того, гнала людей на «шарварки» — повинности, которая силой и террором забирала в УПА не только мужчин и юношей, но и девушек. Тут кое-что интересное: ни один из источников не вспоминает о «полевых жёнах» командиров ОУН—УПА, которых они себе подбирали в украинских сёлах, об этом сказал автору этой критики бывший «политвоспитатель» в УПА, после войны житель Торонто, Александр Степанюк в десятичасовом интервью. Следует не знать психику укра-

инского (и не только украинского) селянина-труженика, который тяжёлым трудом добывал приобретённое им, чтоб говорить о поддержке политической силы, которой была ОУН Бандеры».

Ещё один миф, пытающийся закрепиться в истории, касается стычек бандеровцев с подразделениями немецкой армии.

Например, В. Марченко утверждает: «ОУН—УПА в конце 1942 года обращалась к советским партизанам с предложением о координации боевых действий против немцев, но договориться не удалось. Неприязненные отношения перешли в вооружённые стычки. А уже в октябре и ноябре 1943 года, например, УПА провела 47 боёв с немецкими войсками и 54 с советскими партизанами».

У А. Кроткова всё гораздо значительнее: «В мае немцы начали масштабные наступательные операции против УПА. Против повстанцев были брошены мотопехота, артиллерия и танки. Однако активность УПА только возрастала: 295 атак на немецкие опорные пункты в июле 1943-го, 391 — в августе. На Волыни УПА была разбита карательная бригада вермахта: потери немцев — 3000 убитыми, потери повстанцев — 1200 убитых».

Критикуя «Отчёт рабочей группы историков при Правительственной комиссии по изучению ОУН—УПА...» В. Полищук касается и этого вопроса: «Не знает, или не хочет знать С. Кульчицкий таких архивных документов, как ДАРО: ф. Р-30, оп. 2, спр. 33, л. 124, в котором шифром описана договорённость между немцами и ОУН—УПА? Доказательств на сотрудничество ОУН—УПА с немцами, от 19 декабря 1943 года начиная, в архивах есть предостаточно, эти факты неопровержимы, и не нужно «ведущему историку» С. Кульчицкому приуменьшать проблему, написав, что переговоры имели характер обнаружения намере-

ний и закончились безрезультатно. В конце концов, в другом разделе (в 12-м) сам С. Кульчицкий пишет, что в этих условиях отделы ОУН—УПА и боевики ОУН (б) активизировали контакты с подразделениями вермахта. Как и раньше, военное снаряжение и оружие обменивались на разведывательные данные. Но в обмене случились качественные изменения. Когда УПА пребывала в их тылу, немцы предоставляли вооружение в ограниченных количествах. Когда УПА оказалась в советском тылу, немцы проявили готовность давать оружие в каком угодно количестве и даже без компенсации. Были налаженные воздушные мосты, которыми самолёты люфтваффе перебрасывали украинским повстанцам военное снаряжение и оружие».

Давая правовую и политическую оценку ОУН—УПА, В. Полищук пишет: «УПА, которая насчитывала максимум 40 000 «воjak», была не в состоянии вести борьбу против немецкого вермахта. Её врагами были советские партизаны и польское население. ОУН—УПА узурпировала право осуществлять государственную власть на основании «Акта 30 июня». В 1943 году почти вся сельская территории Волыни была захвачена ОУН—УПА. Немцы брали «дань» с крестьян, брали её и ОУН—УПА, и советские партизаны также брали продукты у крестьян Волыни. Таким образом, шло соперничество в установлении контроля за сельскими территориями, чтобы с сёл можно было брать «дань». На этом фоне доходило до стычек УПА с немецкой администрацией — жандармерией, немецкой полицией; были случаи нападений УПА на администрируемые немцами усадьбы, склады товаров с целью добыть необходимые товары, продукты. Также имели место стычки с советскими партизанами, в частности, когда они рейдами проходили Западную Украину. Это были исключительно стычки за владение определённой территорией. С вермахтом УПА не начинала

боёв, не проводила против него ни диверсий, ни акций саботажа, только иногда, когда немцы направляли карательные отряды для зачисток территории, с которой надо было взять «дань» и взять людей в Германию, УПА отбивалась от них. Сказанное подтверждает даже изданное на Западе описание ОУН Бандеры.

Утверждения пропаганды ОУН про одновременную борьбу УПА на два фронта — против немцев и против большевиков — нелогичны. Эти две мощные силы боролись между собой, то есть побеждая одну силу, УПА объективно помогала б другой силе.

Главным «фронтом» борьбы ОУН—УПА было «устранение», то есть массовые убийства польского гражданского населения, в том числе стариков, женщин, детей, младенцев, за что ОУН—УПА несёт ответственность перед польским и украинским народами».

И всё-таки о чём говорят немецкие документы?

Например, Военно-историческое научно-исследовательское управление в Потсдаме на этот вопрос ответило следующим образом: «Фактов о потерях вермахта, нанесённых подпольной группой УПА на Западной Украине, не имеется. Приблизительно летом 1943 года было несколько нападений на тыловые сооружения, вследствие которых были убиты несколько немецких военнослужащих и взято в плен, в большинстве случаев пленные были отпущены» (Воевала ли УПА с немцами. Немецкие документы. Наша Украина).

Применительно к этому ответу обратимся к одному достаточно объёмному документу. О чём говорит он?

«(Vfh. H. Geb. Sud)

Национал-украинское бандитское движение, 17.07.1943

[...] Налёты и нападения происходят уже и в том числе в районах дислокации войск. Хозяйственные объекты си-

стематически грабят, угоняется скот, опустошаются продовольственные склады. Налёт на строительную фирму и уничтожение молочной фермы в последние дни можно также записать на счёт национал-украинских бандитов.

[...]

До февраля налёты служили лишь целям собственного снабжения. Бои с советскими бандами происходили часто, нападения на немецкие соединения были редки... В середине февраля налёты для пополнения запасов оружия и продовольствия участились. Целью налётов на тюрьмы в Кременце и Дубно было освобождение активистов движения...

В марте единичные до того нападения на польские поселения в районах Сарны и Костополя приобрели гораздо больший размах... Многочисленными налётами на посты жандармерии и коммунальные предприятия командовали дезертировавшие шуцманы.

В апреле в районе Людвиополя обстановка была стабилизирована, зато участились нападения на дороги и жандармские посты к югу.

В мае активность банд ещё более возросла, что видно из нижеследующих цифр.

В марте число серьёзных нападений на госхозы и коммунальные предприятия в пяти районах — Любомль, Владимир-Волинский, Горохов, Дубно и Кременец равнялось 8, в апреле — 57, в мае — 70. Особенно чувствительны были уничтожение важных лесопилок, сожжение многочисленных хозобъектов и налёты на железную дорогу. Нападения на польские поселения приняли в этом месяце такие формы, что жители поселений, ещё не подвергшихся нападению, тысячами покидали деревни и шли в города, где добровольно вербовались на работы в Рейх.

В июне, если не считать района Костополя, где были использованы силы противодействия, активность банд ещё

более возросла. В Шепетовке крупная банда уничтожила довольно неплохо охранявшийся военный склад. Горохов и Острог окружены бандитскими группировками. Нацеленные нападения на ратуши и церкви для уничтожения метрических книг, а также транспорт, перевозящий отобранное для трудовой повинности население, доказывают, что действия координируются из единого центра [...]

Общее руководство национально-украинскими бандами, вне всяких сомнений, в руках бандеровцев. Прежнее предположение, что руководство бандами возьмёт на себя Боровец, не подтвердилось. Различное отношение отдельных отрядов к советским бандам и немецким подразделениям показывает, что у главарей банд нет единства по этому вопросу. Зато они едины как в попытках с помощью налётов на хозяйственные объекты и центры водо- и энергоснабжения парализовать немецкую военную экономику, так и в глубокой ненависти к польскому населению. [...]

До марта между советскими и национально-украинскими бандами не раз проходили вооружённые столкновения. Серьёзные бои состоялись в апреле между бандой Боровца и советскими бандами в районе Людвиполя... Бои с советскими бандами продолжаются в этом районе по сей день... В районе Горохова, напротив, нац. укр. банды снабжаются оружием с помощью советской авиации. [...]

До апреля нападения на немецкие соединения были единичны. Случаев, в которых немецкие солдаты или полицейские были бы изувечены, зафиксировано не было. В дальнейшем отношение к немцам ухудшилось, и сейчас зверства многих национальных банд уже не сильно отличаются от зверств советских банд. В отдельных случаях, однако, бандиты намеренно берегут жизни немцев. Так охрану военного склада в Шепетовке держали под прицелом лишь до тех пор, пока склад не сгорел. Предводитель нападав-

ших подчеркнул, что не воюет с отдельными солдатами, а хочет лишь затруднить снабжение фронта. В другом недавнем случае два немецких солдата, попавшие в плен, были отпущены на волю, в то время как захваченных вместе с ними казаков расстреляли. Известен и случай, когда тяжело раненый немецкий солдат по приказанию бандитов был доставлен в лазарет, так как главарь бандитов сказал, что они фронтовые товарищи, а его банда сражается лишь против администрации и полиции».

Отвечая на данный вопрос, профессор А. Чайковский оперирует несколькими цифрами: «Были единичные наскоки, в основном, с целью перехвата немецкого провианта. Ну, зашибут кого-нибудь ненароком, не без того, но не больше. На недавние запросы в Германии никаких официальных данных о потерях гитлеровцев в боях с УПА предоставлено не было. По моим же данным, число погибших немцев и их пособников от рук УПА составило три-четыре тысячи человек. Собственные потери оуновцев в годы войны — примерно та же цифра. И это при 100-тысячной УПА!

Зато в уничтожении крестьян бандеровцы преуспели даже похлеще, чем в Белоруссии. Счёт шёл на десятки тысяч. Эту практику они продолжили и после войны. Даже СБУ в своей официальной справке ссылается на советские архивные документы, из которых следует, что за 1944—1953 годы участники ОУН—УПА совершили 4907 террористических актов, более тысячи нападений и поджогов колхозов, совхозов, сельсоветов, клубов и т.п.»

И ещё, в одной из докладных записок от 22 июля 1944 г. Хрущёву докладывали: «Украинские националисты не пустили под откос ни одного немецкого эшелона, не убили ни одного немца, не считая случаев уничтожения отдельных полицейав».

Вот, собственно, и весь ответ.

Глава 10

ДОЖДАТЬСЯ ВЗРЫВА «ЧУМЫ»

Подходил к концу 1944 год. Степан Бандера продолжал свободно передвигаться по лагерю в гражданской одежде. Всё так же получал посылки от родственников и денежную помощь от единомышленников. Никаких изменений не произошло и в плане «конспиративных» встреч со связными, когда Бандера просто покидал пределы лагеря.

Такое заключение иначе чем «почётной изоляцией» не назовёшь. Но именно так всё и было. Например, Мирослава Бердник по этому поводу пишет: «Не странно ли: руководитель и верхушка ОУН (б) пребывают в заключении, а рядом в замке Фринденталь гитлеровцы готовят для неё новые кадры!.. Инструктором в этой школе был недавний офицер специального батальона абвера «Нахтигаль» Ю. Лопатинский, через которого и происходила связь Бандеры с ОУН—УПА».

А в декабре, когда дела Третьего рейха совсем стали плохи, Главное управление имперской безопасности освободило из заключения Степана Бандеру, который получил под Берлином дачу от отдела 4-Д гестапо. Бандера с того времени находился под персональным надзором и работал по указанию вновь назначенного начальника отдела 4-Д оберштумбаннфюрера Вольфа. Но прежде его пригласил на беседу сам рейхсфюрер СС Гиммлер, который сказал вежливо, но как на духу: «Необходимость вашего вынуж-

денного пребывания под мнимым арестом, вызванная обстоятельствами, временем и интересами дела, отпала».

Как утверждает А. Чайковский, «история не сохранила других подробностей, но, возможно, перед Бандерой извинились за смерть трёх его братьев. Самый младший погиб, предположительно, в 1943 году. Ещё двое — в концлагере Освенцим. По некоторым данным, туда их поместили в ответ на одно из писем Бандеры, которое возмутило гитлеровцев очередной попыткой шантажа. Очевидно, Бандера всё простил, потому что принял участие в фуршете, который гестапо устроило в его честь».

В 1945 году военнопленный лейтенант Зигфрид Мюллер (бывший сотрудник германской разведки) на допросе про Бандеру и подготовку оуновцев расскажет следующее: «В том же месяце Степан Бандера прибыл в распоряжение абверкоманды-202 в г. Краков и лично инструктировал Данылива, а также подготовленную нами агентуру, направляемую для связи в штаб УПА. Таким образом, диверсионная работа, которую проводили в тылу Красной Армии украинские националисты, была санкционирована Степаном Бандерой и проводилась под руководством немецкой разведки...

По случаю приезда Бандеры в абверкоманду-202 капитан Кирн устроил банкет на вилле нашей команды, которая находилась по Гартенштрассе, 1 (возле краковского стадиона), на котором выступали с речами Бандера, капитан Кирн и профессор Данылив. Там я познакомился с Бандерой, а потом через несколько дней встретился с ним уже на деловой почве. 27 декабря 1944 года я подготовил группу диверсантов для переброски её в тыл Красной Армии со специальным заданием. Эта группа состояла из трёх украинских националистов — Лопатинского, Демеда и одного радиста, фамилии которого не помню. Степан Бандера в моём при-

сутствии лично инструктировал этих агентов и передал через них в штаб УПА приказ об активизации подрывной работы в тылу Красной Армии и налаживании регулярной радиосвязи с абверкомандой-202. Я был представлен группе как офицер абверкоманды-202, назначенный на должность офицера связи в штаб УПА с тем, чтобы, когда я прибуду в штаб УПА, они смогли меня узнать как представителя абверкоманды-202. Вся группа Лопатинского, переброшенная мною в тыл Красной Армии немецким самолётом с краковского аэродрома в район г. Львова, имела при себе для передачи в штаб УПА один миллион рублей, медикаменты, обмундирование, взрывчатку и рацию...

Радиосвязь абверкоманды-202 со штабом УПА существовала ещё с октября 1944 года, но эта связь осуществлялась с помощью сороковаттной радиостанции с позывными «Вера». Считая рацию в 40 ватт весьма мощной, что могло привести к прослушиванию на большом расстоянии и его расшифровке, мы послали с группой Лопатинского трёхваттную станцию, которая бы могла безопасно действовать продолжительное время. Насколько мне известно, группа Лопатинского в штаб УПА не прибыла, и мы считали, что она при посадке ликвидирована контрразведкой Красной Армии...

Из пяти диверсионных школ, имевшихся в распоряжении абверкоманды-202, одна, руководимая мною школа «Мольтке» вплоть до апреля 1945 года готовила кадры диверсантов исключительно из числа украинских националистов. Вербовку диверсантов проводили сотрудники профессора Данылива с офицерами абверкоманды-202. Кроме того, абверотряд-206, который входил в состав абверкоманды-202, имел непосредственную связь через линию фронта с повстанческими отрядами УПА в Карпатских горах. Из этих отрядов мы черпали диверсионную агентуру, обучали

её в своих краткосрочных школах, а потом использовали для диверсионной работы в тылу Красной Армии. (...)

В начале апреля 1945 года Бандера имел указание Главного управления имперской безопасности всех украинских националистов в районе Берлина и оборонять город от наступающих частей Красной Армии. Бандера создал отряды украинских националистов, которые действовали в составе фольксштурма, а сам бежал. Он покинул дачу отдела 4-Д и бежал в г. Веймар. Бурлай мне рассказывал, что Бандера договорился с Даныливым о совместном переходе на сторону американцев...» (ЦДА ВОВ. Ф. 57. Оп. 4. Д. 338).

Однако до весны был ещё один побег. Зимой 1945-го Бандера, находясь в Кракове, оказался в тылу Красной Армии. «Город вот-вот должен был пасть, и Бандера мог оказаться в руках Смерша, а в этой организации шутить не любят. О том, как дорожил им Гитлер, говорит тот факт, что спасти Бандеру и вывезти его в пределы рейха фюрер поручил одному из самых ценных разведчиков и диверсантов Отто Скорцени», — отмечает Б. Сопельняк.

То есть, координируя заброску диверсионных групп в распоряжение УПА, Бандера находился в Кракове. Но до тех пор, пока советские войска не окружили этого города. И вот тут было принято решение о спасении Степана Бандеры.

Сам главный диверсант Гитлера в своих воспоминаниях оставит об этом всего несколько строк: «Это был трудный рейс. Я вёл Бандеру по радиомаякам, оставленным в Чехословакии и Австрии, в тылу советских войск. Бандера был нам нужен. Мы ему верили. Гитлер приказал мне спасти его, доставив в рейх для продолжения работы. Я выполнил это задание».

Кроме этого вопроса, Бандера участвовал в переговорах с немцами по вопросу образования Украинского нацио-

нального комитета (УНК). Вроде бы 12 января 1945 года он был создан. Но фашистская Германия уже стояла на грани катастрофы, и очень скоро стало не до комитетов. То есть дальше следовало позаботиться об Организации да и о себе... Что, собственно, и сделал Вождь ОУН.

Как раз таки весной 45-го Бандера и его соратники принимают меры к установлению связи с командованием англо-американских войск.

Всё тот же Зигфрид Мюллер на допросе показал: «Данылив и Бурлай имели указание штаба УПА, чтобы перейти через линию фронта к англо-американским войскам, проинформировать их о желании украинских националистов контактировать свою подрывную деятельность на территории Украины с командованием англо-американских войск. Часть группы должна была сопровождать Бурлая к американцам. Данылив намеревался бежать к союзникам вместе с Бандерой. Зная, что я владею английским и французским языками, Бурлай предлагал мне присоединиться к его группе и вместе перейти к американцам» (ЦДА ВОВ. Ф. 57. Оп. 4. Д. 338).

Как утверждает профессор Е.Ф. Безродный, «поселившись в американской и английской зонах Германии, бандеровцы не подвергались никаким преследованиям. Так, например, в Баварии было более 80 лагерей, в которых прятались от справедливого наказания каратели и кадровые оуновцы, бежавшие из Украины. Они скоро нашли общий язык с англо-американскими органами разведки. Благодаря этому уже 31 октября 1945 г. в городе Ашаффенбурге с согласия Главного штаба американской армии было создано Центральное представительство украинской эмиграции в Германии, которое осуществляло контакты с украинскими националистическими организациями в США и Канаде».

Сам же Бандера до 1948 г. прятался в Берлине, Инсбруке, Зеенфельде, Гильдегате, затем, с 1954-го по 1959 г., в Мюнхене.

Но это всё будет потом, а пока стоит вернуться на Украину в её западные области.

Раскрытие сущности УПА невозможно без указания званий и должностей её командиров.

Доктор исторических наук, профессор Поддубный приводит такие данные: «Капитан абвера Роман Шухевич (Чупринка), награждён двумя крестами и медалью гитлеровской Германии; капитан абвера Василь Сидор (Шелест) — командир роты 201-го батальона шуцманшафт, затем командир УПА «Запад», награждён немецким крестом; старший лейтенант абвера Д. Клячківський (Клим Савур); капитан абвера И. Гриньох (Герасимовский, Данилив) — организатор и член Главного штаба УПА, отвечал за связь УПА с абвером и гестапо, бывший капеллан бандеровского батальона «Нахтигаль», капеллан 201-го батальона шуцманшафт, главный капеллан 14-й Ваффен СС дивизии «Галичина», кавалер двух немецких крестов; старший лейтенант абвера А. Луцкий (Богун) — бывший командир взвода 201-го батальона шуцманшафт, командир УНС (галицийский вариант УПА), с начала 1944 года зам. командира УПА; капитан абвера В. Павлюк (Ирко) — командир роты 201-го батальона шуцманшафт, куренной УПА на Ивано-Франковщине, затем районный проводник ОУН на Львовщине; старший лейтенант абвера Ю. Лопатинский (Калина) — член Центрального провода ОУН и Главного штаба ОУН, активный участник кровавых преступлений нахтигалецев во Львове (июнь 1941 г.); капитан (гауптштурмфюрер) Ваффен СС П. Мельник (Хмара) — командир роты дивизии СС «Галичина», куренной УПА».

С 20 января 1944 года состоялись первые переговоры представителей ОУН (б) УПА с германским командованием (*Ляпчев А.* Бандера и бандеровщина: попытка честного исследования).

А в начале марта этого года, по воспоминаниям начальника охранного батальона 13-й немецкой армии Клауса Нейгауза, поступил конкретный приказ: «В целях активизации борьбы с советскими партизанами заключён договор с оуновцами о совместной борьбе...» (*Скворцов Д.* УПА против немцев не воевала!)

Уже в марте—апреле 1944 г. в результате достигнутых договорённостей начальник 2-го отдела штаба оккупационных войск Генерал-губернаторства гауптман Юзеф Лазарек «лично через своего подчинённого лейтенанта Винтерссена направил из Львова в Чёрный лес три раза по две грузовые машины с оружием (всего 15 тонн), включая 700—800 винтовок и 50 пулемётов. Одновременно указания о снабжении УПА оружием получали также 1-я бронетанковая и 17-я армия. Задача эта выполнялась систематически».

Сами же оуновцы более чем серьёзно относились к таким мероприятиям. Например, член провода ОУН Грыньох, обращаясь к немцам, просил об одном: «Доставка оружия и диверсионных средств с немецкой стороны через линию фронта для подразделений УПА должна проводиться по правилам конспирации, чтобы не дать большевикам в руки никаких доказательств относительно украинцев — союзников немцев или немецких агентов, которые остались за линией фронта».

Д. Скворцов: «...полковник СС Шифельд сообщает о переговорах с Климом Савуром 26 января 1944 г., в ходе которых последний «обязался сообщать немцам известную УПА информацию о советских партизанах и подразделениях Красной Армии и помогать уничтожать их». Взамен не-

мецкая сторона обязалась обеспечить УПА оружием и боеприпасами и взять на себя финансирование разведки УПА. В знак расположения Шифельд подарил Климу Савуру полный комплект ээсовского обмундирования, пистолет-пулемёт и офицерский кортик с серебряной рукояткой. Для его подчинённых немцы тут же передали 80 автоматов и 132 винтовки чешского производства с патронами к ним, а также «приняли заявку» на поставку 20 полевых и 10 зенитных орудий, 500 советских автоматов, 10 тыс. гранат и 250 тыс. штук автоматных патронов.

По свидетельству Шифельда подобные переговоры с немцами велись и другими руководителями УПА. Всего, только по сохранившимся материалам, УПА было передано более 700 миномётов, 10 тыс. пулемётов, 100 тыс. ручных гранат, 80 тыс. мин и снарядов, 12 млн патронов, 300 полевых радиостанций, 100 портативных типографий. Кроме того, было выделено необходимое количество военных инструкторов и специалистов по проведению разведки, организации диверсий и поддержанию связи между союзниками».

Всё это вооружение пригодилось УПА, в основном, в конце 1943 — начале 1944 г., с приближением советских войск к районам их действий. Когда отдельные отряды УПА оказывали им вооружённое сопротивление совместно с немецкими войсками, а именно частям 13-й и 60-й армий 1-го Украинского фронта. Оуновцы собирали разведывательную информацию о резервах и передвижении советских войск и передавали её немцам. Они же нападали на мелкие тыловые подразделения и отдельных военнослужащих Красной Армии. Словом, вредили, как могли, в то время когда та же Красная Армия готовилась к решающим схваткам с фашизмом.

Как сообщается в «Википедии» про УПА, «наиболее активно в этот период действовали отряды УПА-Север

в Ровенской и Волынской областях (в полосе действий 13-й армии). Только с января по февраль 1944 г. в Ровенской области было зарегистрировано 154 нападения на подразделения и отдельных военнослужащих Красной Армии, в результате чего было убито 439 советских военнослужащих. В ряде случаев убийства совершались с особой жестокостью. Всего же с 7 января по 2 марта 1944 г. в полосе действий 13-й армии было зарегистрировано до 200 нападений отрядов УПА на небольшие колонны с военным имуществом и небольшие группы красноармейцев. В результате одного из таких нападений получил ранение в бедро и позже скончался командующий 1-м Украинским фронтом генерал Ватутин. Отчёты о действиях ОУН—УПА выглядели так: «5.2.1944 банда напала на разъезд Стешельск. Убит сержант железнодорожной бригады Красной Армии, бандиты забрали в лес 9 девушек — военнослужащих КА. В 1944 г. на Ровенщине был подорван санитарный поезд, 40 медсестёр были уведены в лес. В с. Ивановцы на Станиславщине сотня УПА «Спартана» расстреляла 30 солдат-железнодорожников». Этой тактики УПА придерживалась до марта 1944 г. В апреле — мае 1944 г. характер её действий резко изменился. Причиной этого стала подготовка войск 1-го Украинского фронта к наступлению против немецких войск. Руководство ОУН дало указание командующему «Южной группой» УПА («Заграва-Туров») Энею сорвать эту подготовку — вывести из строя основные железнодорожные и шоссейные дороги, не допустить их восстановления и приступить к активным действиям против Красной Армии».

Подтверждает это и Г.З. Санников, участник войсковых операций по ликвидации диверсионно-террористических групп. В частности, в своей книге «Большая охота» он пишет: «После освобождения Красной Армией территории

Западной Украины УПА пыталась действовать большими формированиями и провела несколько масштабных, на уровне войсковых, операций против частей Красной Армии и войск НКВД, пытаясь прорваться из блокированных советскими войсками районов. В первом же бою, продолжавшемся несколько дней, повстанцы были разгромлены. Последовавшие за этим несколько столкновений продемонстрировали неспособность отрядов УПА вести бой с регулярными войсковыми частями. ОУН—УПА приняли решение перейти на методы партизанской войны, сократив отряды до незначительных размеров (от 10 до 50 человек), которые могли быть срочно сведены до нужного числа боевиков. Однако в глухих лесных массивах всё ещё сохранились значительные силы УПА, базы снабжения».

И ещё один маленький штрих к этому: «В ходе столкновений подразделения УПА-Юг понесли значительные потери, в связи с чем ГК (Головна команда) УПА расформировала УПА-Юг и включила уцелевшие части в состав УПА-Запад и УПА-Север, а также сменила тактику — «...не проявлять никакой активности, с войсками в столкновения не вступать, сохранять и продолжать готовить кадры, создавать диверсионно-террористические группы для последующей борьбы с советской властью» («Википедия»).

Отсидевшись в подполье, бандеровцы вновь возобновляют активные действия в июле—августе 1944 года. То есть только после того, как части Красной Армии уходят на Запад, покидая территорию западных областей.

Украинский историк С. Ткаченко, автор книги «Повстанческая армия. Тактика борьбы», на этот счёт имеет своё мнение: «Активные антиповстанческие действия Красной Армии начались вскоре после покушения на генерала Н. Ватутина, произошедшего 29 февраля 1944 г. Для борьбы с повстанцами в марте того же года 1-й Украинский

фронт выделил одну кавалерийскую дивизию, усиленную 20 бронев автомобилями и 8 танками. С одной стороны, это был акт мести, а с другой — сугубо практическое мероприятие: армия должна была очистить от опасных элементов свои тылы и коммуникации. Кроме того, к командованию Красной Армии часто обращались с просьбой о выделении войск для борьбы с ОУН—УПА местные партийные и советские органы.

Однако войска регулярной армии всегда малоэффективны в антипартизанских действиях. Не была исключением в этом отношении и РККА. Мероприятия по зачистке районов дислокации УПА обычно проводились без предварительной разведки и без продуманного плана, вследствие чего облавы и прочёсывания не приносили должных результатов. В то же время пропагандистское воздействие ОУН—УПА на красноармейцев было достаточно сильным. Среди них отмечались панические слухи, колоссально преувеличивающие численность повстанческих отрядов, размах и результаты их боевых действий.

В целом, и это хорошо понимало советское военнополитическое руководство, для антипартизанской борьбы необходимы специально обученные войска, имеющие опыт карательных операций. И уже с марта 1944 г. такие войска появились на западноукраинских землях. Это были внутренние войска НКВД. С этого времени берёт начало практика проведения чекистско-армейских операций, в которых совместно с ВВ НКВД активно участвовали боевые части украинских фронтов.

Например, в апреле—мае 1944 г. в северных районах Тернопольской области военные силы повстанцев были уничтожены совместными действиями крупных соединений НКВД и РККА. После неудачных для УПА боёв и насыщения прифронтной полосы советскими войсками

вследствие стабилизации линии фронта, действия повстанцев в этом регионе практически прекратились.

В августе—сентябре 1944 г. войска НКВД вместе с войсками 4-го Украинского фронта провели ряд крупных войсковых операций в Дорогобычской области. В ходе их за период с 18 августа по 9 сентября были убиты 1174 повстанца, ещё 1108 человек взяты в плен, а также задержаны около 6 тысяч лиц, уклоняющихся от мобилизации в Красную Армию».

На сегодняшний день потери Красной Армии (только убитыми и повешенными) в 1944 году от нападений УПА и при подавлении вооружённого сопротивления других националистических и бандитских формирований определяются в 157 офицеров и 1880 солдат и сержантов, ранеными — 74 и 1770, пропавшими без вести и уведёнными в лес — 31 и 402.

С начала 1945 года по 1 мая, соответственно: убито или повешено 33 и 443, пропало без вести 11 и 80 («Википедия»).

При этом, по данным Управления по борьбе с бандитизмом НКВД УССР, на протяжении 1944 года было уничтожено 57 405 и задержано 50 387 участников националистических бандформирований.

То есть уже в 1945 году положение националистов складывалось не самым лучшим образом.

По этому поводу О. Россов пишет: «К началу 1945 года в результате массированных ударов внутренних войск при активной поддержке воинских частей Красной Армии, отделов контрразведки Смерш и пограничных войск НКВД крупные формирования УПА были разгромлены. 26 января 1945 года оперативно-войсковой группой Камень-Каширского райотдела НКГБ и 169-го стрелкового полка ВВ под командованием старшего лейтенанта Савинова

в селе Рудка-Червинская Волынской области был захвачен командир соединения УПА-Север Юрий Стельмашук (Рудый). На допросах Стельмашук откровенно рассказал об ухудшении положения УПА после мощных военных ударов и оперативных мероприятий советской стороны. По его словам, УПА-Север потеряла до 60 % личного состава и около 50 % вооружений...»

«В сложившейся ситуации перед верхушкой ОУН—УПА остро встала задача максимально сберечь свои кадры и дожидаться взрыва «Чумы» — так в документах ОУН зашифровывалось начало вооружённого конфликта между странами Запада и СССР. По этому поводу в документе «Положение ОУН в Карпатском крае» подчёркивалось: «Настроение у нас не очень бодрое, каждую весну ожидаем войну, так как только в войне видим своё спасение».

«5—6 февраля нового, 1945 года в лесу возле местечка Бережаны (Тернопольская обл.) состоялось совещание ведущих функционеров ОУН с участием самого «главнокомандующего» УПА Р. Шухевича, начальника Главного войскового штаба УПА Д. Грицяя, шефа СБ ОУН Н. Арсенича, организационного референта Центрального провода ОУН В. Кука, руководителя Галицкого краевого провода ОУН Р. Кравчука, референта пропаганды Центрального провода ОУН П. Дужого и других членов ЦП. В результате было решено: ликвидировать лишние звенья в структуре управления УПА, расформировать крупные подразделения уровня «курень» и «сотня» и перейти к действиям мелкими подразделениями уровня «чота» — «рой».

В 1945 году сотрудинками НКВД был захвачен Александр Андреевич Луцкий, он же Довбня, Богун, Марко, Беркут. Командир УПА-Запад до сентября 1944 года.

На допросе в Киеве он расскажет про Шухевича много интересного. Может быть, потому, что в результате кон-

фликта с ним был отстранён от командных должностей в ОУН—УПА.

Так, например, он рассказал: «В начале 1943 года после расформирования немцами легионов Шухевич перешёл на нелегальное положение, при моём содействии связался с руководителем Главного провода ОУН Лебедем и до мая 1943 года являлся военным референтом Главного провода ОУН.

В мае 1943 года, воспользовавшись тем, что ряд членов Главного провода ОУН были недовольны Лебедем, и удачно используя эти разногласия, созвал Главный провод ОУН, на котором был избран его руководителем и одновременно взял на себя функции командующего УПА.

Должен сказать, что в последнее время среди ряда членов Главного провода ОУН возникли большие недовольства Шухевичем. Его считают большим интриганом и безынициативным, умеющим удачно улавливать правильные мысли и советы, которые высказываются другими руководителями ОУН, а затем из всего этого выбрать наиболее важное и преподать как своё.

Своего мнения у него нет, и он его прямо никогда не выскажет. Если бы не его заместитель по ОУН Тарас, ему вообще трудно было бы руководить ОУН—УПА.

Все называют Тараса суфлёром Шухевича. Держится Шухевич потому, что в тяжёлых условиях подполья, в которых мы оказались во второй половине 1944 года, члены Главного провода ОУН не решались ставить резко вопрос о Шухевиче.

Особенно настроены против Шухевича лебедь Николай, Грицай — Перебийнис, Петро — Краевой проводник «Галичина», Лемиш, Галина и Сергей.

Мне кажется, что Шухевич не с большим удовлетворением встретит сообщение о том, что Бандера немцами

освобождён, и не с большим желанием пойдёт на встречу с Бандерой, ибо он понимает, что на этом его карьера как руководителя ОУН будет закончена. Мне известно, что Бандера был невысокого мнения о Шухевиче.

Лично я с Шухевичем последний раз виделся в ноябре 1944 года в Бибрском лесу, около гор. Львова, где он слушал мой отчёт о деятельности в Закарпатье и решил меня, Ивана Черноту и Бориса — руководителя Самборского Окружного провода ОУН, предать суду Военного трибунала.

Из близких родственников Шухевича я никого не знаю, мне лишь известно, что немцы в 1943 году арестовали его жену. Впоследствии ей каким-то путём удалось вырваться из тюрьмы, но где она находилась, не знаю. В гор. Львове до последнего времени проживали его родители...» (ГА СБУ. Ф. 5. Спр. 67418. Т-1).

Именно этот человек с 27 января 1944 года возглавил Украинскую повстанческую армию под именем подполковника Тараса Чупрынки. И хотя в официальных документах до конца лета этого года он считался только лишь «исполняющим обязанности командующего», тем не менее пост главкома УПА Шухевич занимал до самой своей гибели.

Он родился в июле 1907 года в Галиции в семье гражданского судьи. К 1920 году по месту жительства в г. Радехов закончил 5 классов гимназии. Затем до 1925 года продолжил обучение во Львовской украинской гимназии. Националистические настроения Шухевича зародились под влиянием общения с самим Коновальцем, который снимал (1921—1922) у его бабушки комнату. В 1925 году Шухевич вступил в УВО, а в 1926 году поступил политехнический институт (г. Данциг), параллельно обучаясь в нелегальной разведшколе УВО.

С 1928-го по 1934 г. он учился на инженерно-строительном факультете Львовского политехнического института, по окончании которого получил диплом инженера.

В сентябре 1926 года Шухевич, будучи референтом УВО, застрелил во Львове Я. Собинского. С этого же года по 1929 г. был задействован в различных антипольских акциях. В 1929 г. стал одним из первых членов ОУН.

В 1930 году Шухевич назначен руководителем боевой референтуры Краеврй эзекутивы ОУН на западноукраинских землях. В этом же году организовывал и руководил антипольскими саботажами. Принимал участие в убийстве посла польского сейма. С 1931-го по 1933 г. был техническим организатором нескольких покушений на польских чиновников и работника советского консульства А. Майлова.

В 1932 году впервые был арестован за связь с нападавшими на почту. В течение нескольких месяцев содержался в тюрьме.

В 1934 году после окончания института работал в строительной фирме, а потом вместе с другими националистами содержал бюро реклам.

В 1934 году арестован во второй раз. С 1935-го по 1937 г. находился в заключении во львовской тюрьме. В 1938 г. в рамках всеобщей амнистии был выпущен и выехал в Германию. В Мюнхене прошёл курс подготовки при военной академии и получил первичный офицерский чин.

После раздела Чехословакии (1938 г.) нелегально перешёл на оккупированную венгерскими войсками Закарпатскую Украину, где участвовал в создании Карпатской сечи, заняв должность начальника штаба.

В 1939 году Шухевич в Кракове, в центре ОУН. Поддержав в борьбе за власть Бандеру, он сразу же вошёл в Революционный провод ОУН. Занимался исключительно организацией подпольной сети и подготовкой вооружённой борьбы на западноукраинских землях.

В созданном Украинском легионе отвечал за политико-идеологическую работу и боевую подготовку. На спе-

циальных курсах для националистов в Кракове Шухевич принимал экзамены, а затем руководил действиями ОУН на приграничных землях Генерал-губернаторства. В 1940 году — руководитель военной референтуры Центрального провода ОУН-Р, затем руководитель Краевого провода ОУН-Р на территории Генерал-губернаторства. Весной 1941 года обучается на высших военных командных курсах для руководителей ОУН-Р, организованных абвером, после чего занимает должность заместителя командира Украинского легиона формируемого в г. Бранденбург.

С 1942 года имел чин капитана (гауптмана). Именно в этом чине он примет участие во вторжении на территорию Украины.

С 1942 года в чине гауптштурмфюрера СС Шухевич занимает должность заместителя командира 201-го охранного батальона.

В 1943 году он вошёл в состав Провода ОУН в качестве референта по военным вопросам, а с 17 по 23 февраля этого же года по его инициативе созывается III конференция ОУН.

13 апреля 1943 года Шухевич занимает должность политического руководителя ОУН, сменив на этом посту Лебеда.

Как это произошло, на следствии покажет всё тот же Луцкий: «...Лебедь Николай, оуновские клички Максим Рубан, Игорь, Ярополк. [...]

Старый член ОУН, работал вместе с Бандерой во львовском Краевом проводе ОУН и являлся одним из ближайших его помощников.

[...] После ареста немцами Бандеры до апреля 1943 года являлся руководителем Главного провода ОУН. В оуновских кругах Лебедь известен как хороший организатор и большой конспиратор. Ряд членов Главного Провода ОУН

были недовольны Лебедем за его политику диктаторства. Он считал, что в условиях глубокого подполья какая-либо демократия в рядах ОУН недопустима, с чем были несогласны другие, в том числе и Шухевич Роман.

Должен сказать, что между Лебедем и Шухевичем были неприязненные отношения ещё раньше. После того, как Шухевич Роман в конце 1942 года возвратился из Белоруссии, где он руководил легионом украинских националистов, я знал эти неприязненные отношения между Шухевичем и Лебедем, пытался их примирить.

Это мне удалось сделать, и Шухевич в начале 1943 года стал военным референтом Главного провода ОУН. Однако это примирение между Лебедем и Шухевичем было временным явлением, ибо Шухевич, воспользовавшись тем, что ряд членов Главного провода ОУН недовольны диктаторской политикой Лебеда, созвал в мае 1943 года заседание Главного провода ОУН, на котором выступил против политики ЛЕБЕДЯ, в результате чего ЛЕБЕДЬ был отстранён от руководства Главным проводом ОУН и его руководителем стал ШУХЕВИЧ Роман.

Мне известно, что Лебедь Николай, как руководитель Главного провода ОУН, был против политики, которую проводил Клим Савур на Волыни, и считал, что созданные Климом Савуром отряды УПА и их действия являются провокационными, так как немцы в ответ на незначительные действия отрядов УПА уничтожали целые селения.

Лебедь Николай был против вооружения ОУН и считал, что не наступила ещё благоприятная ситуация для того, чтобы вооружать ОУН и украинское население для борьбы против немцев, а затем и против Красной Армии.

Лебедь был сторонником глубокой нелегальной, законспирированной работы ОУН. Этим самым он хотел сохра-

нить все кадры ОУН для дальнейшей, более активной борьбы против Красной Армии.

Однако его точка зрения верха не взяла. Шухевич поддержал Клима Савура, и в этом он сумел убедить и Главного провод ОУН.

В связи с этим и было принято решение о смещении Лебеда.

Лебедь после смещения от руководства Главным проводом ОУН некоторое время активной работы не вёл, а затем стал руководителем дипломатической референтуры Главного провода ОУН» (ГА СБУ. Ф. 5, Спр. 67418. Т-1).

Николай (Микола) Лебедь родился в 1908(1909) году в селе Жидачевского уезда. Псевдонимы Чёрт, Скиба, Ярополк. Окончил Львовскую гимназию. С 1925 г. — член УВО, затем ОУН. С 1930 г. — подреферент Юнатства Краевой экзекутивы ОУН. В 1934 году арестован. С 1939 г. — «украинский комендант» немецкой разведшколы в Закопане. Основатель и первый шеф Службы безопасности ОУН. После ареста Бандеры — проводник ОУН (б) на Украине. С 1943 г. референт заграничных связей. В 1944 г. генсекретарь иностранных дел. С 1945 г. — референт СБ Заграничных частей ОУН. С 1946 года в оппозиции. С 1949 г. проживал в США, сотрудничал с ЦРУ. Умер 18 июля 1998 г. в Питтсбурге (США).

Известно, что после войны именно по указанию самого Чупринки множество документов, утверждённых на февральской конференции ОУН (1943 г.), а также на 3-м Великом собрании ОУН будет уничтожено.

Однако скрыть имя главного организатора геноцида поляков и евреев всё-таки не удалось. Им был тот самый Шухевич, или, проще сказать, Чупринка.

«К жидам относиться так же, как к полякам и цыганам: уничтожать беспощадно, никого не жалеть... Беречь вра-

чей, фармацевтов, химиков, медсестёр; содержать их под охраной... Жидов нежелательных использовать для рытья бункеров и укреплений, по окончании работы без огласки ликвидировать...» — говорилось в его приказе.

«В связи с успехами большевиков следует поспешить с ликвидацией поляков, под корень вырезать, чисто польские сёла жечь, села смешанные — только польское население уничтожать. Здания польские жечь только в том случае, если они удалены от украинских зданий не менее чем на 15 метров... За убийство одного украинца поляками или немцами расстрелять 100 поляков», — гласил другой приказ Шухевича.

И это делала та самая армия, которая называлась Украинской Повстанческой Армией, которой руководил гауптштурмфюрер СС, он же Чупринка.

Писатель Ярослав Галан, классик украинской литературы, в 1947 году про эту самую армию писал: «Они превзошли своими зверствами даже немецких садистов — эсэсовцев. Они пытаются наших людей, наших крестьян... Разве мы не знаем, что они режут маленьких детей, разбивают о каменные стены их головки так, что мозг из них вылетает. Страшные, зверские убийства — вот действия этих бешеных волков» (А.А. Поддубный).

Так разве могла такая армия победить какую-либо другую, если основные свои силы затрачивала на геноцид?

Поэтому такой армии только и оставалось дожидаться взрыва «чумы»!

Глава 11

БЕСЕДЫ С КУКОМ

Он жил в обычной «двушке» пятиэтажного панельного дома недалеко от центра Киева, по улице Чудновского в Дарнице. Один из побывавших у него в гостях отметил: «На окнах старомодные занавески с подзорами, книги на полках повествуют об истории Украины».

Василий Степанович Кук — генерал-хорунжий УПА. После смерти Романа Шухевича летом 1950 года занял все его должности: руководителя ОУН (б) на украинских землях, главы Генерального секретариата Украинского главного освободительного совета (УГВР) и главного командира УПА.

«Лемиш — маленького роста, с коротко подстриженными седыми волосами, с лаконичной грамотной речью, в которой чётко улавливалось галичанское произношение, так характерное для жителей Западной Украины, особенно Лемкивщины, Галиции и Волыни... — вспомнит другой из побывавших у него в гостях. — Уютно, чисто, много книг, несколько скромных, небольшого формата картин с украинскими пейзажами, портрет Кобзаря, обрамлённый, как это всегда было принято в большинстве украинских семей, вышитым украинским рушником, к которому было прикреплено нечто, очень красиво смотрящееся в виде золотого креста со скрещёнными мечами на голубой ленте».

Он же Лемиш, он же Коваль и Василь Кук...

Янина Соколовская, по-моему, одна из первых взяла у него интервью.

«— Вы и сейчас можете бомбу сделать?»

— Не вижу ничего сложного. Этот рецепт применим и в нынешней жизни.

И Василь Кук подробнейшим образом описал, как смастерить взрывчатку из вполне доступных смесей...

В 1954 году Кука всё же арестовал КГБ. «Я был в подполье, хорошо маскировался, взял себе имя — Юрко Медведь, — говорит Кук. — Это потому, что долго жил в лесах, а медведи в нём — самые культурные зверята. Меня взяли вместе с женой Ульяной, когда мы переходили с одной конспиративной точки на другую. Сначала меня перевезли во Львов, потом в Киев, а затем и в Москву. Сидел в «одиночке», со мной всё время беседовал кто-то из «комитетчиков». Один из них предложил написать письмо в Москву: мол, 6 лет сижу без приговора, определитесь, что со мной делать».

Националиста Медведя-Кука помиловали. Его поселили в Киеве с жёстким приказом далеко от квартиры не отлучаться.

— Я мог 100 раз умереть, но всё ещё живу. Недавно узнал, что все 6 лет моей отсидки органы отправляли от моего имени за границу, в ООН, отчёты и агентуру.

Василь листает старые альбомы. «Вот мои «лесные братья» — всех убили, вот родители — из-за меня отсидели 10 лет. Вот жена — умерла». Ушли все его соратники и противники, а он жив, читает без очков.

— У нас не было расовой ненависти. Меня часто спрашивали: «Вы против фашистов воевали?» — Воевали. — «И с поляками боролись?» — Боролись. И с коммунистами тоже. Но мы не резали местного населения. Мы нападали на вооружённые отряды, которые сжигали украинские сёла.

— О бандеровцах ходит анекдот: они скорее возьмут в семью негра, только чтобы знать, что это «не жид и не москаль»...

— Украинец — это тот, кто искренне хочет быть с украинцами, каких бы он ни был рода и веры. Негры в УПА не числились, а евреев было много. Они у нас врачами работали.

Мы объявили лозунг «Воля народам — воля человеку» и придерживались его. На нашу сторону перешли мобилизованные немцами кавказские отряды, в УПА появились армянский и грузинский отделы. Они меня научили «Сулико» по-настоящему петь, — вспоминает Кук. — У нас не было конфликтов с болгарами, румынами, венграми. УПА сотрудничала с их правительствами.

— Когда Степана Бандеру спросили, сколько в УПА бойцов, он ответил: это тайна. Теперь вы можете её раскрыть?

— УПА действовала во всех регионах Украины, дошла до Крыма и Кубани. Отряды были практически в каждом селе, многие из них потеряли связь с центром и работали в одиночку. Пересчитать всех невозможно. Если верить документам, подписанным Берией, только на Западной Украине были арестованы 134 тысячи бандеровцев, убиты 153 тысячи, 500 тысяч репрессированы, 203 тысячи высланы навечно. Но эти цифры неполные. Многие уцелели, продолжали борьбу ещё в 50-е годы. ОУН и УПА существуют до сих пор.

ОУН считают подпольной, её штаб — в Мюнхене, там, где остались основные архивы Бандеры. Мюнхен часто позванивает командиру Василию, книги присылает. На Украине дело ОУН продолжают организации с менее громкими именами. Командир Кук их все прекрасно знает.

Сам же Кук сейчас руководит обществом «Холодный Яр», которое увековечивает память украинских национа-

листов. «Их ряды ширятся и в Верховной раде, мне даже предлагали идти в депутаты, но я уже не хочу».

К власти рвутся и боевики УНСО — одиозной народной самообороны, воевавшей в Приднестровье, Абхазии и Чечне. Кук не воспринимает УНСО всерьёз. «Ей не хватает сильных людей и мощных характеров. У Украины в отличие от России и Польши даже державных традиций нет. Варшава требует возвести во Львове мемориал погибшим польским солдатам, а это люди, убившие на Волыни 30 тысяч украинцев и отправившие 100 тысяч в польские концлагеря. Кучма обнимается с польским президентом Квасьневским, называет его лучшим другом Украины и надеется, что Варшава поможет Киеву попасть в ЕС и НАТО. А в то же время поляки ежедневно пытаются нам доказать: Украина — бывшая польская территория. Рано или поздно Варшава заявит о своих претензиях на нашу землю», — считает Кук.

Василь и его УПА воевали против всех, не имея шансов на победу. Командир Кук, ныне правящий в своей бетонной хрущёвке, любит рассказывать о бандеровских схронах, лесных подземных городах, где десятилетиями скрывались бойцы УПА, не замеченные властью. «Сейчас о схронах издаются тома. Это не просто землянки, многокомнатные строения со всем нужным для жизни — от печки до печатных машинок. В схронах была отличная вентиляция — её выводили наружу через стволы деревьев. Облавы не могли обнаружить схроны, ходили по ним и не замечали».

Когда началась Вторая мировая (Кук не называет её Великой Отечественной, у него была другая война), Василь полюбил оружие — немецкие и советские автоматы. Теперь на стене у него висит сабля — нынешние последовали подарили.

История Украины сделала полный круг. Россия и Польша вновь играют основную роль в киевской судьбе. А ко-

мандир Кук пережил всех, кому был дорог. Говорит: это высшая кара за то, в чём был и не был виноват».

Василь Кук родился 11 января 1913 года в с. Красное Львовской области. Юридическое образование получил в Люблинском университете, где познакомился со Степаном Бандерой. До 1939 года неоднократно арестовывался польскими властями. В 1939—1941 гг. — находился на нелегальном положении.

В годы войны Кук — член Центрального провода ОУН (б), под псевдонимом Лемиш возглавлял Восточный краевой провод ОУН (б) — «Схид» и одновременно являлся командующим группы УПА «Схид».

В связи с разногласиями с руководившим ОУН (б) в отсутствие Бандеры в 1942 году Лебедем был направлен для проведения организационной работы в восточные области Украины, возглавлял Южный краевой провод ОУН с центром в Днепропетровске, а после убийства Д. Мирона, также и Киевский краевой провод ОУН.

Руководимая им сеть активно действовала в Черкасской, Днепропетровской и Киевской областях

Весной 2004 года у Кука побывал Александр Трифонов.
«— Василь Степанович, как всё начиналось?»

Василь Кук: Украинская повстанческая армия была создана в 1941 году в борьбе против немецких оккупантов. 30 июня 1941 г. на Народном собрании во Львове организациями украинских националистов (ОУН) было провозглашено возобновление независимости Украинской Республики. Немцы отнеслись к этому отрицательно и сразу же арестовали главу новопровозглашённого правительства Ярослава Стецько и главу ОУН Степана Бандеру.

Поскольку вермахт был заинтересован в каком-то элементарном порядке на своих территориях, то поначалу немцы лояльно относились к созданию местного самоуп-

правления. Но когда приходило гестапо, ситуация тут же менялась. Оно старалось ликвидировать эти органы и производило массовые репрессии украинских националистов. В связи с этим были созданы отряды самообороны.

Когда фашисты пошли дальше на восток, образовался вакуум власти. Этим безвластием воспользовалась ОУН. Во время советской власти действовало мощное украинское подполье, которое заранее планировало захват власти с приходом немцев. Это было сделано быстро и скоординировано.

— То есть вы предполагали вторжение немцев?

— Это было ясно, на это указывал сам ход событий. Мы знали, что немцы придут к нам, и хотели использовать ту схватку для провозглашения независимости на территориях, откуда ушли Советы. В 1942 г. отряды самообороны, созданные после разгона местного самоуправления, начали объединяться в УПА.

— Это было партизанское движение?

— Я хотел бы рассказать о различии повстанческого и партизанского движения. Это очень важно, так как часто их путают. Партизанская война есть там, где есть фронт. Части действующей армии забрасываются за линию фронта и действуют в интересах своей армии. Такими были советские партизаны. Повстанческая армия — это часть народа, которая действует в интересах народа. У УПА была цель — восстановление украинского государства. Она была результатом народного движения и насчитывала до полумиллиона кадров. Боевых отделений было от 150 до 200 тысяч.

— У них было централизованное управление?

— Безусловно. Помимо боевых частей, были вспомогательные и хозяйственные отделы: связь, разведка, санитарная служба («Червонный Хрест»). Все они были в подполье и распланы среди людей. Это был вооружённый народ,

который не носил формы. Советские же партизаны нуждались в поставках извне.

— А партизаны пользовались поддержкой населения?

— Если они не имели своей сети поставок, то были вынуждены идти в село и брать необходимое у кого угодно. Это похоже на обычный грабёж. Поэтому партизаны автоматически противопоставлялись УПА. По сути, в УПА шли централизованные поставки от населения. На каждую группу населения было распределено, кто что должен. Это был военный налог. Были отделы, занимавшиеся производственной деятельностью: мини-заводы и мастерские по пошиву обуви, выделке кож и так далее. Армия давала работу местному населению.

— А партизаны?

— У них была другая идеология. Они вели мобильные военные действия в интересах фронта и обеспечивались оттуда. А УПА должна была базироваться на местных ресурсах и постепенно превращалась в государство в государстве. И уже в 1943 г. были целые повстанческие районы, не подконтрольные немецкой администрации. Самый известный пример — Колковская Республика на территории современной Ровненской области. Там были уже свои школы, театры, самодеятельность.

— Неужели немцы не проводили карательных операций?

— Проводили. Но много ресурсов у них отнимал фронт, откуда они не могли оттянуть значительные войсковые силы для уничтожения повстанцев. Война была с полицейскими. Это стало причиной разрастания УПА. Спросите, отчего мощная немецкая армия не могла с нами разобраться? Дело в том, что все были на фронте, а полицейские части недооценили УПА. Мы смогли в это время укрепиться, быстро вооружиться и начать сопротивление.

— УПА носила форму, имела централизованное управление... Всё-таки — армия или народное движение?

— Это была армия. Давайте я покажу альбом «Армия бессмертных»... Это фотографии УПА; как видите, все в форме. УПА разделила всю территорию, на которой она действовала, на военные округа: «Запад», «Север» и «Юг».

— Восток не был охвачен?

— УПА-Юг командовала и восточным направлением.

— Вся территория современной Украины была охвачена деятельностью УПА?

— Это зависело от географических условий. Там, где были леса, мы могли действовать, а там, где степь, нет.

— Поддерживала ли УПА отношения с какими-либо национальными движениями, повстанческими организациями? Или это была война против всех?

— Это была война за независимое Украинское государство. В той ситуации никто нам не мог помочь. Почему? Мы воюем против немцев, мы воюем против СССР. Англия, США — союзники СССР, соответственно, они нам помочь не могут.

— Но первоначально вы воевали только против немцев?

— Нет, война для нас началась с 1939 года. Советские историки начинают войну от нападения Гитлера на СССР, но уже в 1939 г. Советы и Германия напали на Польшу. Поэтому для Украины была легитимна война и против первых, и против вторых. Уже после 1939 г. шла подпольная борьба с Советским Союзом...

Но всё равно, союзники у нас имелись. Ими являлись подневольные Советам народы.

Немцы во время войны взяли много пленных. И в армию Власова попали многие представители кавказских и среднеазиатских народов. Немцы из них сформировали национальные отделы на борьбу против УПА. А мы их рас-

пропагандировали своими листовками, с помощью специальных агентов. Это была как антисталинская, так и антигитлеровская пропаганда. Мы разъяснили им цели нашей войны. И фактически они перешли на нашу сторону. Так у нас появились отделы: грузин, армян, азербайджанцев и других народов. В 1943 г. мы созвали целую конференцию порабощённых народов Европы. И это были наши настоящие союзники.

— А были ли в УПА этнические русские?

— Этнических русских на наших территориях почти не жило.

— А из числа военнопленных?

— Часто бывало, мы освобождали пленных. Среди них были и русские. Эти пленники действительно были из армии Власова. Среди них считалось более престижным воевать у Власова, так как там они, по их мнению, воевали за русскую идею.

Но если они не хотели воевать у Власова, могли остаться и у нас.

— Так за какую идею воевали русские в УПА?

— Русские воевали против немцев. И запомните, не все русские были довольны Сталиным. Они были против и советского строя.

— Это был их выбор или им было некуда деваться?

— Выбор. Бывали такие, кого мы освобождали, и они у нас оставались. Эти солдаты пытались потом пробиться к советским партизанам. Русские, которые оставались в УПА, воевали очень хорошо.

— После освобождения Украины советскими войсками как изменилась ваша деятельность?

— Никто не знал, как война закончится. Но в одном мы были уверены: как бы она ни закончилась, нам нужна крепкая армия. Тут нужно сказать, что была ещё одна большая

проблема — поляки. В 1943 г. было видно, что немцы будут отступать. Поляки захотели на западно-украинских территориях восстановить свою власть. Для этого было создано польское подполье: «Армия Крайова», «Батальоны Хлопски» и пр. И они начали воевать не против немцев, а против УПА. Мы стали главным их противником на этой территории. А поляки были в союзе с Советами.

Мы были в состоянии воевать и против немцев, и советской «партизанки», и поляков. У нас была массовая поддержка населения. В 1944 г. пришли советские войска. Я уже с февраля месяца находился на оккупированной Советами территории и управлял двумя из трёх группировок — УПА-Юг и Север, а Запад находился в немецкой оккупации. Я планировал рассредоточить все крупные отделения УПА на более мелкие по всей оккупированной СССР территории. Но большевики с помощью НКВД, создав ещё один фронт, оттеснили нас западнее, к фронту с немцами. Хотели нас загнать в окружение и уничтожить. В апреле 5 тысяч повстанцев всё-таки окружили. НКВД смог прижать УПА к самой линии фронта и оставить только небольшой коридор. Их было около 30 тысяч, с танками. Перед нами было две дивизии энкавэдэшников. Начался так называемый бой под Урбами. Он продолжался больше недели. Через неделю запасы кончились, и мы решили пробиваться в тонком месте на север. После прорыва мы сразу же рассредоточились и разбрелись по окрестностям. Больше таких крупных сражений не было.

До 1945 г. шли мелкие стычки. После окончания войны Советы бросили на нашу территорию войсковые части из Германии. Хотели, чтобы армия прочесала леса и осуществила масштабную карательную операцию. Но мы встретили их своими листовками и лозунгами, что мы против армии не воюем. Основной лозунг звучал так: «Братья,

красноармейцы! Разум с нами, воюем вместе против режима Сталина!»

— Но если это были мобильные лесные группы, то как вам удавалось вести масштабную пропагандистскую деятельность?

— В каждом селе мы имели своих союзников — это была целая сеть. Теперь об армии. Армия, которая прошла фронт, не слишком хотела воевать. Она ехала домой. Поэтому солдаты прошли сквозь леса не цепью, а колоннами. Часто мы просто махали им рукой (смеётся). А они отвечали нам: «Никого нет, проходите, ребята!». Армия с нами не воевала. Никакой базы для конфликта наших призывников с советскими не было. По моему мнению, недовольство сталинским режимом в армии было очень большим. Побывав в Европе, они увидели разницу. А потом, вспомните, сколько советских сдавались в плен немцам в начале войны. И только когда они увидели, какие немцы сволочи, началось сопротивление.

— Что это было за противостояние после войны: НКВД — УПА?

— Сталинисты создали большую сеть сексотов. Людей шантажировали: или ты станешь агентом, или мы тебя репрессуем в Сибирь. Некоторые прямо говорили, что они завербованы НКВД. Кроме того, после окончания войны Советы создали везде свои стабильные гарнизоны, 3—4 на район. Начались акции, подобные зачисткам в Чечне. Они назывались облавами. Приходилось прятаться в лесных бункерах, в двойных погребках.

— Когда наступила точка перелома?

— Перелом наступил в 1950 году. Мы уже не могли организовать массовые пропагандистские акции. Как только выявлялись факты пропаганды, там концентрировались агенты НКВД. Мы имели большое влияние на молодёжь,

но слишком сильно укрепились сексотская сеть, начались провокации. В 1945 году был создан псевдо-ЦК ОУН в Киеве, куда вербовались студенты-националисты. Псевдо-ОУН связывается с настоящим ОУН на Волыни, объявляя о создании крупной организации. Мы их пригласили к себе и ликвидировали. Это были такие «игры».

— Сколько лет понадобилось НКВД, чтобы свести на нет деятельность вашей организации?

— Это была не заслуга НКВД. Мы сами решали, на сколько нас ещё хватит. Борьба продолжалась и после смерти Сталина в форме движения «шестидесятников», на полулегальной основе. Дальше была Хельсинская группа, борьба за права человека и за право каждой нации иметь свою государственность. Мы больше не брали молодёжь в подполье, а воспитывали её легально. Секрет в том, что подпольщик имеет связи с десятком людей на легальном положении, но легальные члены УПА между собой не знакомы, и в случае провала один не может сдать остальных.

— До какого времени существовало подполье?

— Подполье существовало всегда, но централизованное управление было ликвидировано с моим арестом 23 мая 1954 года.

— Как же вам удалось выжить после ареста?

— Об этом хорошо написал кагэбист Санников в книге «Большая охота». Этот Санников был приставлен ко мне, когда я был в одиночной камере. КГБ было выгодно иметь меня живым, Санников следил день и ночь, чтобы я не покончил с собой. Если бы я погиб, то автоматически стал бы героем. Был 1960 год, и КГБ надо было показать, что они не звери, что они демократы. К тому же, выходя из тюрьмы, я компрометировал себя как человек, который, возможно, пошёл к ним на службу. Тогда я знал, они в любое время могут меня убить. Если бы не изменилась система, очевидно,

меня бы уже давно не было. Мне кажется, то, что я живу, — не моя заслуга. Это Божье Провидение (смеётся). Можете верить, можете не верить, но есть силы, которые решают много земных дел.

— Что вы можете сказать в заключении нашей беседы?

— Мы жили с мыслью: будет хоть чуть-чуть демократии — и СССР рассыплется в мусор. Мы не воевали против русских, не воевали против поляков, мы воевали против оккупантов! И сейчас мы не против русских. Но если кто-нибудь снова захочет отнять у нас суверенитет, мы будем против. Это аксиома. А если какой-либо народ хочет иметь своё государство, так это нормально. В сути нашего национализма — отстаивание интересов украинской нации. Точно так же и русские националисты, и любые другие. А международные интересы — только на равноправных условиях...»

Тот самый Санников, о котором вспоминал Васыль Кук, тоже побывал у него в гостях дома. В своей книге «Большая охота» он напишет о нём так: «На всю жизнь запомнились ему польские тюрьмы и издевательства жандармов, а посему в руки полиции решил больше не попадать, во всяком случае живым. Всегда носил при себе револьвер, а то и два, и гранаты. Мог легко и свободно организовать людей, зажигать их словом и личным примером. Он хорошо понимал, что такое печатное слово и как оно воздействует на людей и умы их, особенно на души молодых. По указанию Центрального провода ОУН создал нелегальную и отлаженную для работы типографию, написал популярную брошюру о правилах конспирации, размноженную потом в этой типографии. Вспоминал Васыль, как со своими друзьями-подпольщиками создал мастерскую по изготовлению ручных гранат и взрывных устройств с часовым механизмом. В подполье Васыля считали большим специалистом по

организации и проведению взрывов и применению ручных гранат. Он был автором брошюры-пособия «Обучение гранатному бою», широко использовавшейся бойцами УПА».

Но пройдут десятилетия, и произойдёт та самая встреча не друзей — врагов. Только враги уже будут не совсем врагами.

«Хозяин — всё такой же, как и в том далёком прошлом, Василий Степанович Кук, с хитринкой в глазах, мягкими, вкрадчивыми манерами и голосом, с вопросами, не лишёнными ехидства, мудрости и осторожности, — зафиксировал опытным взглядом Г.З. Санников. — И всё же я точно угадал: в глазах у Кука был немой вопрос: «Зачем ты пришёл ко мне? С добром или злом? Ведь я никогда вам, большевикам, не верил. Ни тогда и ни сейчас. И никогда вас не боялся. Но я рад видеть тебя, Георгий Захарович, потому что имею несколько вопросов, которые я задам тебе, и ты ответишь на них, ибо пришло время для нас обоих». Выпили.

— А это что за крест? — спросил я, указывая на рушник.

— Это «Рыцарский Крест с мечами в золоте» I степени за мои заслуги в борьбе за свободную и независимую Украину в УПА, — ответил Кук.

«Как странно и как всё необычно, — думал я. — Два человека из противоположных идеологических лагерей, «Рыцарский Крест с мечами в золоте», «свободная и независимая Украина». И кто мы сейчас? Недруги из враждовавших в прошлом станов, добрые знакомые? На этот вопрос нет ответа».

Кук долго рассказывал о себе, покойной жене, сыне, о своей жизни. Внимательно слушая, я вспомнил, как после освобождения из ВТ КГБ Украины его с нашей помощью устроили на работу в Центральный архив МВД, и как он,

Кук, с санкции КГБ написал диссертацию по истории Украины на соискание учёной степени кандидата исторических наук, и как потом ВАК (Высшая аттестационная комиссия) единодушно признала эту работу... нет, не кандидатской, а докторской по своей значимости, ценности, сложности и своевременности, и как тот же КГБ «зарубил» это решение, оставив более низкую ступень — кандидатскую, а потом не разрешил и этого».

Несмотря на своеобразие трактовки истории, Василь Кук был человеком весьма и весьма умным, начитанным, а потому и мудрым. Слушать его, возможно, было интересно. Вот только о каких-то вещах он просто не говорил, а что-то переписывал или, проще сказать, переводил уже со своей колокольни. То есть со своего видения истории вообще, в том числе и истории Украины.

С ним встречался даже кинорежиссёр Александр Муратов. Их беседа прошла в несколько ином ключе, чем другие. Тем она ещё интересней.

«— Я хотел бы поговорить о националистических тенденциях в украинском обществе. Точнее — о патриотических тенденциях.

— Поймите одно: если есть нация, если она существует, то всегда будет национализм. Если бы не было нации — не было бы и националистов. Националист — это человек, заботящийся об интересах нации. Не какого-то отдельного класса, а всей нации. Все люди, относящиеся к этой нации, составляют для националиста ценность. Национализм может быть любой — немецкий, французский, русский. Немецким национализмом был нацизм. В Италии был фашизм. Советский патриотизм был формой русского национализма. Итальянский фашизм самоутверждался за счёт оккупации Абиссинии. Все эти национализмы строили свои империи. Поэтому и были

захватническими, империалистическими. А наш национализм был освободительным. И мы провозгласили: «Свобода народам! Свобода людям! Свобода Украине!» Ведь каждая нация имеет право на собственное государство на своей этнической территории. У нас не было расизма и ненависти к другим народам, а была только ненависть к оккупантам, захватившим наши территории. Мы не против русского национализма. Пожалуйста! Но русские националисты опасны не только тем, что претендуют на Крым и подстрекают украинских граждан русского происхождения к антигосударственным выступлениям, но и тем, что утверждают: никаких украинцев и белорусов вообще не существует, а есть единый русский этнос с некоторыми местными отличиями... Но они забыли, что время империй прошло. Они сейчас, так сказать, «не модны»... Поэтому и исчезли империи — немецкая, английская, французская, советская... И восстановить их абсолютно невозможно. Как там у Тычины — «Не той тепер Миргород, Хорол річка не та...»

— Меня в советские времена очень удивляло: индийский национализм — Ганди, Неру — это хорошо... Африканский — Патрис Лумумба — чудесно! А украинский — так плохо, что дальше некуда! И сейчас можно услышать: «Национализм — последний приют негодяев!»

— Конечно, бывает, что негодяи маскируются национализмом... Маскироваться можно чем угодно, хотя бы и святой христианской верой!.. Никогда нельзя обобщать.

Какие-то украинцы сотрудничали с немцами, это так... Но разве власовская Русская освободительная армия (РОА) не сотрудничала с ними? А Власов сейчас в России объявлен едва ли не вождём борьбы со сталинизмом... Да что там РОА!... Немецкие эсэсовцы уже давно не поддаются преследованиям и получают государственные пенсии. Ев-

реи уже простили немцев!.. А у нас борцов с немецким нацизмом и кровавым сталинизмом до сих пор травят.

— Я хотел бы остановиться на некоторых фактах вашей биографии. Скажите, украинские национальные взгляды господствовали в вашей семье?

— Ну, я бы не сказав, что какие-то национальные взгляды господствовали в нашей семье. Отец был рабочим. Жил ещё при Австрии. Мама была крестьянкой. У отца было мало поля. Поэтому он считал, что нужно своих детей учить. Всегда говорил: «Всё может пропасть. А то, что в голове, всегда будет с тобой, всегда тебе поможет».

— Очень мудрая политика!

— Поэтому он послал меня в гимназию. Я учился в гимназии с десяти лет. И мои братья учились.

— Это была украинская гимназия?

— Это была украинская частная гимназия. За гимназию нужно было платить. Отец работал на железной дороге, железная дорога же это обучение и оплачивала. Именно поэтому он мог учить детей в школе. А вот поляки не разрешали наших гимназий и потом их ликвидировали. Но до 1918 года существовала Австрия. Я родился ещё при Австрии. И такие, как отец, жили тем «австрийским духом». А в том «австрийском духе» господствовал, как они называли, «рехт». А вот при Польше люди говорили — «Нет рехта», то есть нет права, нет законности. А в Австрии была большая законность.

— Но ваши родители в австрийские времена кем себя считали? Надеюсь, украинцами?

— Украинцев тогда у нас не было вообще. Всё официально назывались «рутены». А ещё нас называли «русинь». А уже в 1918 году, когда развалилась Австрия, начали называть украинцами.

— А язык какой был?

— Язык был украинский!..

— А настоящие русины, выступающие за свою обособленность, на каком языке разговаривают?

— Украинском.

— Почему же они себя считают отдельной нацией?

— Да нет никакой отдельной нации!..

— Я смотрел на них, смотрел и никак не мог понять, чем они отличаются от остальных украинцев..

— Язык украинский. Но назывался он — русинский... Самое обидное, что мы тогда потеряли свою национальную интеллигенцию. Очень часто писалось — «генто рутенос, национале польнонос»... По роду ты русин, рутенец, а по национальности — поляк... Люди же, которые перешли в костёл и сменили грекокатолический обряд на римско-католический, уже полностью считались поляками.

— Таких было много?

— Не много, но были...

— А когда вы впервые столкнулись с националистическими взглядами?

— Впервые?.. Не так с националистическими, как с украинскими. Когда вступил в гимназию. Гимназия была не польская, а украинская, и в ней действовал «Пласт». Я записался в него. А в «Пласте» воспитывали в украинском духе. Отсюда и началось украинское сознание. «Пласт» был организацией самовоспитуемой. Мы сами себя должны были воспитывать, сами о себе должны были заботиться. Хотя «Пласт» пришёл к нам из Англии, от лорда Баден-Пауля, потом он оформился как украинское движение, самостоятельное, националистическое. Когда я говорю «националистический», то это следует понимать, что он учитывал интересы всей нации. «Пластун» должен был отстаивать их в культуре, в искусстве, в экономике. А тот, кто отстаивает интересы своей нации, и является националистом. От

патриотизма национализм отличается тем, что патриотизм очень часто сводится к обсуждению, а национализм — это ежедневный практический труд...

Очень чётко высказался в этом плане Иван Франко: «Ти, брате, любишь Русь, як хліб і кусень сала. Я ж гавкаю раз в раз, щоби вона не спала...»

— Метко!

— ...Так сказать, надо действовать практически. Если ты что-то делаешь практическое для добра украинской нации — ты и являешься националистом.

— В советское время были воспитательные институты — пионерская организация, комсомол... А сейчас, когда этого не стало, не стоило бы восстановить те давние «Пласты», чтобы воспитывать молодёжь в духе национализма, украинского патриотизма?

— «Пласт» в Украине существует, только слаборазвитый. А когда-то был в каждой нашей школе. После того как в 1930 году поляки «Пласт» запретили, его функции взяла на себя Организация украинских националистов. Без собственного идеологического стержня государство существовать не может.

— Когда вам было 15 лет, что вы делали в «Пласте»?

— «Пласт» не только воспитывал детей в националистическом духе, но и требовал познавать родной край. Учил путешествовать. Вспоминаю походы, лагерную жизнь в лесу. Вместо оружия у нас были большие двухметровые палки, в определённой степени позволяющие получать военную подготовку и помогающие закаляться.

— То есть «Пласт» готовил к лесной партизанской жизни?

— Безусловно!

— Хотел бы спросить вас о следующем: слышал, что в 1939 году многие из населения встречали Красную Армию хлебом-солью... Это правда?

— Да.

— Мне говорили люди, присутствующие там: «Мы были так удивлены, когда первыми арестовали членов КПЗУ — Коммунистической партии Западной Украины...»

— Да. Ту партию уничтожили...

— И все были просто ошарашены, не могли понять, что происходит. А потом начал действовать план по уничтожению украинской интеллигенции. А потом людей хватали вообще без какого-либо смысла...

— Организация украинских националистов ещё при поляках привыкла действовать нелегально. И когда пришли советские войска, сразу же перешла в подполье и там продолжала работу. А легальные партии не знали, что делать, поскольку не были подготовлены. Поэтому и стали жертвами советского террора. И социал-радикалы, и другие, в том числе и КПЗУ...

— Я знаю, что вы были узником польской тюрьмы...

— Это было в 1935 году. Когда Пилсудский умер, я вышел из тюрьмы. А в 1937 году меня снова хотели арестовать. И тогда я перешёл в подполье. Уже с 1937-го жил нелегально. Во Львове. У рабочих, таких себе ремесленников. А с людьми встречался за городом ночью. Собирал по 50 человек, читал им разные лекции. Позднее, осенью 1937 года, пришёл в Пидгаивщину. В 1938-м создал там подпольную типографию.

— А что вы выпускали? Газету?

— Мы выпускали книги и открытки. И что очень характерно: люди, помогающие нам, были обычными крестьянами, не какими-то там крупными деятелями. Человек строил дом. Мы к нему подошли: «Если ты уже строишь дом, то давай вместе с твоим домом мы построим своё тайное убежище». И люди согласились. Мы построили убежище и сделали в нём типографию.

— Под домом?

— Под домом.

— То есть ещё во времена господства поляков?

— Поляки властвовали и в 38-м, и в 39-м. Тогда я уже больше находился в лесу... Поэтому у меня был псевдоним Медведь (смеётся). Потому что у меня такая была жизнь, медвежья... Я несколько лет тренировал людей, руководствуясь литературой, которую мог найти. Да к тому же ещё и создал подпольную лабораторию для изготовления гранат. Хотя были самодельные, но вполне пригодные.

— Это в каких годах?

— 1941-й, 1942 год... А весной 1944-го состоялась битва под Гурбами... Когда я там оказался, никого из руководства, кроме меня, не было. Проводник и командир УПА-Север остался на немецкой территории. Другие — тоже.

Фронт, остановившийся на линии Луцк — Коваль, Луцк — Броды, Тернополь, нас разделил. И из командования остался только я. Сформировал провод из людей, находившихся там, и командовал боем под Гурбами. Я хотел все наши отделы перекинуть на восток, то есть не хотел, чтобы битва произошла именно под Гурбами. Нас оттеснили под фронт. Собрались почти пять тысяч наших людей. А советских войск — более 20 тысяч. Они нас окружили. Это были не только военные части, но и самолёты, танки. Они планировали нас полностью уничтожить... 24 апреля после почти недели боёв я увидел, что людей нечем кормить. К тому же было немало раненых. И тогда мы прорвали фронт и вышли из окружения. Ну, а когда выдрались, на наше место пришли большевики, обнаружившие в тайных убежищах и убившие много местных людей.

— Я слышал, что во многих убежищах настоящих воинов УПА не было. Люди просто прятались. И только время

от времени совершали какие-то акции против большевиков. У этих людей почти отсутствовала военная подготовка.

— Они просто не хотели идти в войско, в Красную Армию. Прятались от призыва. Что это был за призыв? Их, не обмундированных, не вышколенных, почти не вооружённых, бросали в бой против вооружённых до зубов немцев... Очень многие погибли. Так они себе говорили: «Лучше погибну у себя в хате, чем должен погибнуть где-то на фронте».

— Меня очень интересует такая вещь: правда ли, были серьёзные бои с немцами? А то некоторые люди говорят, что таких боёв не было...

— Были. И немало. Один из самых больших вспыхнул под Загором. Там есть монастырь — Загоровский. Бой продолжался несколько дней. Немцы неоднократно хотели нас уничтожить. Мы тоже организовывали на них нападения. И там, где мы это делали, почти всюду побеждали.

— Тем более что они этого не ожидали...

— И ещё потому, что не могли против нас бросить много своих сил при наличии фронта против Советов. Но они грабили население, вывозили людей. И они, в частности, молодёжь, больше всего шли в УПА. Мы создавали офицерские школы, в которых готовили свои командирские кадры. Кроме этого, к нам перешли много офицеров-украинцев из Советской Армии. Это были одни из самых лучших учителей военного дела. У нас достаточно много людей прошли советскую школу.

— Удивительное дело: в группе я встретил двух евреев, татар, даже одного грузина... Как это произошло? Очевидно; убегали от немцев, шатались по лесам. Не было, куда приткнуться...

— Нет, там было другое: немцы сформировали из пленных несколько отрядов для борьбы против украинских

повстанцев — грузинский, армянский, азербайджанский. Были ещё узбеки из Средней Азии. Но мы послали к ним своих людей с листовками, и эти отряды перешли на нашу сторону, на сторону УПА. Поэтому в 1943 году возникла потребность созывать конгресс порабощённых Москвой народов. Мы созвали такой конгресс из ряда представителей разных народов. Его работа базировалась на основах, что каждая нация на территории Украины имеет право на свою самобытность.

— Я читал постановление 3-го Большого сбора... У меня этот текст есть.

— Не думаю, что даже сейчас люди могут что-то сказать против постановлений тех собраний. Ничего там не было шовинистического.

— Даже было что-то социалистическое...

— Когда мы говорили о бесклассовом обществе, то под этим понимали, что у большевиков существует классовое общество, что там есть класс большевистских вельмож, которому и принадлежит полная власть. У народа власти нет. А для нас каждый человек ценен. Мы вообще считаем, что формировать какую-то политику по классовым признакам вредно. Мы ещё написали брошюру по-русски «Кто такие бандеровцы и за что они воюют» и в ней поместили перевод материалов 3-го Большого сбора. Но потом эта программа стала причиной конфликта между людьми, сидевшими в немецких тюрьмах и не принимавшими участия в борьбе на востоке, воевавшими на родине. Они не понимали нашей программы. Потому что всё нужно пережить, и только тогда, когда всё переживёшь, непосредственно столкнёшься с реальными потребностями людей, — что-то можешь вносить в свои программы.

— Пан Василь, у вас было много встреч со Степаном Бандерой?

— Да.

— Сейчас о нём сочинено столько разных легенд. С одной стороны, вырисовывается какой-то сверхчеловек, гипнотическая личность. С другой, наоборот, это якобы был никудышный человек (как недавно писал Олесь Бузина), за которого всю работу выполняли другие люди... Каким же он был на самом деле?

— Я был в его проводе после того, как Мельник провёл в 1939 году свой съезд, где постановили не воевать, а сохранять кадры. Мы же, в свою очередь, говорили (когда Советский Союз входил в Галичину), что существует исключительная возможность расширить Организацию на всю Украину, потому что с востока во Львов стали приезжать много людей. Среди них были студенты, молодёжь, с помощью которых мы могли совершать множество дел, втягивать людей в свою орбиту, в Организацию. В общем, пытались влиять на людей с востока и расширять Организацию. А мельниковцы этого не хотели. И поэтому вспыхнул конфликт с Мельником. Это даже был не конфликт Бандеры с Мельником, как конфликт людей, которые находились на родине, хотели действовать дальше и расширять Организацию, и тех, кто был за границей, хотел сохранить силы и больше полагался на немецкую помощь. Мы не возражали, что нужно использовать немцев, прежде всего — для подготовки наших военных кадров. И поэтому создали те два легиона — «Нахтигаль» и «Роланд», в которых проходили военную подготовку наши люди. Но когда немцы отнеслись к нашей независимости враждебно, мы сразу же от них отошли. И немцы сразу же ликвидировали те войска.

— Так всё же, был Бандера выдающейся личностью?

— Бандеру я знал ещё со студенческих лет. Он часто выступал среди студентов, и я на тех собраниях бывал. Он уже знал, чем я занимаюсь, потому что референты Краевого про-

вода — и Стецько, и другие — были со мной знакомы. Они знали, что я учился в Люблинском университете на юридическом факультете, знали, что там я организовываю студентов. После покушения на Перацкого, министра внутренних дел Польши, Бандера пришёл именно на мою квартиру в Люблине. Правда, меня там не было, поскольку я уже сидел в тюрьме. С ним был Грыць Мацейко, который и стрелял в Перацкого. А потом я с Бандерой встретился, когда он уже вышел из тюрьмы. Человек после заключения многого не знает. Бандера интересовался абсолютно всем. Как я организовал подпольную работу, как создал типографию. А потом, уже после войны, я увидел, что за границей нашей практической работой в Украине интересовался, пожалуй, только он. Когда я стал членом провода, то рекомендовал ему других людей вместо себя. Но он на замену не согласился.

Я был организатором. Так сказать, воспитывал кадры и расширял Организацию на всю территорию Украины и даже за её пределы. Участвуя в заседаниях провода, видел, что из всех присутствующих там людей Бандера — наиболее авторитетный и предлагал самые правильные решения. Когда речь шла о немцах, он сразу говорил: «Мы с немцами не можем договориться. Мы должны провозгласить государственную независимость и вынудить немцев стать на нашу сторону. А если будут против, нужно будет организовать против них борьбу». Если говорить о Бандере — он проявил себя прежде всего как хороший организатор. И когда создал организацию, Коновалец назначил его проводником Краевой экзекутивы. Он сразу организовал ряд разнообразных акций. Например, акцию за восстановление украинской школы, за требование развития украинских школ. Затем — вопрос могил, то есть оказание почестей памяти людей, отдавших жизнь за свободу Украины. И ещё несколько таких широко-масштабных акций. Как организатор он ещё тогда себя пока-

зал. А как проводник, как теоретик проявил себя уже после выхода из немецкой тюрьмы. И среди тогдашних печатных трудов наиболее аналитическими, наиболее серьезными были именно его статьи. Они направляли работу нашей Организации за границей. А здесь, в Украине, мы придерживались постановлений III съезда 1943 года. Бандера был не против. Он говорил: «Если Организация и УГОР приняли такие постановления, мы должны им подчиняться и должны их выполнять». Ещё мы приняли очень принципиальное решение относительно материализма и идеализма, став на позицию, что это вопросы не политической партии, а вопросы теории, вопросы науки. И если кто-то хочет быть материалистом, пусть будет материалистом. А кто хочет быть идеалистом — мы не возражаем. Так же вели себя и в вопросах религии: решили, что не должны людям что-то навязывать. И это открыло перед нами новые возможности, потому что в Восточной Украине почти все православные, а галичане — часто грекокатолики. У нас были военные капелланы и православные, и грекокатолики. И не было религиозной вражды. Если речь шла о материализме или идеализме, наша позиция была такой: хочешь быть материалистом — будь материалистом. Но борись за государственную независимость Украины. И это дало нам огромное преимущество. Политическая партия не должна опускаться к сугубо теоретическим идеологиям, а должна выполнять практическую работу и организовать людей на построение нового порядка, который обеспечивал бы интересы украинской нации. Это была наша принципиальная победа. И потому мы могли расширить организацию на все украинские земли...»

Василий Степанович Кук умер 9 сентября 2007 года в Киеве. Его похоронили в родном селе Красное. На церемонию прощания во Львове собрались несколько тысяч человек...

Глава 12

ВО ИМЯ ЧЕГО?

В мае 1945 года в свет появляется любопытная «Декларация Провода украинских националистов после окончания Второй мировой войны в Европе». Как говорится в истории ОУН—УПА в ней, «провод ОУН подчёркивал, что главной идейно-политической основой деятельности ОУН и УПА была и остаётся идея Украинского самостоятельного соборного государства. В освободительной борьбе начинается тяжелейший период. На судьбу их поколения выпало продолжать работу по созданию самостоятельной Украины независимо от того, победят ли они в этой борьбе.

По отношению к русскому и другим народам, которые входили в состав СССР, было заявлено, что Сталин и Коммунистическая партия создали и поддерживают тоталитарный режим, который принёс много бед и страданий самому русскому народу подобно тому, как гитлеровцы привели немецкий народ к трагедии. Поэтому задача состоит в том, чтобы бороться против сталинской тоталитарной системы, а не против русского народа. Условия, в которых вела борьбу УПА в послевоенное время, были чрезвычайно тяжёлыми. Против неё были брошены значительные силы НКВД, НКГБ (с 1946 г. МВД, МГБ), регулярные части, истребительные батальоны. В боевых подразделениях УПА было много потерь. Однако, как отмечалось в постановлениях конференции ОУН-Б в июне 1946 г., революционное укра-

инское движение героически выдержало массовый террор большевистских вооружённых сил, так что оккупанту не удалось ни уничтожить революционное движение и Организацию украинских националистов, ни запугать народ репрессиями и заставить отказаться от участия в революционной борьбе.

Во избежание больших жертв в открытой вооружённой борьбе конференция приняла решение перейти на подпольные формы деятельности. В июле 1946 г. было издано «Воззвание главного командира к УПА», в котором отдал приказ переходить в подполье. Были расформированы регулярные курени и сотни УПА, подпольные диверсионные группы, которые вели боевые действия методом внезапных нападений на подразделения спецвойск и регулярные части».

В документе другой стороны, датированном ещё 17 января 1945 года, нарком госбезопасности УССР Савченко докладывал «об ухищрениях, применяемых бандитами ОУН—УПА»: «Взросших удар НКВД—НКГБ по разгрому оуновского подполья и бандформирований УПА и усилившееся в связи с этим стремление населения западных областей Украины к оказанию активной помощи нашим органам и войскам понуждают СБ и руководителей бандформирований УПА при проведении своих бандитских налётов становиться на путь провокационных ухищрений и маскировки бандитов под бойцов и офицеров Красной Армии, войск НКВД и сотрудников НКВД и НКГБ.

Бандиты, прикрываясь формой войск Красной Армии и наших органов, зачастую с орденами и медалями Советского Союза, группами появляются в сёлах и под видом офицеров и бойцов Красной Армии или сотрудников НКВД—НКГБ в ряде мест проводят свою террористическую и другую подрывную деятельность, уничтожают ни-

зовой советско-партийный актив, официальных работников наших органов, агентурно-осведомительную сеть и членов их семей.

Находясь под постоянным страхом возрастающего внедрения нашей агентуры в ОУН и бандформирования УПА, СБ прибегает к убийству всех лиц, вызывающихся по каким бы то ни было причинам в органы НКГБ и НКВД. Семьи заподозренных в связях с нами, как правило, также уничтожаются СБ.

Из числа зафиксированных нами фактов ухищрений бандитов в проводимой ими террористической и подрывной деятельности следует отметить:

6.10.44 года в селе Волошино Старосамборовского района Дрогобычской области, бандитами, одетыми в форму милиции, повешен председатель сельского совета Кричковский Михаил Иванович.

В тот же день в селе Караевичи, Ровенского района, Ровенской области, бандгруппа численностью до 15 человек, одетых в форму войск НКВД, ворвалась в дом местной жительницы Мельник и предложила ей отвести их к председателю сельсовета.

Выполнить требования бандитов Мельник отказалась, за что была избита шомполами, а затем в присутствии остальных членов семьи расстреляна.

10.10.44 года в селе Сварзево, Краснянского района, Львовской области 3 вооружённых бандита, одетых в форму военнослужащих Красной Армии, внезапно напали на сотрудника Краснянского РО НКГБ, обезоружили его, отобрали документы, а затем нанесли ему несколько огнестрельных ранений и скрылись.

19.10.44 г. в село Подберезцы, Залещицкого района, Тернопольской области ворвалась бандгруппа УПА в количестве 4 человек, одетых в форму бойцов Красной Армии, и,

выдав себя за сотрудников НКВД, забрала 14 человек призывников, 1924 года рождения, и увела их в лес.

27.10.44 года в 11 часов дня бандгруппа в количестве 12 человек, одетых в форму офицерского и рядового состава Красной Армии, совершила налёт на сельсовет села Шубренцы-Борисполе, Садогородского района, Черновицкой области, где проводилось совещание местного советского актива.

Разогнав актив, бандиты зверски убили председателя сельсовета Старого и лейтенанта войск НКВД, трупы которых оставили в подожжённом ими помещении сельсовета.

Бандитами убит также уполномоченный по вербовке рабочей силы в Донбасс Ленский Пётр Иванович.

29.10.44 г. бандгруппа в количестве 12 человек, одетых в форму военнослужащих Красной Армии, совершила налёт на Комаровский сельсовет Почаевского района Тернопольской области.

Бандиты уничтожили все документы и, забрав с собой председателя и секретаря сельсовета, скрылись.

30.10.44 г. в 6 часов вечера в Ивано-Золотовский сельсовет Злотопотоцкого района Тернопольской области зашли 9 бандитов, одетых в форму военнослужащих Красной Армии, и, выдав себя за сотрудников НКВД, прибывших в село для мобилизации населения в Донбасс, потребовали от находившегося там секретаря сельсовета собрать истребительный батальон. По прибытии в сельсовет бойцов истребительного батальона К. и П. последние были убиты бандитами...» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 7. Оп. 3. Д. 803).

А 12 декабря 1944 года нарком внутренних дел СССР докладывал председателю Госкомитета обороны Сталину, что 29 ноября банда численностью до 180 человек совершила нападение на с. Белый Камень Олесского района Львовской области. Оцепив под видом войск НКВД село,

бандиты собрали якобы для проведения государственных хлебопоставок 18 бойцов истребительных батальонов и расстреляла их. Бандиты также убили второго секретаря ЛКСМУ, заведующего районо, участкового, уполномоченного РО НКВД и семерых бойцов Красной Армии. С собой они увели председателя и секретаря сельсовета, захватили оружие и подорвали автомашину, на которой приехали в село упомянутые выше бойцы Красной Армии (ЦГА ООУ. Ф. 1, Оп. 23, Д. 962).

Такая тактика борьбы оборотней из УПА однозначно носила провокационный характер. Её методам оуновцы могли обучиться только в немецком абвере. Например, батальон «Нахтигаль» в 1941 году в форме бойцов и командиров Красной Армии выполнял особые функции своих покровителей точно таким же образом. Тут же вспоминаются слова Васыля Кука... Красиво он говорил... Лично мне запомнилось...

Примечательно, что при проведении операций по ликвидации националистических бандформирований во вскрытых бандеровских схронах и бункерах сотрудники Смерша и НКВД постоянно находили не только военную форму и документы, удостоверяющие личность, но и в больших количествах ордена и медали СССР. Так, например, при ликвидации проводника ОУН Карпатского края Я. Мельника (Роберта) 1 ноября 1946 года в его схроне были обнаружены целых 28 орденов и медалей СССР. Кроме того, чекисты изъяли: 11 партийных билетов, 9 кандидатских карточек, 30 комсомольских билетов, 180 военных билетов, 55 красноармейских книжек, 78 советских паспортов и т.д. (ЦГА ООУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 2961).

О других методах их повстанческой деятельности можно прочесть в «Политдонесении» в адрес члена Военного совета Прикарпатского военного округа генерал-полковника

Мехлиса (от 29 сентября 1945 г.): «В районах размещения войск Армии за последнее время отмечается значительная активизация в действиях бандеровских банд.

По данным оперативного отдела штаба Армии и политорганов соединений установлено наличие бандитских групп в районах: Чертежне до 1500 человек; Петровце — Янковце — Лукановце до 1500 человек; Прубка до 200 человек; Хребтоватке — Хедь до 500 человек; Каменице — Липаны до 85 человек; Русска — Мокра до 200 человек; Дубове до 200 человек; Лозы — Синий Бар до 200 человек; Отльшаны до 200 человек, а также в районе дислокации частей 140-й дивизии и сёлах прилегающих к городу Станислав (Тысменица, Угореики). Бандиты вооружены карабинами, винтовками, автоматами, пулемётами. Кроме того, имеют взрывчатые вещества и гранаты.

Бандеровцы действуют группами, нападают на военнослужащих одиночек или следующих малочисленными группами (3—4 человека), на одиночно движущиеся подводы и автомашины.

23 сентября в районе села Тысменица, в 7—8-километрах от города Станислава, бандеровцы смертельно ранили заместителя начальника Политотдела 38-й Армии тов. Голубева и легко ранили начальника автоотдела Армии подполковника тов. Харциева.

В ночь с 17 на 18 сентября в селе Яблунувка бандеровцами похищен младший сержант 871 отдельного зенитного дивизиона Попов.

В ночь с 19 на 20 сентября в селе Глубочек захвачены бандеровцами военнослужащие 167-й дивизии рядовые Кохин и Котин. Захваченные подвергались мучительным пыткам, так бандиты у красноармейцев Козина оторвали левое ухо, выкололи глаза, топором разрубили челюсть и шею, ноги и руки обожгли огнём.

Террористические акты совершаются также и против гражданских лиц. 7 сентября в селе Чёрный Поток группа бандеровцев обстреляла находившихся там работников Райсовета.

12 сентября в селе Нижний Вербиш бандеровцы запретили крестьянам вывозить хлеб в счёт Госпоставок.

14 сентября в этом же селе, за отказ сотрудничать с бандеровцами, убиты девушка и её брат — подросток, а мать тяжело ранена.

17 сентября в селе Соново, у финагента бандеровцы отобрали 5 тысяч рублей денег.

18 сентября в селе Верхний Вербиш бандеровцы повесили двух граждан села. В этом же селе они распространили листовки, требующие сдавать хлеб на нужды УПА...» (Архивная служба ВС РФ. Ф. 141. Оп. 244822. Д. 2).

Ответом на такого рода действия УПА могли быть соответствующие мероприятия госбезопасности и органов внутренних дел УССР.

Например, 28 октября 1947 года Л. Каганович, Н. Хрущёв и В. Абакумов докладывали И.В. Сталину «О борьбе с подпольным движением в западных областях Украины»:

«Чекисты и оперативные войска МГБ проделали значительную работу по борьбе с националистическим оуновским подпольем и его вооружёнными бандами в западных областях Украинской ССР.

За 9 месяцев 1947 года захвачены живыми при боевых операциях и арестованы 13 107 и убиты 3391 бандитов. Из этого числа убиты и арестованы 1103 руководящих лиц оуновского подполья и банд.

За это же время захвачено у бандитов оружия: пушек, противотанковых ружей, миномётов — 23, пулемётов — 259, автоматов — 1544, винтовок — 2966, пистолетов —

1855, гранат — 3458, мин — 2782, раций — 7 и патронов около 500 000.

21—22 октября 1947 года была проведена операция по выселению семей осуждённых, убитых и находящихся на нелегальном положении бандитов. Выселено 77 806 человек, т.е. 26 644 семьи.

В проведении этой операции принимали участие свыше 40 000 чекистов, офицеров и солдат войск МГБ...» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1516).

Что ж, о преступлениях оуновцев, бандеровцев, повстанцев можно говорить долго и упорно. И это притом, что сами они уже многое запамятовали...

Как пишет доктор исторических наук, профессор Л.А. Поддубный, «В УПА существовал обычай освящения орудий убийства накануне «акции», для чего был создан т.н. институт «лесных» священников УАПЦ и УГКЦ. Эти священники были настоящими убийцами с крестами на груди. Они не только совершали религиозные обряды над грудями холодного оружия: топорами, вилами, косами, ножами, штыками и саблями, но и сами охотно пользовались ими, участвуя в кровавых оргиях участников «армии бессмертных».

Среди палачей СБ были свои чемпионы, которые по указанию таких, как Р. Шухевич, собственноручно умертвили сотни невинных людей.

Так, референт СБ Ковельского окружного провода ОУН «Федось» Микола Гаврилюк 2 марта 1946 года рассказал, что вместе с краевым референтом СБ Петром и следователем Борисом провёл чистку бригады УПА «Ярко», в процессе которой замучили 60 уповцев. Федось подчеркнул: «...Лично мною были задушено 100 неблагонадёжных участников ОУН, на территории Ковельского округа».

В «хронике СС стрелковой дивизии «Галичина», которая велась её Войсковой управой, имеется следующая запись: «20.03.44 г.: Есть на Волыни который, вероятно, уже в Галичине украинский повстанец, который бахвалится, что своей Мотузкой удавил 300 душ поляков. Его считают героем».

В приговоре суда от 21.03.1952 г. по обвинению следователя СБ Журавинского надрайонного провода ОУН И. Ленива констатировалось: «...за время своего пребывания в банде украинских буржуазных националистов подсудимый Ленив лично, сам убил, замучил и удушил различными способами около двухсот человек советских граждан — мужчин, женщин и стариков, а также присутствовал и принимал участие вместе с другими бандитами в убийстве свыше 50 человек — советских граждан. С целью удушения советских людей подсудимый Ленив всегда носил в кармане верёвку...».

Вчитываясь в эти строки, хочется понять, что это была за такая повстанческая армия.

Армия вообще-то — это совокупность вооружённых сил государства. Повстанец — это участник восстания, мятежа. Ничего этого нельзя сказать про УПА. Для неё больше подходит — бандитская армия или армия бандитов. Ведь по крайней мере в русском языке слово «банда» буквально означает: разбойная группа; шайка. Вооружённая банда. Или группа людей, действующих нечестно, противозаконно! А у банды или армии бандитов была и соответствующая тактика.

Так, по утверждению О. Россова, окончательное оформление такая тактика УПА «получила на совещании верхушки подполья в Рогатинских лесах Станиславской области (возле с. Голодивка) в августе 1945 года. Центральный провод ОУН решил полностью переподчинить

подразделения УПА территориальным проводам ОУН, а заодно и реорганизовать саму структуру подполья. Теперь оно состояло из Центрального провода на Украине и двух так называемых больших краевых проводов — «Северо-Западные Украинские Земли» («ПЗУЗ») и «Галичина». Краевой провод «ПЗУЗ» состоял из маленьких краевых проводов «Москва» (Волынская область, ряд южных районов Белоруссии), «Одесса» (Ровенская обл. и часть Тернопольской) и «Подолье». В Краевой провод «Галичина» входили «малые» краевые провода «Буг-2» (Львовщина) и «Карпаты—Запад» (Карпатский край и Буковина). Основными звеньями ОУН выступали окружные, надрайонные (по 2—6 в окружном), районные (по 3—5 в надрайонном), кустовые и станичные провода (последние — на уровне населённого пункта).

Суть новой тактики заключалась в переходе к действиям мелкими группами, по 10—15 человек, способными быстро маневрировать и менять места дислокации. Открытые вооружённые выступления и столкновения с частями Красной Армии и ВВ минимизировались, а основной удар переносился на гражданскую администрацию и лиц, сочувственно относящихся к советской власти. Разве это армия, которая, реализуя новую тактику, законспирировавшись, повела, по сути, «бункерную войну»?

Её «объектами нападений становились партийные, комсомольские и советские работники, колхозная администрация, а также так называемые подсоветчики — сельский актив и простые колхозники, специалисты, прибывшие из других областей УССР».

Мелкие подразделения УПА совершали действия, направленные на уничтожение хлеба и сельскохозяйственных машин, совершали диверсии на железной дороге.

Они регулярно уничтожали МТС, спиртзаводы, клубы, колхозное и совхозное имущество. Но самое страшное, что страдали прежде всего обыкновенные люди.

Например, 21 июня 1948 года в конюшне Львовского государственного университета было обнаружено множество отрубленных человеческих ног. В ходе расследования были обнаружены 18 обнажённых и изуродованных трупов, которые были идентифицированы как 17 женских и один труп подростка. В чём была их вина? Ответа на этот вопрос так и никто не нашёл.

По сводным данным советских архивов за 1944—1956 годы, в результате подобных действий УПА и вооружённого подполья ОУН погибли:

- 2 депутата Верховного Совета УССР;
- 1 глава облисполкома;
- 40 глав гор- и райисполкомов;
- 1454 глав сельских и поселковых Советов;
- 1235 других советских работников;
- 5 секретарей городских и 30 районных комитетов Компартии УССР;
- 216 прочих работников партийных органов;
- 205 комсомольских работников;
- 314 глав колхозов;
- 676 рабочих;
- 1931 представитель интеллигенции, включая 50 священников;
- 15 355 крестьян и колхозников;
- 860 детей, стариков, домохозяек» («Википедия», УПА).

Вот результат такой тактики и таких «боевых действий» УПА. Даже судя только по этим цифрам, видно, против кого эта «армия» воевала и кого уничтожала. И я снова вспоминаю слова Васыля Кука. Как не вспомнить!

Только поэтому в изменившихся условиях, в борьбе с ОУН—УПА ограничиваться только военными действиями было уже невозможно. О. Россов: «26 февраля 1945 года в Киеве состоялось заседание Политбюро ЦК КП (б) У, на котором было принято постановление, во многом определившее дальнейшие действия советской стороны в борьбе с националистическим подпольем в Западной Украине. В постановлении говорилось: «...Если недавно в большинстве западных областей Украины были банды, насчитывающие по 400—500 человек, то в настоящее время... все крупные банды ликвидированы, а многие главари... уничтожены или арестованы.

...Потерпев крупное поражение, украинско-немецкие националисты в последнее время меняют свою тактику и методы борьбы с советской властью и переходят главным образом к террору и диверсии. Действуют мелкими бандами, которые стараются маневрировать и не принимать открытых боёв, а политическая сетка ОУН с целью сохранения своих кадров уходит в глубокое подполье.

Это требует коренным образом изменить нашу тактику и методы борьбы с украинско-немецкими националистами.

ЦК КП (б) У обязывает обкомы и райкомы КП (б) У, наркома внутренних дел г. Рясного, наркома госбезопасности т. Савченко, начальников погранвойск НКВД тт. Бурмака и Демшина, начальника внутренних войск НКВД Украинского округа т. Марченко, областные и районные органы НКВД и НКГБ: для уничтожения каждой мало-мальски крупной банды выделять специальный, подвижной боевой отряд с включением в него хорошо подготовленных разведчиков, оперативных, партийных и советских работников...»

Теперь районы, где действовали формирования ОУН—УПА, разбивались на оперативные участки в административных границах области. А в них создавались оператив-

ные группы, в каждую из которых включалось определённое количество подразделений и частей внутренних войск и оперативных работников НКВД.

Оперативно-войсковые или чекистско-войсковые группы осуществляли поиск и нейтрализацию участников националистических бандформирований. Такие группы оказались наиболее оптимальными в системе взаимодействия внутренних войск и оперативных сотрудников. Правда, при соответствующем агентурном обеспечении.

Считается, что ликвидация подполья ОУН в СССР была завершена к 1952 году, хотя отдельные проявления регистрировались до 1956 года.

Как пишет Г.З. Санников, «к концу лета 1953 года было установлено несколько десятков вооружённых формирований, небольших групп и одиночек, терроризировавших население, державших в напряжении сотрудников территориальных органов ГБ, два мотомехдивизиона, отдельные части погранвойск, всю милицию и часть советской границы, проходившую по территории Западной Украины».

Так, 5 марта 1950 года сотрудники МГБ во главе с генерал-лейтенантом П.А. Судоплатовым установили, что Шухевич находится в помещении кооперативной лавки в селе Белогорща под Львовом.

С этой целью Павел Анатольевич в течение шести месяцев в 1949—1950 годах безвыездно находился во Львове, где возглавлял оперативную группу по розыску и ликвидации Шухевича-Чупринки. Вместе с ним находился генерал В.А. Дроздов.

Когда Шухевича окружили, то этот генерал предложил ему сложить оружие, только в этом случае гарантируя сохранение жизни. Но «в ответ прозвучала автоматная очередь. Шухевич, пытаясь прорвать кольцо окружения,

бросил из укрытия две ручные гранаты. Завязалась перестрелка, в результате которой Шухевич погиб» (П.А. Судоплатов).

«Как указывал в своей книге П.А. Судоплатов «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950 гг.»: «После смерти Шухевича движение сопротивления в Западной Украине пошло на убыль и вскоре затихло... Крах украинской «эпопеи» наступил через год...

Действительно, после ликвидации Шухевича движение резко пошло на убыль, но далеко не затихло. И до «краха украинской «эпопеи» было ещё далеко.

В те годы руководство МГБ стремилось как можно быстрее доложить в правительство о положительных результатах, тем более в таких вопросах, как ликвидация, как тогда их называли, «остатков бандоуновского подполья». Действительно, имевшие место в период 1944—1945 годов крупные стычки оуновских формирований с частями Красной Армии и НКВД ушли в прошлое, прекратились рейды отрядов УПА по территории Правобережной Украины. Ушли в прошлое, но остались в памяти оперработников случаи захвата оуновскими отрядами на 8—10 часов райцентров, в частности, таких, как Турка, Борыня, Сколя Дрогобычской области в 1947 году. Оуновцев тогда выбивали танками. То было время, когда в лесах Западной Украины действовали оуновские отряды, или, как их называли в подполье, курени, по 600—800 штыков. После ухода на Запад в 1947—1948 годах остатков разбитой ранее дивизии СС «Галичина» и крупных отрядов УПА, с боем прорвавшихся через территорию Словакии в Западную Германию, открытых крупных боёв уже не было. Однако ещё в 1950—1952 годах активно действовали оуновские группы по 8—12 человек, вооружённые автоматическим оружием, имевшие свои базы и укрытия, а также связь с

ЗЧ ОУН и ЗП УГВР. Эти зарубежные центры, связанные с ЦРУ и английской разведкой, забрасывали по воздуху своих эмиссаров, обеспечивая материальную и моральную поддержку оуновскому подполью. Вплоть до 1954 года над территорией Украины летали самолёты США и Англии, сбрасывая груз и эмиссаров-парашютистов, снабжая подполье оружием, боеприпасами, продуктами, документами, деньгами. Были зафиксированы случаи, когда части американской армии, дислоцированные на территории Западной Германии, специально проводили маневры с применением транспортной авиации, и, якобы сбившись с курса, самолёты проникали в воздушное пространство Советского Союза и оказывались над нужным им районом Западной Украины, а парашютисты были экипированы в форму ВС США. Так осуществлялось прикрытие операции. Как правило, самолёты приближались к воздушному пространству Украины с севера, резко снижались, с тем, чтобы войти в широкую и многокилометровую долину вдоль реки Днестр, избегая обнаружения их нашими радарными. Дело в том, что долина реки Днестр обрамлена с обеих сторон достаточно высокими холмами, высота которых — 300—350 метров над уровнем моря. Самолёт как бы попадал в своеобразное ущелье и исчезал с экранов локаторов служб ПВО. Выброска людей и грузов осуществлялась с высоты 200—250 метров. Все четыре двигателя этих мощных винтокрылых машин работали на малых оборотах, не производя большого шума. Операция длилась не больше нескольких секунд, а затем самолёт на максимальной мощности резко взмывал вверх, набирал высоту и уходил через Польшу на север, на базу во Франкфурте-на-Майне (ФРГ). Советские локаторы фиксировали самолёты на далёких подступах на большой высоте, по мере их приближения к советскому воздушному

пространству объявлялась тревога, поднимались истребители со Стрыйского аэродрома Дрогобычской области. Но пока истребители набирали высоту и наводились службой ВНОС на самолёт, нарушитель входил в днестровскую долину», — рассказывает Г.З. Санников.

Правда, другой чекист, В. Чуб считает несколько иначе: «Никакой активности банды в 1950—1952 гг., как пишет Санников, не проявляли и связи с закордоном не имели. Связь с ЗП и ЗЧ и, естественно, с разведчиками велась КГБ через захваченных шпионов. О том, что до 1954 г. вольготно летали над Украиной иностранные самолёты и сбрасывали на банды ОУН шпионов, — вымысел. Последний американский самолёт был в августе 1953 г., сбросил двух шпионов, которые были сразу захвачены, ибо шли на подставленные нами базы. Планировалось самолёт сбить, но не удалось. Последний английский самолёт был летом 1951 года, сбросил группу Матвиейко, которую сразу захватили. В дальнейшем англичане забрасывали шпионов на воздушном шаре и пешком».

Тот же Санников утверждает, что «смерть Шухевича настолько потрясла руководителей подполья, что только в июле 1950 года по своим каналам Лемиш направил... документ о взятии на себя полномочий по дальнейшему руководству вооружённым подпольем».

А в этом документе говорилось: «Бюро информации УГОС (УГВР) уполномочено проинформировать кадры подполья и весь украинский народ о том, что после смерти славной памяти генерал-хорунжего УПА Романа Шухевича-Лозовского-Чупринки должность председателя Генерального секретариата УГВР и Главного Командира УПА взял на себя полковник УПА Василь Коваль.

(На Украине, 8 июля 1950 г.

Бюро информации Украинского Главного совета.)».

Пройдёт всего несколько лет, и очередь дойдёт до Василия Кука. Сам он об этом трагическом эпизоде в своей жизни расскажет кинорежиссёру А. Муратову:

«— Произошло это так: они раньше, ещё в 1953 году, схватили Галасу... И схватили его связником. А я должен был выйти на связь к Галасу на северо-западной земле. Вот они на тот пункт связи и подослали провокатора. Не знал, что они там поставили подслушивающее устройство, что готовились меня схватить. И когда я заснул (никакого яда, ничего такого не было), когда я просто заснул, они меня, сонного, связали. И сразу отвезли в Киев. И начались допросы. Я знал, что они меня расстреляют. Почти не сомневался в этом. Но пока не расстреляли, нужно было делать всё, лишь бы не навредить другим, понимаете? Они могли и хотели использовать меня против зарубежья. Но тогда они использовали Галасу... А со временем, когда произошла хрущёвская «оттепель», они уже хотели использовать меня как аргумент демократизма, как признак того, что никого теперь не преследует, что вот освобождают людей из тюрем. И они не только меня тогда освободили, а ещё многих. Даже того епископа, который потом уехал в Рим. Всё это было рассчитано на пропаганду. Но я очень хорошо знал, что они могут со мной расправиться в любой момент, и потому не верил им ни на йоту. Видел, как они расправлялись с тем же Шумским, который хотел поехать в Украину, в Киев: они его отравили. Я всё это знал и потому никаких иллюзий не испытывал. Но, видя их тактику, не просил: «А вы меня всё же расстреляете!» Они допрашивали меня шесть лет. И в Киеве, и в Москве — на высшем уровне. Понимаете, речь шла о том, чтобы убить Бандеру. Я делал всё, только бы меня не использовали для этого. И они за это время подготовки Сташинского... Когда уже убили Бандеру, я им был вроде бы не нужен. Но

они всё же продолжали со мной игру, чтобы нанести удар по Организации за рубежом. И я включился в эту игру, поскольку знал, что могу сорвать их планы. А если они это будут делать без меня, то смогут нанести нашей Организации намного больше вреда. Но удивительное дело: когда большевики засылают к нам своих агентов, считается, что это нормально. А вот когда мы укореняем какого-то своего человека, чтобы обмануть врагов, это почему-то считается предательством. Предательство — когда люди, включившиеся в игру с большевиками, действительно вредили нашей Организации. Но возьмём для примера Галасу. Он посылает свою жену за границу, а она там сразу всё рассказывает и этим срывает большевистские планы. А почему-то считают, что она предала. Ведь она предала именно большевиков, предала КГБ, планировавшее через неё навредить Организации. И если бы не произошли в стране политические изменения, Галасу за это обязательно расстреляли бы...

— Хочу спросить: были ли с вашей стороны обращения к повстанческим силам, ещё остававшимся в крае, чтобы прекратить борьбу, или что-то такое?

— Такие обращения были. Но я писал одно, а они дописывали то, что считали нужным. Продолжать подпольную борьбу в тех условиях было нецелесообразно. И я об этом говорил прямо. А когда они писали, что мы сотрудничали с немцами, это было враньё. Но посылать из-за границы людей и создавать здесь какие-то подпольные организации не было никакого смысла. И я считал, что этого делать не стоит. Когда уже появились шестидесятники, я встречался со Стусом и ему тоже говорил: «Не делайте никакой подпольной организации, потому что они вам туда зашлют провокаторов, и вас всех посадят в тюрьму. Лучше используйте ту конституционную позицию о праве «на самоопределе-

ние вплоть до отделения». Формально вы имеете право на такую работу...»

— До какого года продолжалась национально-освободительная борьба?

— Продолжалась до 1954 года. Ну, управляемая... А потом ещё продолжалась. В отдельных случаях — до конца 50-х годов. Были отдельные стычки. А в 60-е годы появилось движение шестидесятников, семидесятников, началась борьба за права человека и за права нации.

— А мне казалось, что где-то в 1952-м борьба уже совершенно прекратилась...

— Нет, борьба продолжалась. Только мы тогда её очень законспирировали и уже не демонстрировали своего присутствия.

— То есть это уже была сугубо подпольная борьба...

— Подпольная борьба. И продолжалась воспитательная работа, целью которой было расширение подпольной организации за счёт студентов, молодёжи, чтобы борьба не прекращалась. А когда не стало провода, способного что-либо делать, когда погибли все проводники и остался только я, хотел возродить подполье на Волыни. И там попал в руки КГБ. Но работа продолжалась и дальше: после смерти Сталина, уже во времена Хрущёва, она вылилась в движение шестидесятников, а потом — семидесятников. И уже после выхода из тюрьмы я налазил с ними контакты. Через них дальше проводилась работа уже в легальных формах.

Из спецсообщения С.Д. Игнатьева И.В. Сталину о борьбе с вооружённым подпольем на территории Западной Украины от 26 октября 1952 года: «Докладываю Вам, что в результате проведённых агентурных и войсковых мероприятий органами МГБ Украинской ССР за период с 1 сентября с.г. захвачено 84 и убито 175 участников вооружённых банд ОУН, арестовано 260 участников оуновского подполья

и их пособников, явилось с повинной 62 нелегала. Из числа захваченных 23 человека используются органами МГБ в мероприятиях по розыску и ликвидации главарей националистического подполья.

Всего с 1 августа после получения Ваших указаний об усилении борьбы с оуновским подпольем и его вооружёнными бандами захвачено 134 и убито 262 бандита, арестовано 520 участников оуновского подполья и их пособников.

В сентябре — октябре с.г. арестовано, убито и явилось с повинной 67 главарей националистического подполья, из них:

членов Краевого провода ОУН — 1;

членов окружных проводов — 4;

руководителей и членов надрайонных проводов — 10;

руководителей и членов районных проводов — 29;

главарей банд — 23.

Изъято: миномёт, 15 пулемётов, 133 автомата, 154 винтовки, 206 пистолетов, 159 гранат, 11 930 патронов, 11 пишущих машинок, 22 кг типографского шрифта и оуновская переписка.

В течение сентября — октября с.г. на территории западных областей Украины имело место 28 бандитских проявлений, в результате которых бандитами убито 15 советских граждан: председатель сельсовета, председатель колхоза, заместитель председателя колхоза, колхозник, рабочий, 3 служащих, местная жительница, 3 бойца охраны общественного порядка, солдат Советской Армии и 2 работника МГБ.

В ответ на бандитские проявления за это время, в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 4 октября 1948 года, произведено выселение в отдалённые районы Советского Союза 171 семьи националистов, бандитов и их пособников в количестве 617 человек.

Потери личного состава внутренней охраны и органов МГБ в столкновениях с бандитами составили 9 человек

убитыми и 8 человек ранеными...» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 4 ос. Оп. 9. Д. 24).

«Последними жертвами со стороны ОУН считаются нелегалы П. Пасичный и О. Цетнарский, убитые в ходе операции 12-го Рымникского отряда 14 апреля 1960 года возле хутора Лозы Пидгаецкого района Тернопольской области (хотя их деятельность — нападения на магазины и склады — больше походила на вооружённый бандитизм). П. Пасичный 12 октября 1959 года в лесу из дробовика застрелил 22-летнего лейтенанта Стороженко который стал официальной последней жертвой ОУН на территории СССР», — сообщает «Википедия (ОУН)».

А последним повстанцем назвал себя Илья Обершин, который провёл сорок лет на нелегальном положении и покинул лес только в 1991 году, после обретения Украинской независимости.

Оценивая весь период борьбы ОУН—УПА, можно сделать лишь один вывод: оуновцы под чутким руководством своих руководителей однозначно виноваты в геноциде украинского народа. Развязав в советской части Украины самую настоящую гражданскую войну, они посылали на верную смерть или на преступления самый цвет украинской нации. Большинство молодых украинских парней бессмысленно погибли в этой кровавой мясорубке. А сколько погибло совершенно ни в чём не повинных людей?

Как пишет Г.З. Санников, «за весь послевоенный период, вплоть до середины 50-х годов, в боях против вооружённого подполья погибли более 25 тысяч военнослужащих и сотрудников госбезопасности. Жертвами бандеровских боёвок стали более 30 тысяч мирных жителей из числа советских активистов на селе. Были случаи, когда оуновцы не просто расстреливали или вешали активистов, а для устрашения могли распороть живот беременной, отпилить голо-

ву, повесить за ноги, убить другим изощрённым способом. Применяя зверские казни, они хотели тем самым запутать селян, заставить их подчиниться своим требованиям...

Со своей стороны за это же время оуновцы потеряли более 60 тысяч убитыми. Это не считая захваченных раненых, которые после суда направлялись в лагеря или освобождались, в зависимости от степени своей вины. В отдалённые районы Севера, в Казахстан были выселены многие тысячи семей так называемых бандпособников в другие районы Украины, чтобы лишить повстанцев их родственной и материальной базы».

И пусть некоторые оуновцы были смелыми и мужественными людьми, тем не менее они верили в фашистскую идеологию, что собственно, и привело их к поражению. Ведь ОУН—УПА проиграла по всем параметрам, так как от фашистских методов в достижении независимости Украины ничего другого ожидать и не приходилось.

А разве могли победить те, кто говорил, приказывая: «Мы должны добиться, чтобы ни одно село не признавало советской власти. УПА должна действовать так, чтобы всех, кто её поддерживает, уничтожить... Я повторяю: не запугивать, а физически уничтожить. Не надо бояться, что люди осудят нашу жестокость. Мы должны уничтожить всех, кого заподозрим в связях с советской властью, а их семьи будем вырезать до третьего колена. Пускай из сорока миллионов украинцев останется половина — ничего страшного в этом нет». Эти слова принадлежат Роману Шухевичу...

Но ведь те из оуновцев, кто действительно был предан идее, до конца так и не знали подлинной истории Украины, чтобы попытаться решить её судьбу. Поэтому и саму идею они представляли себе весьма смутно. Так за что и за кого они отдали свои жизни? Во имя чего прошла их бессмысленная жизнь?

Глава 13

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ ИСТОРИИ

Сегодня не является секретом, что в 1945 году Лебедь вывез на Запад архив ОУН (б) и его печатные издания на Украине в 1941—1944 годах. Но прежде чем его передали в Гарвардский украинский исследовательский институт, данный архив был буквально вычищен при содействии западных спецслужб от антисемитских и пронацистских высказываний и лозунгов. И только потом он стал основой для множества научных и публицистических работ.

Одной из таких работ, считающейся наиболее масштабной, считается многотомное издание вышедшее в Канаде с семидесятых годов под названием «Летопись УПА».

«Аналогичная ситуация произошла и с «Актом о провозглашении создания Украинской державы» во главе с вождём С. Бандерой от 30 июня 1941 — в публикациях ОУН (б) (в отличие от ОУН (м) оно трансформировалось в «Акт восстановления Украинской державы», а разделы с упоминанием о её сотрудничестве с вождём Адольфом Гитлером и союзнической немецкой армией в установлении нового порядка в Европе и во всём мире, как и упоминание про вождя Бандеру, «выпали» при печати книги... Восстановление Украинского государства во Второй мировой войне... — сообщается в «Википедии» (УПА). — Опубликованной Украинской центральной информационной Службой в Лондоне в 1987 году... как и множества

других работ. Схожая «лёгкость рук» имела место и с датой появления детища ОУН (б) — УПА, она была перенесена на полгода назад, с весны 1943 г. на 14 октября 1942 г. Именно эту дату (несмотря на наличие Итогового отчёта Комиссии по деятельности ОУН—УПА Института истории АН Украины, опубликованного в 2004 году, в которой указывалось фактическое время появления данной формации) отмечала по указу президента Ющенко в 2007 году Украина».

Благодаря именно такому подходу к переписыванию истории у нынешних почитателей украинских националистов появилась возможность по-новому мифологизировать деятельность ОУН—УПА. Однако никакими мифами невозможно будет скрыть методы работы СБ — Службы безопасности УПА, которые приводили в содрогание даже тех, кто противостоял ей по долгу службы в СССР, будь то сотрудники госбезопасности или военнослужащие внутренних войск.

Достаточно известно примеров, как при ликвидации оуновцы применяли самые зверские способы уничтожения, нередко превосходящие по своей мерзости даже пытки Средневековья. А, учитывая, что УПА воевала абсолютно против всех, то есть бандеровцы не избегали и этнических чисток, вырезая тех же поляков целыми сёлами, облагородить их страшную историю уже не получится.

И если успехи УПА в борьбе с Советской Армией были не более чем скромными, то в кампании террора они старались, что называется, не покладая рук. Перечень их методов ликвидации вызывает по меньшей мере шок. Но знать их сегодня необходимо, по той простой причине, что это и есть то самое предостережение истории...

Только поэтому я привожу здесь далеко не полное собрание способов лишения жизни в муках, применяемых

бандеровцами к польским детям, женщинам и мужчинам. И, видимо, не только... Читать это можно далеко не всем, ведь мы с вами нормальные люди.

«1. Вбивание большого и толстого гвоздя в череп головы.

2. Сдирание с головы волос с кожей (скальпирование).

3. Нанесение удара обухом топора по черепу головы.

4. Нанесение удара обухом топора по лбу.

5. Вырезание на лбу «орла».

6. Вбивание штыка в висок головы.

7. Выковыривание одного глаза.

8. Выковыривание двух глаз.

9. Обрезание носа.

10. Насаживание младенца на вилы и выбрасывание его в пламя костра.

11. Срезание лезвиями кожи с лица.

12. Вбивание между рёбер дубовых кольев.

13. Вешание на колючей проволоке.

14. Сдирание с тела кожи и заливание раны чернилами, а также обливание её кипящей водой.

15. Прикрепление туловища к опоре и бросание в него ножей.

16. Связывание — сковывание рук колючей проволокой.

17. Нанесение смертельных ударов лопатой.

18. Прибивание рук к порогу жилища.

19. Волочение тела по земле за ноги, связанные верёвкой.

20. Прибивание маленьких детей вокруг толстого дерева, растущего у дороги, создавая, таким образом, так называемые венки.

В Толковом словаре русского языка «пытка» определена как «физическое насилие, истязание при допросе». Но бандеровцы частенько пытали людей, не допрашивая их.

То есть просто издевались самыми нечеловеческими методами.

Например, в древнейшие времена пытки применялись как средство наказания, устрашения и получения признаний. В Средние века широкое применение пыток было связано прежде всего с розыскной формой уголовного процесса. А вот в XX веке пытки вновь входят в широкое употребление в странах с тоталитарными, диктаторскими и прочими репрессивными режимами. При этом, как говорится в «Википедии», «их применение основывалось, как правило, уже не на законе, а на тайных приказах и инструкциях».

К слову, даже пытки, совершённые во время войны, считаются военным преступлением и были запрещены ещё в 1949 году Женевскими конвенциями...

А, как известно, любое преступление всегда и везде уголовно преследуется.

Но почему-то сегодня старики из ОУН—УПА считаются ветеранами, но никак не преступниками...

Глава 14

ПРОВОДНИК ОУН И ЧУЖЕСТРАНЕЦ

Юг Германии... Мюнхен... Это город на реке Изар, являющийся столицей Баварии и административного округа Верхняя Бавария. Теперь это ещё и «свободный город» и крупнейший город Германии после Берлина и Гамбурга.

Именно в пивной этого города в 1920 году была создана нацистская партия, а в 1923-м в Мюнхене произошёл «пивной путч», что дало право Гитлеру назвать этот город «столицей движения». Его движения. В 1933 году рядом с Мюнхеном был основан первый концлагерь в Дахау, здесь начинали свою карьеру видные деятели нацистской партии, здесь же в 1934 году в ходе «ночи длинных ножей» были убиты политические противники фюрера.

Так что случайным место жительства Степана Бандеры здесь никак не назовёшь.

«Его личный охранник Василий Шушко вспоминал, что во время послевоенной эмиграционной жизни только однажды он с Бандерой ночевал в гостинице, — пишет С. Липовецкий. — Во всех других поездках Бандера использовал палатку, которая постоянно находилась в их автомобиле, — проводник бережливо относился к кассе Организации, которая формировалась из пожертвований рядовых членов. Более того, семья Бандеры некоторое время проживала в Германии в лесу, в доме без электричества и других бытовых удобств, а детям необходимо было ежедневно прохо-

дять через лес шесть километров в школу. Семья Бандеры в то время жила под фамилией Попель, и дети, которые много слышали о Бандере, не знали, что это их отец».

Украинский историк В. Марченко несколько детализирует эту картину: «После войны семья С. Бандеры оказалась в зоне советской оккупации. Под вымышленными фамилиями родственники лидера ОУН были вынуждены скрываться от советских оккупационных властей и агентов КГБ. Некоторое время семья жила в лесу в уединённом домике, в маленькой комнате без электричества, в стеснённых условиях шестилетней Наталье приходилось ходить за шесть километров по лесу в школу. Семья недоедала, дети росли болезненными.

В 1948—1950 годах они под вымышленной фамилией жили в лагере для беженцев. Встречи с отцом были так редки, что дети даже забывали его. С начала 50-х годов мать с детьми поселилась в маленьком селе Брайтбрун. Здесь Степан мог бывать чаще, почти каждый день. Несмотря на занятость, отец уделял время для занятия с детьми украинским языком. Брат и сестра в 4—5-летнем возрасте уже умели читать и писать по-украински. С Наталкой Бандера занимался историей, географией и литературой. В 1954 году семья переехала в Мюнхен, где уже жил Степан».

Джугало Казимир Степан Иванович с 1956 года работал в ЗЧОУН в специальной группе К-3, референтом по связи с Краем. Педагог по образованию, он был на год старше Бандеры и в начале 60-х годов разочаровался в националистическом движении.

А ведь ещё в 1943-м он добровольно вступил в дивизию СС «Галичина» и с конца сороковых был председателем Организации украинцев в Австрии.

Вот что он расскажет в своём открытом письме, опубликованном в 1967 году: «Проводника я встречал почти еже-

дневно в бюро ЗЧОУН на Цеппелинштрассе, 67 (конечно, когда он был в Мюнхене). Он приезжал на «работу» на своей шикарной автомашине марки «Опель-капитан», тогда я и познакомился с ним. Бандера старался всегда быть важным, деловитым. Я слышал не одно его выступление перед членами Организации. Говорил он всегда одно и то же. О необходимости усиления диверсионной работы на Украине, о «деле», «поступке», о необходимости жертв. Не скрывал того факта, что финансовые расходы на заброску шпионов оплачивает БНД, более того, Бандера хвастал этим, видя в работе на родных землях, которая будет снабжать ценной информацией БНД. Работа на западногерманскую разведку не пятнает украинского националиста, подчёркивал Бандера и приказывал агентам, отправлявшимся на Украину, вербовать там надёжный элемент, переправлять доверенных ему людей за границу. Эти «парни с Украины» проходили бы в БНД специальное шпионское обучение и снова возвращались на родную землю. «О, это были бы настоящие, ценные агенты!» — восклицал «проводник», довольный своим «гениальным» планом. Рекомендовал также заниматься саботажем, убивать авторитетных советских граждан. Группе Ганяка цинично советовал пересылать в БНД надуманные, сфальсифицированные информации о заварухах, бунтах населения, сопротивлении и борьбе против советской власти в западных областях Украины...»

31 марта 1950 года Степан Бандера дал своё первое интервью западным журналистам. Как подчеркнут последние, место встречи и дорога к нему тщательно охранялись охраной. Название места в окрестности Мюнхена не было известно её участникам. И тем не менее интервью состоялось.

«— Какое вы занимаете положение?»

— Председатель провода организации украинских националистов.

— Какие цели преследует ОУН?

— Освобождение Украины, свержение состояния порабощения Украины большевистской Россией, восстановление независимости Украинского государства на украинской этнографической территории, уничтожение российского империализма, разделение СССР на самостоятельные национальные государства всех порабощённых Москвой народов.

— К какому государственному строю относится ОУН?

— К демократическому и социально справедливому. ОУН борется против большевистской диктатуры, против коммунистического общественного порабощения... В Украинском государстве украинский народ свободною волей должен решать сам о его государственном и общественном строе. Украинское государство заверяет свободное развитие всех участков жизни — религии, культуры, хозяйства, обеспечит всестороннюю личную свободу и справедливость всем гражданам Украины, свободу индивидуальной и сборной деятельности граждан на общественно-политическом, хозяйственном, культурном и других участках.

— Каким способом хотите достичь своих целей?

— Революционной, оружием-политической борьбой целого украинского народа в совместном противобольшевистском фронте с другими порабощёнными народами».

Достаточно сказать, что в этом интервью С. Бандеры весьма много надуманного, если не сказать, конкретной лжи. Например, его спрашивают: «— Когда, где и почему посадили вас немцы?»

Он отвечает, что после провозглашения Украинского государства. До 1943 г. держали в тюрьме гестапо в Берлине, а затем до сентября 1944 г. в концлагере.

Почему освободили? Бандера говорит, что освободили его, стараясь расположить его к себе. Но от сотрудничества он отказался и бежал из-под полицейского надзора в начале 1945 года.

Ещё один вопрос: «Украинский народ ожидает освобождения от войны между Америкой и СССР?»

Бандера и здесь лукавит, когда говорит, что рассчитывает на освобождение собственной борьбой, а война может лишь только помочь этому. Но реалии-то были как раз таки другими.

В этом же интервью он отрицает какую-либо связь с западными разведками. В частности, речь шла об американцах.

Но после завершения Второй мировой войны ОУН не только оказалась в зоне оккупации западных союзников, но прежде всего в сфере интересов спецслужб западных стран.

С официальным началом холодной войны в 1947 году их активность в эмигрантской среде при поддержке разведок США и Великобритании возрастает.

Более того уже с 1946 года в самой ОУН (б) назревает внутренний раскол между «ортодоксами» во главе со Степаной Бандерой и «реформистами» З. Матлы и Л. Ребета, который оформится в 1956 году, когда ОУН последних выделится в отдельную — третью организацию украинских националистов, после ОУН (м) и ОУН (б).

Вот что рассказал М. Бердник по этому поводу ветеран госбезопасности В.В. Чубенко: «— Дело в том, что те оуновцы, которые предвидели разгром фашистской Германии, заблаговременно готовили запасные пути. В 1944 г. на специальном сборе они создали УГВР... Они утверждали, что это вовсе не организация, подобная скомпрометированной ОУН, а такая себе институция, белая и пушистая, кото-

рая, по мнению создателей, сможет репрезентовать «воющую» Украину.

Разборки среди бандеровцев за границей привели к созданию оппозиции, которая направила свою деятельность против Бандеры как крайне скомпрометировавшей себя фигуры, а также против идеолога ОУН Дмитрия Донцова, слишком уж откровенного в своих симпатиях к фашизму. Эта оппозиция прикрылась названием УГВР, добавив ещё две буквы — ЗП, то есть, «закордонне представництво». Она намеревалась не только от обанкротившейся ОУН, но и начать наступление лично против Бандеры и дискредитировать его — и как политика, и как уголовного преступника...

— А как отреагировал Бандера на раскол возглавляемой им оппозиции?

— Исключением из ОУН Лебеда, Гриньоха, Ребета, Охримовича и угрожал физической расправой над ними. Он добавил к названию своей ОУН ещё две буквы — ЗЧ («закордонні частини»). С Бандерой остались самые близкие его подручные — Стецько, Пидгайный, Матвиейко и ряд других, менее значимых лиц.

Так к 1946 г. официально закончился очередной раскол в ОУН, в результате чего были созданы две враждующие между собой националистические организации — ЗЧ ОУН и ЗП УГВР, которые сразу же стали решать актуальный для них вопрос — поиск новых хозяев.

В зарубежной прессе они откровенно сознавались, что ранее связались с гитлеровскими банкротами, а теперь им надо ориентироваться на более влиятельные силы, в частности, на американскую разведку. (...)

— Ещё в 1945 г. Лебедь в Италии установил связи с американской разведкой. Наряду с этим член ЗП УГВР Врецьона по заданию Лебеда вёл переговоры с американски-

ми разведчиками в швейцарском Цюрихе. В июле 1945 г. делегация ЗП УГВР с участием Ивана Гриньоха и Романа Ильницкого дважды побывала на приёме у командующего оккупационными войсками в Западной Германии Эйзенхауэра. Во время бесед они предложили свои услуги в шпионской деятельности. В начале 1946-го один из католических кардиналов познакомил Лебедея и Гриньоха в Ватикане с сотрудником американской политической разведки Новаком. Во всех этих случаях представители ЗП УГВР просились в наймиты не с пустыми руками, а со сведениями военного, политического и экономического характера, которые были им переданы руководителями националистических банд из западных областей Украины.

Со временем интересующих американцев сведений стало не хватать и угэвэровцы передавали им вымышленные сообщения, выдавая их за вроде бы полученные от руководимого ими подполья на Украине, подчёркивая при этом, что ЗЧ ОУН, которую возглавляет Бандера, там влияния вообще не имеет. Так они стремились закрепить свои связи с американцами.

В 1950 г. американская разведка, которой крайне важна была информация о Советском Союзе и которая ещё не догадывалась, что её нагло дурачат, потребовала от руководителей ЗП УГВР более конкретной работы. Лебедю было предложено подобрать людей, чтобы после подготовки в разведшколе перебросить их на Украину для связи с националистическим подпольем и организации разведработы.

Это было именно то, о чём угэвэровцы могли только мечтать. Такая работа могла бы прежде всего укрепить их позиции как перед американцами, так и среди националистов за границей. Оставалось только подобрать людей и организовать разведшколу. И такая школа была создана. А вот

каким наукам там обучали, рассказал нам один из шпионов, задержанных на Украине: «Офицеры американской разведки Джон, Дейв, Джим, Том учили нас работать на радиостанции, стрелять из разных видов оружия, закладывать мины и осуществлять диверсии, фотографировать документы и военные объекты, рассказывали, каким способом собирать разведывательную информацию в Советском Союзе. На аэродроме возле Кауфбейрена нас учили прыгать с самолёта с парашютом».

Когда же группы разведчиков-диверсантов были подготовлены, возник вопрос — кого же первым из руководителей надо забросить на Украину, чтобы он смог выполнить несколько важных задач: установить связь с руководителем подполья Василием Куком... склонить его и всё подполье к работе на американскую разведку, подчинить всю ОУН ЗП УГВР. Словом, ЗП УГВР должна была вызвать к себе интерес американской разведки на долгие годы. (...)

19 мая 1951 г. Охримович, а с ним и группа, в состав которой входили радисты и разведчики, были выброшены из американского самолёта на территорию Украины на Ивано-Франковщине. Охримовичу удалось встретиться с Куком. Они проанализировали ситуацию, которая сложилась на Украине и за границей, обсудили задания, которые поставили перед ними ЗП УГВР и американская разведка. Примерно через полтора года Охримовича и всю его группу захватили наши органы безопасности».

«Надо было хорошо знать Бандеру, его стремление к вождизму, к ничем не ограниченной личной власти, к авантюризму, к жестокости в отношениях не только с врагами, чтобы так больно его ударить, — продолжает Владислав Васильевич. — В результате конфликт в оуновской среде, тлевший с середины 40-х годов, завершился ещё одним расколом в ОУН. Матла и Ребет создали новую организа-

цию — ОУН-з (ОУН за кордоном), сателлит ЗП УГВР. Формально её возглавил Ребет, но фактически руководил всё тот же Лебедь. Положение Бандеры заметно ухудшилось.

— А что же делали в этой ситуации Бандера, Стецько и их подельники?

— Шёл 1954 год... Вроде бы ещё вчера Ярослав Стецько со своими подручными ехал машиной немецкой разведки в обществе представителя абвера доктора Феля в баварский лес, чтобы возглавить отдел организованного Гиммлером отряда «Вервольф».

Вроде бы ещё вчера Гелен, чувствуя надвигающийся крах Третьего рейха и желая спастись, передавал английской и американской разведке свою антисоветскую агентуру, в том числе в проводе ОУН, штабе УПА — во главе с Бандерой, Стецько, Шухевичем, Лебедем и др.

Уже тогда этой публике не давали покоя заботы о новых хозяевах, более щедрых, чем немцы, и о подполье на Украине, без которого за границей ты никому не нужен. Естественно, все бросились к американцам, и Бандера со Стецько тоже прокладывали туда дорожку. Но куда спрячешь известные всему миру связи с фашистами (да ещё какие!), которые скомпрометировали всю ОУН и её «провідників». А с Бандерой вообще боялись иметь дело как с авантюристом и опасным человеком.

А тут ещё и советские представители потребовали от американцев выдачи лиц, сотрудничавших с фашистами. В такой ситуации Бандере было непросто решать свои проблемы. И всё же связь с разведкой, правда, не с американской, а с английской, ему удалось установить. Немало для этого сделал ближайший его сподвижник Ярослав Стецько, который до последнего вздоха Бандеры был его правой рукой, а после гибели заменил его на посту «провідника» ОУН. (...)

— Бандера вёл агентурную разведку в среде ЗП УГВР, знал про разведшколы и про направление работы ЗП Лебеда с американской разведкой. Их цели фактически совпадали с его же намерениями — заинтересовать собой разведку и в то же время оправдаться перед «українською спільнотою», мол, все эти связи с разведкой только на пользу Украине. А «спільнота» вспоминала, как уже однажды они возлагали надежды на фашистов и хорошо знали, в чьи карманы шла «польза» за проданные в шпионство украинские души.

Бандера очень заволновался. О задании, которое должен был выполнить посланный американцами Охримович, ему не надо было рассказывать. Он понимал: его опережают.

— Он что-то делал для того, чтобы изменить своё положение и доказать свою нужность?

— Конечно. Вскоре по согласованию с англичанами была создана группа, которую возглавил руководитель Службы безопасности ЗЧ ОУН Мирон Матвиейко (псевдо «Усмiх»), и началась её подготовка.

— Была ли у вас информация о том, как готовили диверсантов англичане?

— Методы подбора и процесс обучения в разведшколах американских и английских были почти одинаковыми. Так, один из засланных шпионов рассказал нам следующее. После войны он пребывал в лагере для «перемещённых лиц» в городе Траунштайн, где под воздействием сладких речей националистов о необходимости борьбы «за волю України» вступил в ОУН. К этому его подтолкнули воспоминания об оккупированной немцами Украине. Со временем он переехал в Англию, был разнорабочим. И там, как член ОУН, заполнил анкету, в которой одним из вопросов было: готов ли ты для организационной работы пойти на Украину? Следует заметить, что ОУН в Лондоне,

выполняя указание Бандеры, брала на учёт всех украинских эмигрантов, особенно членов ОУН, и подбирала из них кандидатов для разведки.

Потом этот парень нам рассказал, что от руководителя ОУН в Англии Григория Драбата (псевдо — Дніпровий) он получил приказ прибыть в Манчестер. Там его встретили оуновцы Рипецкий (псевдо — Борислав) и Мацив (псевдо — Богдан). «Они, ссылаясь на мою анкету, в которой я дал согласие идти в Край, потребовали от меня исполнения этого обязательства. При этом предупредили, что перед тем, как пойду на Украину, я должен пройти «відповідний вишкіл» в английской разведшколе. Спустя несколько дней в Лондоне меня познакомили с Богданом Пидгайным, более известным среди оуновцев по псевдо — Аскольд. Набрал в Англии целую группу, Пидгайный направил нас в сопровождении Богдана на английском самолёте в Западную Германию, в город Дюссельдорф. Оттуда нас перевезли в город Левенкузен, где на улице Миттельберг, 11 мы начали учиться в школе радистов английской разведки».

Потом эту группу снова перевезли в Лондон, где она продолжила обучение на Альбтон-стрит, 5, Холен-стрит, 3, в других местах. На аэродроме «Абингтон» возле Оксфорда проходили парашютную подготовку под руководством инструкторов Робертсона и Питера. С группой работали также другие разведчики — Рочестер, Чилтон и Бейли. Постоянно встречался с курсантами член провода ЗЧ ОУН Богдан Пидгайный, бывший унтерштурмфюрер дивизии СС «Галичина». Он занимался подбором людей в разведшколы, контролем их учёбы и засылкой на Украину. Пидгайный был личным представителем Бандеры в английской разведке.

«Несколько раз со мной встречался Степан Бандера, — рассказывал бывший шпион, — он убеждал меня, что толь-

ко в случае победы Запада в атомной войне можно будет создать независимую Украину, и что тогда провод ООН, имея в своём распоряжении материалы об Украине, сможет выступить перед западными государствами как какая-то сила».

После подробнейшего инструктажа относительно сбора развединформации группа была заброшена на Украину.

И всё же Бандере не удалось опередить Лебеда. Группа Матвиейко была заброшена на Украину почти одновременно с группой Охримовича. Они не помешали друг другу, потому что Матвиейко был захвачен нами сразу же после приземления. (...)

Группа приземлилась, им надо было связаться с Центром и доложить о прибытии. Мы подождали, пока они дали сигнал, что «прибыли благополучно, устраиваемся». Брать радиста нельзя, ведь существует масса условных сигналов для сообщения о работе под контролем. За два-три дня допросов он ничего не скажет. А нам было нужно, чтобы радист дал сигнал — «Приземлились благополучно». После этого мы берём целиком всю группу. Начали работать с Матвиейко и его радистом. Остальные боевики нас интересовали мало — они пошли под суд. (...)

— Он сразу же пошёл на контакт. Рассказал, что его подготовила английская разведка и забросила для установления связи с подпольем — организации здесь базы. Рассказал, что спор между бандеровцами ЗЧ ООН и лебедевцами ЗПУГВР колоссальный. И что главный вопрос стоял так: кому подчиняется подполье? Потому что без подполья они никому там не нужны. От Матвиейко мы узнали, что американские и английские разведчики говорили: «Слушайте, вы разберитесь там между собой, потому что мы просто не знаем, с кем из вас иметь дело».

Через какое-то время Бандера получает сообщение от уже подконтрольного нам Матвиейко, что тот успешно устроил свою базу на Львовщине, начал выполнение задания «приятелей», но для более активной работы ему нужны материальная помощь и получившие спецподготовку кадры. Матвиейко также информировал Бандеру, что он уже подбирает из членов Львовского провода кадры для получения соответствующей подготовки за границей.

Бандера чувствовал себя на седьмом небе и очень активно откликался на просьбы Матвиейко. Его поддержали «приятели», и потянулись на Украину к Матвиейко украинцы шпионы.

Как американцы, так и англичане часто посылать самолёты боялись, а потому подготовленные англичанами группы шли пешком через Чехословакию и Польшу или же переправлялись в Польшу на воздушном шаре, а дальше — пешком на Украину. Они несли деньги, рации, письма Бандеры, новые задания разведки и оставались в распоряжении Матвиейко. Надо ли говорить, что многих из них мы перевербовали, а тех, кто отказывался от сотрудничества, отдавали под суд.

Вспоминая события того времени, Матвиейко писал: «Бандера и Стецько знали, что никакого подполья на Украине уже нет, но решили послать меня на Украину для того, чтобы передать в ЗЧ ОУН ведомости о якобы существующем проводе ОУН на западноукраинских землях. Это, по мнению Бандеры и Стецько, дало им возможность манипулировать этой «информацией» перед иностранными разведками и получать за это деньги. Для меня было абсолютно ясно, что Бандера и Стецько приносят меня в жертву своим личным интересам и интересам капиталистических разведок, но, боясь расправы в случае отказа, я согласился выполнять их задания...»

— А как же асы английской разведки? Они не подозревали о том, что засланные ими агенты работают под контролем советских органов госбезопасности?

— Со временем английскую разведку перестала устраивать информация, которую предоставляла эта «группа подпольщиков». Англичане требовали разведанных о секретных объектах. Всё чаще возникал вопрос, действительно ли существуют на Украине оуновские базы? Этого Бандера боялся больше всего. Ведь истинное положение дел он знал не хуже остальных. Более того, были ситуации, из которых можно было однозначно сделать вывод о том, что Бандера знал, что Матвиейко его дурит. Но признать это Бандера не мог. И он вынужден был продолжать эту игру. Она была ему просто необходима, и он со страхом ожидал, чем всё это закончится. Знал, что когда-то придётся объяснять, куда девались большие деньги английской разведки, куда пропали диверсанты, подготовленные в разведшколе, да и вообще как так получилось, что английская разведка несколько лет ходила в дураках?»

Профессор Е.Ф. Безродный основной причиной раскола оуновского лагеря также называет «не какие-либо идеологические, идеологически программные или политические расхождения», а борьбу «за право быть единым репрезентантом «интересов Украины» перед иностранными разведками подобно тому, как основной причиной первого раскола оуновского лагеря была грызня за право репрезентации таких же «интересов» перед гитлеровцами».

В частности, он пишет: «28 декабря 1953 г. Бандера подписал соглашение с оппозицией под названием «План и некоторые уточнения деятельности временного руководства ЗЧ ОУН — база действия коллегии уполномоченных», которым Бандера фактически был отстранён от руководства ЗЧ ОУН. Всё это стало следствием того, что сама жизнь

показала бесперспективность террористической деятельности. Среди рядовых членов ОУН росло недовольство своим руководством, которое жило старыми представлениями и не вписывалось в новые реалии жизни. Падал авторитет С. Бандеры, в ОУН вызрел кризис. Дело дошло до того, что оппозицию возглавил заместитель Бандеры, руководитель службы безопасности Н. Лебедь. Бандеру и некоторых его сторонников открыто обвинили в том, в чём они в своё время обвиняли мельниковцев. Как отмечал один из авторитетов оуновского движения Лев Ребет, Бандера и Стецько «психологически не восприняли решений ОУН, которые вырабатывались в борьбе и труде во время их отсутствия. Окружение Бандеры сознательно неверно и демагогически определяло их как отклонение от программы ОУН в сторону большевизма. По линии отрицания политики и программы ОУН на Украине шло формирование эмигрантской группы С. Бандеры, ядро которой составляли люди, которые не были причастны к деятельности ОУН во время войны.

Положение в ОУН определил один из членов провода ОУН М. Матвиейко такими словами: «Уже давно не было тайной, что основной причиной раздоров, которые привели к расколу националистического лагеря, были не какие-то идеологически программные или политические различия: камнем преткновения была борьба за право стать первым и единственным представителем интересов Украины...»

Степан Бандера — это человек низкого роста, с большой лысиной на голове. Остаток своих волос он причёсывал набок. При его быстрой походке было заметно, как он «как бы тянет за собой довольно длинные руки».

Бандера был известен в своей среде ещё и как банальный бабник. Характерной чертой очевидцы называли «страсть хранить в своей квартире различные старые вещи (тряпки,

верёвки, банки и т.п.). Отъезжая из лагеря в Митенвальде, он забрал с собой полмашины старых, поношенных вещей, которые были выброшены выезжавшими в США членами организации». По рассказам жены Бандеры — Ярославлы, «сразу после капитуляции Германии он со своим помощником ходил по разбомбленным немецким квартирам, искал разного рода вещи, которые свозил к себе в дом».

СТЕПАН БАНДЕРА КАК БАБНИК...

«Дело доходило даже до скандалов, которые известны в широких кругах, — напишет Мирон Васильевич Матвиейко. — Много имеется женщин, оскорблённых им. Немало шума было о его романе с Марией Мыцык (жена Горбача).

Дошло до того, что жена ловила Бандеру «на горячем». Мыцык прямо заявила жене последнего, что она его любит, и жена Бандеры вынуждена была поставить перед ним вопрос — либо она, либо Мыцык. Роман Бандеры с Мыцык продолжается ещё с 1945 года, и ему в настоящее время не мешает то, что Мыцык вышла замуж за Горбача.

Бандера и сейчас, бывая в Мюнхене, заезжает почти каждый раз к Мыцык. Из-за этого у него дома бывают скандалы. Он часто избивает свою жену. Даже тогда, когда она была беременной, бил её ногами. Его жена — самая несчастливая женщина. Она не по своим годам выглядит старой, часто плачет. Временами создаётся впечатление, что она сумасшедшая. Об избиениях её Бандерой она сама рассказывала моей жене и другим.

Связной Бандеры Юрий неоднократно говорил моей жене, что такого подлого человека, как Бандера, он ещё нигде не встречал. Из-за этого Юрий покинул Бандеру. Перед этим его покинул (связной) Андриук, а адъютант Лебеда из-за Марии Мыцык стал смертельным врагом Бандеры. Од-

нажды жена Бандеры взяла к себе на квартиру для помощи девушку, но вскоре вынуждена была её отправить, ибо Бандера «добирался» до неё. От Пеленички мне известно, что Бандера вместе с ним ходил к проституткам. Бандера также пытался изнасиловать жену члена ОУН Михаила Баняса.

Как ранее я рассказывал, Баняс получил от меня задание, как руководителя СБ ОУН, организовать охрану Бандеры, обеспечить его квартирой и быть ему во всём помощником. Баняс вложил в это дело всю свою душу. Любые мелочи он улаживал всегда с большой преданностью. Когда жена Бандеры находилась в роддоме, Баняс направил свою жену, чтоб она присмотрела за двумя малолетними детьми Бандеры и готовила ему пищу. Бандера в первую же ночь пытался её изнасиловать. Жена Баняса оказала сопротивление, и он разбил ей лицо, в результате чего она окровавила не только себя, а Бандеру и постель.

На другой день Баняс пришёл на квартиру Бандеры и застал жену заплаканной. Она рассказала ему обо всём, и Баняс в первую минуту хотел застрелить Бандеру, однако того уже не было дома. Большие упрёки по этому вопросу Баняс делал и мне, так что пришлось достаточно долго его успокаивать. Кончилось всё это тем, что Баняс по моему поручению пошёл к Бандере и рассказал ему об этом. При этом Баняс заметил, что ему проводники ОУН советовали стрелять таких членов организации, которые не то что насилуют, а даже сманивают чужих жён.

Для Бандеры это явилось большой неприятностью, но это нисколько не изменило его характера. Баняс, а с ним и другие работники СБ, этим случаем были очень озлоблены. Этот факт, а также известный мне случай избиения им беременной жены унизили в моих глазах Бандеру. Атмосфера в его квартире невыносима из-за того, что между ним и женой бывают частые ссоры... Бандера закрывает свет

своей жене мелочностью и упрямством. Он вмешивается во все домашние дела, заглядывая в каждый горшок. Принуждает свою жену быть в хороших взаимоотношениях с Мыцк Марией, бывать у неё дома и даже приглашать к себе в гости...»

Степан Бандера как свинья по отношению к людям, которые его охраняют и обслуживают.

«Некоторые участники ОУН оставили работу у него буквально через несколько дней. Приведу такой пример с Шостаком. Он был назначен личным шофёром Бандеры. Однако через два дня от него ушёл, заявив своим непосредственным руководителям в проводе ОУН, что лучше умрёт от голода, но не будет работать у Бандеры.

Лица, которые находились при Бандере продолжительное время, как, например, шофёры Миклош и Шостак, ходили всегда голодные и оборванные. Бандера почти не давал им денег, в то время как взял на себя обязательство обеспечивать их денежным содержанием, не желая, чтобы зарплату им выплачивали их руководители. Они часто жаловались на Бандеру и даже вынуждены были просить у него для проезда на трамвае. Когда Бандера бывал в Мюнхене, он обычно обедал в ресторанах, а люди из его obsługi и охраны оставались голодными. Когда от Бандеры все бежали, я с трудом уговорил Пеленичку, чтобы он вернулся. Однако он выдержал возле Бандеры всего несколько месяцев, а затем ушёл от него».

СТЕПАН БАНДЕРА КАК БЕСПРИНЦИПНЫЙ ЧЕЛОВЕК...

«Он буквально трясётся над деньгами. С этим связана его несправедливость к людям. Если человек ему предан, то пусть он будет даже преступником, но Бандера будет его

защищать всеми силами и держать при себе. Ярким примером являются Николай Климишин и Евгений Горобач. Оба они являются финансовыми референтами ЗЧ ОУН, растратили или растранижили деньги Организации. Например, Климишин получил кассу в 5 миллионов немецких марок, а передал Горобачу через год только две тысячи марок. Я лично доложил Бандере доказательства о растрате Климишиным и Горобачём нескольких сот тысяч марок. Но всё же он их защитил и не привлекал к ответственности. На этой основе между мной и Бандерой доходило до ссор, но ничего я не мог сделать. Когда речь шла о Горобаче, то он всегда брал его под защиту, так как жена последнего, Мария являлась любовницей Бандеры».

СТЕПАН БАНДЕРА КАК ПРОВОДНИК...

«Даже по трупам своих наиболее близких друзей и работников старается удержаться во главе провода ОУН. Бандера — очень упорный и бесшабашный в проведении в жизнь своих планов и намерений. Этим самым иногда доводит Организацию до катастрофы. За допущенные ошибки людей наказывает. Однако сам он и его приближённые, особенно Стецько, Климишин и Горобач...допускают серьёзные ошибки. На работу в провод он подбирает таких людей, которые до конца ему преданы и автоматически голосуют за него во время выборов.

Бандера ненавидит людей с другими взглядами, скоро освобождает их от занимаемых важных должностей. Когда речь идёт о нём, то его противники или люди, в чём-то заподозренные, к нему доступа не имеют...

Бандера по настоянию Пидгайного не разрешал мне проверять подозрительных людей (связников, прибывавших из Западной Украины). Это делал только потому, что ему надо

было доказать американцам и англичанам о наличии своей связи с Краем...

Бандера как проводник использует организацию исключительно для своих целей. Он завёл Организацию при немцах до гестапо и абвера, а сейчас отдал для услуг английской разведке и торгуется за неё с американской разведкой... Бандера также связан со «вторым братом» Гитлера — испанским Франко. В этом его помощником является униатский епископ Иван Бучко...

Глава 15

УБИЙЦА И ЖЕРТВЫ

Не знаю, правда ли, но якобы на очередной конференции, когда Бандеру избрали проводником Организации, он ответил достаточно артистично: «Благодарю! Смертный приговор принимаю!»

При этом перманентная охота на лидера ОУН длилась целых пятнадцать лет. Как пишет Г.З. Санников: «Умный и расчётливый политик, умелый политический игрок с авантюрным уклоном, Бандера отлично понимал, что даже самый могучий деревенский бык не остановит паровоз, который всё равно раздавит его. Заведомо зная финал его идеологической несостоятельности в вооружённой борьбе за независимую и свободную от советской власти Украину, он постепенно превращался в политический труп и всё меньше интересовал наших западных противников. Политическая звезда Бандеры начала закатываться.

Решение о ликвидации Бандеры принималось высшими государственными инстанциями. Органы госбезопасности были только исполнителями приговора Верховного суда.

Решение инстанций о ликвидации руководителей ОУН принималось не только в отношении Бандеры. Так, должен был быть уничтожен и известный идеолог и теоретик украинского национализма Лев Ребет.

Попытки подхода к Бандере предпринимались ещё в конце 40-х годов. Но сделать это было сложно: Бандера был

крайне осторожен, усиленно охранялся Службой безопасности ОУН, имел при себе пистолет, с которым никогда не расставался. В Германии он проживал под другой фамилией, известной самому узкому кругу его сподвижников, поэтому установить местожительство и проследить за ним было крайне трудно».

Известно, что в 1947 году покушение на Бандеру готовил Ярослав Мороз. Он должен был совершить убийство, напоминающее сведение счётов в среде украинцев националистов, эмигрантов. Мороз был разоблачён СБ ОУН.

В 1948 году покушение на Бандеру готовил Владимир Стельмашук. Ему удалось выйти на след Бандеры. Но когда Стельмашук узнал о своём разоблачении СБ ОУН, то просто исчез. Были и другие агенты, завербованные госбезопасностью Советского Союза и другие попытки...

Богдан Сташинский родился в 1931 году в Борщовичах Львовской области. Ему было 19 лет, когда он, студент педагогического института, ехал «зайцем» на поезде во Львов, но был задержан, а потом и завербован.

Дело в том, что вся семья этого молодого человека имела большие заслуги перед УПА, сёстры обшивали упивцев, носили им еду в схроны. Во время польской оккупации дед Сташинского хату покрасил в жёлто-голубой цвет, за что от поляков досталось по первое число: все закрома их уничтожили, так что голодали всю зиму. Да что там, на Сташинских держалось село! У них в хате была читальня, они сельский хор организовали. Сёстры Мария и Ирина какими рукодельницами-искусницами были! (А. Харченко, со слов соседки и крестницы сестры Сташинского.)

Богдана до сих пор помнят на родине как доброго хлопца. «Дров наколет старикам соседям, воды с колодца принесёт... Умный был, к языкам способный, хоть и из простой семьи — отец плотничал, мать в колхозе работала».

А вот что рассказывает о Сташинском Г.З. Санников: «В 1950 году мы вплотную подвели нашу агентуру к близкому окружению Бандеры. Начало подготовки этой операции относится к 1951 году. Выбор пал на завербованного территориальными органами госбезопасности Львовской области Богдана Сташинского. К этому времени он успешно выполнил своё первое задание по розыску убийцы известного писателя-коммуниста Ярослава Галана...

Вскоре Сташинский выполнил ещё одно задание: он через родную сестру вошёл в доверие к её жениху — руководителю вооружённой группы оуновских повстанцев и ушёл к ним в лес, где находился некоторое время в составе этого отряда. По данным агента, группа была уничтожена. Под влиянием окружавшей его советской действительности в период учёбы в одном из вузов Львова, повышения общего благосостояния населения Западной Украины мировоззрение Сташинского постепенно менялось.

Переломный момент произошёл после того, как он стал свидетелем казни 12-летнего сельского мальчика, задушенного удавкой одним из командиров оуновского отряда только за то, что его родители открыто симпатизировали советской власти.

В последующем агент некоторое время находился в Москве, затем по фиктивным документам жил в ГДР, совершенствуя немецкий язык и выполняя разовые задания в качестве курьера и связника на территории ФРГ».

Первой жертвой Сташинского должен был стать Лев Ребет, он же Кил, 1912 года рождения. Украинский публицист и адвокат.

После окончания гимназии он учился на факультете права Львовского университета. С 1928 года член УВО, с 1934 года руководитель ОУН в г. Стрый, с 1935-го по 1938 год — региональный руководитель ОУН. В 1941 году

был заместителем Ярослава Стецько. После ареста и до 1944 года содержался в концлагере Освенцим.

С 1945 года в Мюнхене, руководитель ОУН.

Ведущий деятель ОУН еврейского происхождения, был автором многих научных трудов в политологии, социологии, права, а также считался идеологом украинского национализма.

Раскол в среде руководителей ОУН можно было усилить именно гибелью этого человека. Ведь в смерти Ребета тогда бы заподозрили бандеровцев, что в итоге и произошло. «Естественная» смерть Ребета могла только усилить подозрения и дразги...Этой цели и добивались в госбезопасности СССР. Тем более, Лев Ребет не был охраняем службой безопасности ОУН.

«Оружие, изготовленное в лаборатории КГБ, внешне напоминало трубочку длиной 18—20 сантиметров, диаметром 2 сантиметра, с пружиной для нажатия на одном из концов, — рассказывает Г.З. Санников. — Внутри трубочки находилась ампулка с синильной кислотой, разбиваемая и выталкиваемая поршнем под воздействием микропорохового заряда. Заряд синильной кислоты вылетал на расстояние до метра и направлялся в лицо или грудь человека. Выплеснувшаяся из трубочки синильная кислота превращалась в смертельные пары, вдыхание которых приводило к мгновенному сужению коронарных сосудов сердца, что вело к параличу сердца. Всё. Человек мёртв. Через короткое время сузившиеся сосуды приходили в первоначальное состояние, и никакая судмедэкспертиза не могла установить следов насильственной смерти.

Чтобы обезопасить себя, исполнитель за несколько часов до акции принимал специальную нейтрализующую таблетку, а после смертельного выстрела вдыхал из раздавленной в носовом платке ампулы пары другого нейтрализующего

вещества. Действие этого оружия демонстрировалось агенту специально прибывшим из Москвы в ГДР инструктором в лесу под Берлином на собаке».

Естественно, что задание убить человека стало для Сташинского неожиданным. Так как до сих пор этот «интеллигентный, способный, скорее, мягкий, от природы миролюбивый мужчина» ещё никого не убивал.

Но выбора у него не было, и он выполнил это задание, или, по-оуновски, «аттентат».

«На мюнхенской Карлсплац шумно и людно, — пишет П. Левицкий. — От площади Карла с её знаменитой пивной «Штахус» (святого Евстахия) начинается пешеходная зона, вдоль которой вплоть до живописной Мариенплац расположилось множество магазинчиков и торговых центров, пивных ресторанов и сувенирных киосков. Весёлые компании, спеша к центру развлечений, проходят неприметный подъезд дома № 8 в нише между двумя магазинами. На дверях — кодовый замок, но при желании войти несложно — корреспонденты легко проникли внутрь следом за местными жителями. 12 октября 1957-го также легко сюда вошёл агент КГБ Богдан Сташинский, поднялся на этаж вверх и остановился на площадке, нервозно сжимая в руке газету.

За 52 года на Карсплац, 8, почти ничего не изменилось, разве что тогда здесь дребезжали трамваи, на одном из которых к редакции газеты «Украинский самостийник» приехал Лев Ребет — её редактор, профессор Украинского свободного университета, ведущий теоретик украинского национализма, руководитель отколотой от бандеровского крыла ОУН организации «двойкарей». Быстро поднимаясь лестницей, он вряд ли обратил внимание на не известного ему мужчину, который спускался навстречу. И вряд ли успел понять, почему лестница вдруг стремительно поплыла под ногами.

За мгновение незнакомец вышел на улицу... Лев Ребет остался лежать на лестнице. Медики, приехав на вызов, констатировали естественную смерть: ничто не давало сомневаться, потому что крепкий 45-летний мужчина умер от сердечной недостаточности. На микроскопические скалки стекла, которые поблескивали на его лице, внимания никто не обратил».

Почти через два года, летом 1959-го, Сташинский вновь появился в Мюнхене. Теперь он получил задание ликвидировать самого Бандеру. К этому времени охрана последнего была ослаблена и сопровождала его не всегда. Было усовершенствовано и оружие аттентата: состояло из двух трубочек.

А что Степан Бандера, он же «хитрый лис», он же Штефан Поппель?

Как утверждают В. Абрамов и А. Харченко, «...на то время он уже почти не прятался: ездил на тёмно-синем «Опеле», иногда посещал по воскресеньям эмигрантскую Грекокатолическую церковь и заезжал к любовнице. Адрес Поппеля — Крейтмайрштрассе, 7, — Сташинский нашёл просто, через телефонный справочник. Впервые живъём он увидел его во время панихиды на могиле полковника УПА Евгения Коновальца в Роттердаме. Затем в течение девяти месяцев киллер четырежды ездил в Мюнхен, выслеживая Бандеру. Двери в доме, где он жил, всегда были закрыты, а проскочить вслед за входящим жильцом было рискованно. Открыть двери отмычкой не удалось, при этом кусочек отломался и упал в замочную скважину (что позже стало одним из доказательств против Сташинского). Тогда с помощью слепка ему изготовили набор ключей для подъезда.

Первый шанс убить Бандеру, когда тот возвращался домой без охранника, он упустил — у Сташинского сдали не-

рвы. Задание он выполнил со второй попытки, когда Бандера вновь отпустил охранника (15 октября 1959 года. — *Примеч. автора*).

Поджидавший его в подъезде Сташинский выбрал момент, когда руки Бандеры были заняты — в одной он держал пакет с купленными на рынке помидорами, а другой открывал ключами дверь квартиры. Убийца поднял завернутое в газету оружие, выстрелил из стволов прямо в лицо Бандере. Он тут же выскочил из подъезда, выкинул пистолет в ров, и покинул Мюнхен. Соседи нашли окровавленного, но ещё живого Бандеру на лестничной клетке. Лицо у него пошло чёрными и синими пятнами. Он умер по дороге в больницу. В этот раз яд не сработал мгновенно и не успел испариться. Вскрытие показало, что предводитель националистов был отравлен цианистым калием. Его похоронили на кладбище Вальдфридгоф».

По авторитетному утверждению Г.З. Санникова, смерть Бандеры вызвала в среде националистов неоднозначное мнение.

«Я в то время работал в Германии под прикрытием сопосольства в ГДР и хорошо помню описание событий в западной и советской прессе. Существовало две версии. Первая — самоубийство, так как на губах Бандеры судмедэксперты обнаружили мельчайшие осколки тонкого стекла, а в желудке — следы синильной кислоты. Медики утверждали, что Бандера мог принять яд. По другой версии — это была насильственная смерть, наступившая мгновенно от того, что кто-то смог запихнуть в рот жертвы ампулу с ядом. Эта версия имела слабые основания, так как не было обнаружено следов сопротивления.

В нашей печати появилось несколько сообщений о смерти Бандеры, которого «убрала» западногерманская Федеральная служба разведки (БНД), возглавляющаяся

генералом Геленом. Присовокупили сюда и федерального министра Оберлендера, скрывавшего свою причастность к украинскому батальону «Нахтигаль», о делах которого слишком много знал Бандера».

За ликвидацию Ребета КГБ наградило Сташинского фотоаппаратом «Контакс», а за ликвидацию Бандеры закрытым указом Президиума Верховного Совета СССР — орденом Красного Знамени.

Дальнейшая судьба Сташинского интересна совершенно непредсказуемым крутым поворотом, о котором лучше, чем Г.З. Санников, наверно, уже никто не расскажет.

«В 1960 году в ГДР, где Сташинский готовился к работе в условиях Западной Германии, он познакомился с гражданкой ГДР некой Ингой Поль, работавшей в Западном Берлине. Кстати, в Западном Берлине до постройки Стены в 1961 году работали многие немцы из Восточного Берлина — столицы ГДР.

Проверка этой женщины показала, что она настроена антисоциалистически. Сотрудники, у которых агент находился на связи, пытались отговорить Сташинского от встреч с Поль, но он влюбился в неё и просил разрешения на брак, утверждая, что сумеет оказать нужное для работы с нами влияние и обеспечит идеологическое перевоспитание.

Разрешение на брак с немкой дал А.Н. Шелепин. Сташинский имел тогда советские документы на имя Крылова. Вскоре супруги Крыловы выехали в Москву, и их постепенно начали готовить к работе на Западе. Однако выяснилось, что мы имеем дело с антисоветски настроенной Поль. Более того, она духовно была сильнее мужа, и не он, а она оказывала на него прозападное влияние. От использования супругов в работе в качестве советских нелегалов решили отказаться.

Беременная Польша уехала рожать ребёнка в Берлин весной 1961 года, а в начале августа того же года ребёнок умер, и руководство КГБ разрешило выезд Сташинского в ГДР, совершив тем самым роковую ошибку.

Сопровождал Сташинского опытный куратор агента, подполковник Александров Юрий Николаевич, ранее работавший в Берлине. Мне позже рассказывали о резолюции на одном из рапортов по вопросу выезда Сташинского в Берлин из Москвы, сделанной генералом Александром Михайловичем Коротковым, в то время заместителем начальника советской разведки: «Сташинского на Запад выпускать нельзя. Следует создать ему все условия для жизни, построить дачу в любой части Советского Союза по его желанию».

К сожалению, генерал Коротков умер в июне 1961 года. Уверен, что, будь он жив, Сташинский из Союза никогда бы не выехал в ближайшие несколько десятилетий...

Работавший в то время в ГДР разведчик, занимавшийся разработкой украинской эмиграции, некто А.С., фамилии которого и сегодня я не назову, хорошо знавший Сташинского во время его подготовки к ликвидации Ребета и Бандеры и лично участвовавший в этой работе, высказал обоснованное сомнение в искренности и надёжности агента, в особенности после женитьбы его на Инге Польша.

А.С. устно доложил свои сомнения одному из руководителей аппарата КГБ в Берлине и просил организовать усиленную охрану супругов, обеспечив надёжное негласное наружное наблюдение.

Принимавший устный доклад А.С. генерал сослался на мнение Александрова, который был абсолютно уверен в преданности органам КГБ Сташинского и не допускал мысли о возможной измене.

12 августа 1961 года, в день похорон ребёнка, супруги Сташинские скрытно оставили дом родителей жены недалеко от Берлина и выехали в Западный Берлин, где в полицейском участке заявили о бегстве из ГДР по политическим мотивам. Немецкая полиция сразу же передала супругов американцам.

В те дни только самый узкий круг лиц из высшего руководства ГДР и Москвы знал о предстоящем перекрытии секторальных границ в Берлине, что и произошло в ночь с 12 на 13 августа, с субботы на воскресенье, 1961 года. Находившиеся на похоронах ребёнка сотрудники КГБ недоумевали по поводу отсутствия родителей.

В конце дня 13 августа 1961 года стало ясно, что Сташинские ушли на Запад. Все те, кто знал, какие задания выполнял агент в 1957 и 1959 годах в Мюнхене и что может произойти, если Сташинский заговорит, пришли в шоковое состояние.

Как и следовало ожидать, Сташинский заговорил. Его заявление западным властям о том, что он агент КГБ и по заданию советской госбезопасности ликвидировал известных украинских политических эмигрантов Ребета и Бандеру, показалось американцам вначале неправдоподобным. Лишь убедившись по предъявленным документам и рассказам Сташинского, что всё это правда, они передали агента немцам, чтобы через немецкий Федеральный суд развернуть широкую антисоветскую кампанию».

Судебный процесс над Богданом Сташинским освещали мировые СМИ. Благодаря сотрудничеству с ЦРУ из восьми лет тюрьмы он отсидел половину срока. После освобождения получил новые документы и выехал в США. Говорят, что Сташинский сделал пластическую операцию и безбедно проживает в Южной Африке...

Зато политические потери СССР, в том числе КГБ, из-за предательства Сташинского были невероятно велики.

«Оценки трагических событий осени 1959 года с позиций сегодняшнего дня выглядят иными, да и сама акция не достигла результата, — размышляет Г.З. Санников. — Скорее, наоборот — она принесла обратное...

Дело в том, что когда принималось решение о ликвидации Бандеры, вооружённая борьба с бандеровским подпольем была в разгаре. Через несколько лет сопротивление подполья, особенно после 1950 года, резко пошло на убыль. Спустя ещё несколько лет Бандера и его ближайшее окружение уже не воспринимались западными покровителями в качестве солидных партнёров по работе против Советского Союза. Авторитет самого Бандеры также стал падать. И не только у западных спецслужб, но и среди руководящих членов ОУН, украинской эмиграции.

Бандеру радовала каждая газетная или журнальная статья в советских изданиях о проявлениях украинского национализма. Он буквально бежал к своим хозяевам, доказывая, что дело его продолжает жить, что с ним Советы ещё считаются и его боятся. Он радовался каждому судебному процессу над украинскими националистами, которые время от времени проходили в Западной Украине. «Вот видите, — обращался он к своим западным друзьям, — опять они говорят обо мне».

Политический престиж Бандеры падал с каждым днём. Смерть Ребета прошла незаметно — рядовой случай.

За год до приведения приговора в исполнение украинские чекисты докладывали Москве об изменившейся обстановке вокруг Бандеры, о всё усиливающихся разногласиях в руководстве зарубежной ОУН, виновником которых зачастую бывал Бандера, о грызне среди лидеров, о нали-

чии в руководстве разных мнений о способах и средствах ведения борьбы против Советского Союза, о расколе руководства, о падении авторитета Бандеры.

Украинские чекисты в связи с этим ставили вопрос о возможной отмене этой операции, так как смерть Бандеры, по их мнению, могла способствовать политической консолидации оуновских зарубежных центров. Москва не соглашалась с мнением Киева. Я уверен, определённую роль сыграл и чисто человеческий фактор: кому не хочется получить правительственную награду или повышение по службе? Тем более всё было готово для осуществления акции.

...Похороны Бандеры вылились в мощную демонстрацию единства и сплочённости зарубежных украинских националистов. Смерть Бандеры консолидировала враждебные Советскому Союзу силы в среде украинской эмиграции. Спустя два года ещё больший удар советскому престижу был нанесён предательством Сташинского.

Заслуженной карой, актом возмездия — казнью Бандеры мы невольно способствовали реанимации уже начинающего разлагаться политического трупа, воскрешая идеологию «бандеровщины». Украинская эмигрантская пресса писала в те дни: «Бандера умер, но дух его живёт». Он превратился с нашей помощью в националистического Иисуса Христа».

И тем не менее, как признался последний председатель КГБ СССР В. Крючков, убийство Степана Бандеры было «одним из последних устранений КГБ насильственными методами нежелательных элементов».

Во время суда над Сташинским старшая дочь Бандеры Наталья сказала: «Мой незабываемый отец воспитал нас в любви к Богу и Украине. Он был глубоко верующим христианином и погиб за Бога и независимую свободную

Украину — за свободу всего мира. Мой блаженной памяти отец, который олицетворял этот великий идеал, останется путеводной звездой всей моей жизни, также жизни моего брата и моей сестры и украинской молодёжи». Что ж, о покойнике либо хорошо, либо ничего.

Боялся ли он Бога? Неизвестно. Вот только вера его не могла быть искренней. Ибо как можно совместить в одной жизни веру в Бога и кровавую мясорубку главаря банды?

Глава 16

СТЕПАН БАНДЕРА

И УКРАИНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ

В. Абрамов и В. Харченко рассказывают: «Память о Степане Бандере живёт на Украине в самых разных формах. На Тернопольщине организовали «бандеровский лагерь», где молодёжь жила в схронах (землянках) и пела песни о врагах-москалях. Во Львове школьники играли «в бандеру» во время квеста «Бандерзнай». «В одном туре мы расшифровали «морзянку» — псевдоним Бандеры: Бый-лыхо (бей беду), — гордится школьница Ира Неведомая. — А ещё у него был псевдоним «баба» (это с тюркского — отец)». А мастер из Черновцов Виталий Попов сделал тату-портрет героя националистов для одного из клиентов. Сейчас подумывает о том, чтобы увековечить Бандеру и на своём теле».

Что ж, бум увековечения памяти этого лидера ОУН начался примерно в канун так называемого 65-летия создания УПА. Во Львове были открыты площадь его имени и памятник. (Памятник был открыт 13 октября 2007 года и круглосуточно наблюдается нарядом милиции. Первые памятники Бандере в его родном селе Старый Угринов, устанавливавшиеся в 1990-м и 1991 г., были взорваны неизвестными.) В его честь стали называть улицы в городах и населённых пунктах Львовской области. И, скорее всего, потому, что среди приверженцев то ли идей ОУН, то ли са-

мой фигуры её вождя, оказался теперь уже бывший президент Украины В. Ющенко.

Так израильский автор Ю. Вильнер пишет: «Виктор Ющенко с самого начала своей публичной политической карьеры декларировал особый взгляд на историю Второй мировой войны, не скрывая своих симпатий к националистическим формированиям ОУН—УПА, и не делал особой разницы между советскими солдатами и гитлеровцами».

Но именно таким образом, один-единственный президент одной-единственной страны на всей планете попытался перечеркнуть однозначный вердикт не только истории, но и Международного трибунала в Нюрберге, который по праву закона осудил не только главарей гитлеровской Германии, но и всех их приспешников, в том числе и вооружённые формирования националистов.

В сущности, через Бандеру, ОУН и УПА всей Украине звучит угроза фашизма. Отсюда рождение новых мифов и мифологий. Но всё это имеет под собой одну-единственную почву — тот самый «украинский национализм»!

Ведь все фашистские партии были ориентированы крайне националистически. При этом большей частью они ориентировались на определённые «славные» периоды соответствующей национальной истории. Однако «славные» периоды — не что иное, как пропагандистские приёмы. Реабилитация Бандеры, ОУН и УПА — из этой же серии.

Как пишет канадский учёный В. Полищук, «через ряды вооружённых формирований ОУН Бандеры прошли не более 100 тысяч человек, а это не более чем 0,3 % украинского народа. От этого числа обязательно следует отнять тех украинцев, которые путём террора были привлечены к ОУН—УПА. Выйдет тогда, что виновными в преступлениях против польского и украинского населения были силы

ОУН Бандеры, которые составляли приблизительно 0,15 % украинского народа. За это количество преступников не может нести ответственность украинский народ! Это преступное формирование в виде ОУН—УПА—СБ следует осудить, чтобы снять с украинского народа клеймо народоубийцы. Без осуждения известных по документам преступников стереотип «украинца резника» неоправданно будет существовать среди соседей украинцев. Способны ли это понять сознательные и несознательные защитники преступных формирований ОУН Бандеры?».

20 января 2010 года указом Президента Украины № 46/2010 С. Бандере было присвоено звание «Герой Украины» («За несокрушимость духа в отстаивании национальной идеи»).

В отличие, например, от Д. Донцова Степан Бандера не был ни гениальным теоретиком. Не был он ни гениальным стратегом. Его можно назвать всего лишь идейным руководителем ОУН. По крайней мере, «велосипеда» он не избрёл.

Достоверно установлено, что основание теории украинского национализма было заложено в «Книге бытия украинского народа», написанной членами Кирилло-Мефодиевского общества, к которому, в частности, принадлежали Николай Костомаров и Тарас Шевченко.

Однажды мне несказанно повезло взять в свои руки книгу «Происхождение украинского сепаратизма», автором которой является человек удивительной судьбы, Николай Иванович Ульянов (1904—1985).

Ленинградский учёный был арестован в 1936 году, затем под Вязьмой вместе с другими попал в плен. А осенью 1943 года был вывезен на принудительные работы в Германию. После окончания Второй мировой войны Ульянов меняет страны и города, в конце концов переезжает в Канаду.

Работа над «Происхождением украинского сепаратизма» заняла более пятнадцати лет жизни её автора и центральное место в его исторических изысканиях. Более того, эта монография, не имеющая себе равных в освещении предмета исследования, не смогла быть опубликована в США. Её впервые набрали и отпечатали в Мадриде на личные средства автора. А впоследствии обнаружилось, что большая часть тиража была скуплена заинтересованными лицами и уничтожена, став библиографической редкостью.

Давайте только вдумаемся в то, о чём достаточно убедительно говорит всем нам историк Н.И. Ульянов: «Особенность украинского самостийничества в том, что оно ни под какие из существующих учений о национальных движениях не подходит и никакими «железными» законами не объяснимо. Даже национального угнетения, как первого и самого необходимого оправдания для своего возникновения, у него нет. Единственный образец «угнетения» — указы 1863 и 1876 гг., ограничившие свободу печати на новом, искусственно создававшемся литературном языке, не воспринимались населением как национальное преследование. Не только простой народ, не имевший касательства к созданию этого языка, но и девяносто девять процентов просвещённого малороссийского общества состояло из противников его легализации. Только ничтожная кучка интеллигентов, не выражавшая никогда чаяний большинства народа, сделала его своим политическим знаменем. За все 300 лет пребывания в составе Российского государства, Малороссия-Украина не была ни колонией, ни «порабощённой народностью»».

Когда-то считалось само собой разумеющимся, что национальная сущность народа лучше всего выражается той партией, что стоит во главе националистического движения.

Ныне украинское самостийничество даёт образец величайшей ненависти ко всем наиболее чтимым и наиболее древним традициям и культурным ценностям малороссийского народа: оно подвергло гонению церковнославянский язык, утвердившийся на Руси со времён принятия христианства, и ещё более жестокое гонение воздвигнуто на общерусский литературный язык, лежавший в течение тысячи лет в основе письменности всех частей Киевского Государства, во время и после его существования. Самостийники меняют культурно-историческую терминологию, меняют традиционные оценки героев и событий прошлого. Всё это означает не понимание и не утверждение, а искоренение национальной души. Истинно национальное чувство приносится в жертву сочинённому партийному национализму.

Схема развития всякого сепаратизма такова: сначала якобы пробуждается «национальное чувство», потом оно растёт и крепнет, пока не приводит к мысли об отделении от прежнего государства и создании нового. На Украине этот цикл совершается в обратном направлении. Там сначала обнаружилось стремление к отделению и лишь потом стала создаваться идейная основа как оправдание такого стремления.

В заглавии настоящей работы не случайно употреблено слово «сепаратизм» вместо «национализма». Именно национальной базы не хватало украинскому самостийничеству во все времена. Оно всегда выглядело движением не народным, не национальным, вследствие чего страдало комплексом неполноценности и до сих пор не может выйти из стадии самоутверждения. Если для грузин, армян, узбеков этой проблемы не существует по причине ярко выраженного их национального облика, то для украинских самостийников главной заботой всё ещё остаётся доказать отличие украинца от русского. Сепаратистская мысль до

сих пор работает над созданием антропологических, этнографических и лингвистических теорий, долженствующих лишить русских и украинцев какой бы то ни было степени родства между собой. Сначала их объявили «двумя русскими народностями» (Костомаров), потом — двумя разными славянскими народами, а позже возникли теории, по которым славянское происхождение оставлено только за украинцами, русские же отнесены к монголам, к туркам, к азиатам».

Отцами украинской доктрины Н.И. Ульянов называет поляков. «Она заложена ими ещё в эпоху гетманщины. Но и в новые времена их творчество очень велико. Так, само употребление слов «Украина» и «украинцы» впервые в литературе стало насаждаться ими. Оно встречается уже в сочинениях графа Яна Потоцкого. Другой поляк, гр. Фаддей Чацкий, тогда же вступает на путь расового толкования термина «украинец». Если старинные польские анналисты, вроде Самуила Грондского, ещё в XVII веке выводили этот термин из географического положения Малой Руси... (...)»

Поляков не устраивали ни «Малороссия», ни «Малая Русь». Примириться с ними они могли бы в том случае, если бы слово «Русь» не распространилась на «москалей».

Внедрение «Украины» началось ещё при Александре I, когда, ополчив Киев, покрывши весь правобережный юго-запад России густой сетью своих поветовых школ, основав польский университет в Вильно и прибрав к рукам открывшийся в 1804 году Харьковский университет, поляки почувствовали себя хозяевами умственной жизни малороссийского края.

Хорошо известна роль польского кружка в Харьковском университете в смысле пропаганды малороссийского наречия как литературного языка. Украинскому юношеству внушалась мысль о чуждости общерусского литературного

языка, общерусской культуры, и, конечно, не забыта была идея нерусского происхождения украинцев. (...)

Польская заинтересованность в украинском сепаратизме лучше всего изложена историком Валерианом Калинкой, понявшим бессмысленность мечтаний о возвращении юга России под польское владычество. Край этот потерян для Польши, но надо сделать так, чтобы он был потерян и для России. Для этого нет лучшего средства, чем поселение розни между южной и северной Русью и пропаганда идеи их национальной обособленности. В этом же духе составлена и программа Людвиг Мерославского накануне польского восстания 1863 года.(...)

Не менее интересный документ опубликован В.Л. Бурцевым 27 сентября 1917 г., в газете «Общее Дело» в Петрограде. Он представляет записку, найденную среди бумаг секретного архива примаса униатской церкви А. Шептицкого, после занятия Львова русскими войсками.

Записка составлена в начале Первой мировой войны, в преддверии победоносного вступления австро-венгерской армии на территорию русской Украины. Она содержала несколько предложений австрийскому правительству на предмет освоения и отторжения от России этого края. Намечалась широкая программа мероприятий военного, правового, церковного порядка, давались советы по части учреждения гетманства, формирования сепаратистски настроенных элементов среди украинцев, придания местному национализму казацкой формы и, «возможно полного отделения украинской церкви от русской».

Пикантность записки заключается в её авторстве. Андрей Шептицкий, чьим именем она подписана, был польский граф, младший брат будущего военного министра в правительстве Пилсудского. Начав свою карьеру австрийским кавалерийским офицером, он впоследствии

принял монашество, сделался иезуитом и с 1901-го по 1944 г. занимал кафедру львовского митрополита. Всё время своего пребывания на этом посту он неустанно служил делу отторжения Украины от России под видом её национальной автономии. Деятельность его, в этом смысле один из образцов воплощения польской программы на востоке.

Программа эта начала складываться сразу же после разделов. Поляки взяли на себя роль акушерки при родах украинского национализма и няньки при его воспитании. Они достигли того, что малороссийские националисты, несмотря на застарелые антипатии к Польше, сделались усердными их учениками. Польский национализм стал образцом для самого мелочного подражания, вплоть до того, что сочинённый П.П. Чубинским гимн «Ще не вмерла Украина» был неприкрытым подражанием польскому «Ещё Польша не сгинела».

При этом Ульянов отмечает: «Поляки могли питать и взращивать эмбрион сепаратизма, самый же эмбрион существовал в недрах украинского общества».

О превратном толковании истории Украины в пользу сепаратизма говорит и такой факт: «В 1861 г. возникла идея печатания официальных государственных документов по-малороссийски, и первым таким опытом должен был быть Манифест 19 февраля об освобождении крестьян. Инициатива исходила от П. Кулиша и была положительно встречена на верхах. 15 марта 1861 г. последовало высочайшее разрешение на перевод. Но когда перевод был сделан и через месяц представлен на утверждение Государственного совета, его не сочли возможным принять. (...)

Теперь, при переводе манифеста, сказалось полное отсутствие в малороссийском языке государственно-политической терминологии. Украинофильской элите пришлось

спешно её сочинять. Сочиняли путём введения полонизмов или коверканья русских слов. В результате получилось не только языковое уродство, но и совсем не понятный малороссийскому крестьянину текст, по крайней мере менее понятный, чем обычный русский. Напечатанный впоследствии в «Киевской Старине», он служил материалом для юмористики».

К слову сказать, никакого малороссийского или украинского языка не было. Был лишь русский язык, испорченный влиянием на него Польши. Но продолжим: «С конца 70-х годов Львов становится штаб-квартирой движения, а характер украинизма определяется галичанами. Здесь выдаются патенты на истинное украинофильство и здесь вырабатывается кодекс поведения всякого, кто хочет трудиться на ниве национального освобождения. Широко пропагандируется идея национального тождества между галичанами и украинцами; Галицию начинают именовать не иначе, как Украиной. Сейчас благодаря советской власти это имя столь прочно вошло в употребление, что только историки знают о незаконности такого присвоения. Если на самой Украине оно возникло лишь в конце XVI — начале XVII века и до самого 1917 г. жило на положении прозвища, не имея надежды вытеснить историческое имя Малороссии, то в Галиции ни народ, ни власти слыхом не слыхивали про Украину. Именованье её так начала кучка интеллигентов в конце XIX века.

Несмотря на все её усилия, «Украина» и «украинец» дальше страниц партийной прессы не распространялись. Было ясно, что без чьей-то мощной поддержки чужое имя не привьётся. Возникла мысль ввести его государственным путём. У кого она возникла раньше, у галицких украинофилов или у австрийских чиновников — трудно сказать. Впервые термин «украинский» употреблён был в письме

императора Франца Иосифа от 5 июня 1912 г. парламентскому русинскому клубу в Вене. (...)

Только в глухой Буковине, откуда вести не проникали в широкий мир, завели примерно с 1911 г. обычай требовать от русских богословов, кончавших семинарию, письменного обязательства: «Заявляю, что отрекаюсь от русской народности, что отныне не буду называть себя русским, лишь украинцем и только украинцем». Священникам, не подписавшим такого документа, не давали прихода».

«Утвердили и узаконили за Галицией название Украины большевики в 1939 г., после раздела Польши между Сталиным и Гитлером. Они ещё задолго до захвата Галиции начали именовать её «Западной Украиной», что оказалось чрезвычайно с точки зрения последовавшего «воссоединения».

Но не только по именам, а и по крови, по вере, по культуре Галиция и Украина менее близки между собой, чем Украина и Белоруссия, чем Украина и Великоруссия. Из всех частей старого киевского государства Галицкое княжество раньше и прочнее других подпало под иноземную власть и добрых 500 лет пребывало под Польшей. За эти 500 лет её русская природа подвергалась величайшим насилиям и испытаниям. Её колонизировали немецкие, мадьярские, польские и иные нерусские выходцы. Особенно жестоким был их наплыв при Людовике Венгерском, когда Галиция (Червонная Русь) отдана была в управление силезскому князю Владиславу Опольскому, человеку, совершенно онемеченному. Он роздал немцам и венграм множества урядов, земельных владений, населил ими русские города, развил широкую сельскую колонизацию, посадив на галицийские земли немецких крестьян, дав им важные льготы по сравнению с коренным населением. Пусть не этим «привилегированным» удалось онемечить галицийцев, а сами

они русифицировались, но с тех пор в жилах галичан течёт немало чужой крови.

К расовым отличиям надлежит прибавить отличия религиозные. Галиция первой из древних русских земель отступила от православия и приняла Унию.

Наконец, язык её совсем не тот, что в Надднепровщине. Даже наспех созданная «литерацка мова», объявленная общеукраинской, не способна скрыть существования двух языков, объединённых только орфографией».

К этому Ульянов добавляет: «Украина училась в общерусских школах, читала русские книги и впитывала русскую образованность, Галиция училась по-польски, а потом, в XX веке, по-немецки. Несмотря на сильное развитие русофильства во второй половине XIX века, каждый образованный галичанин гораздо меньше имел понятия о Пушкине, Гоголе, Лермонтове, Гончарове, Толстом, Достоевском, чем о Мицкевиче, Словацком, Выспянском, Сенкевиче. Замечено, что даже сведения о России и Украине почёрпались галичанами чаще всего из немецкой печати. Удивительно ли, что ко многим вопросам кардинальной важности украинцы и галичане относились и относятся по-разному?»

И вот ещё: «Из всех ненавистников России и русского народа галицийские панукраинцы заслужили в настоящее время пальму первенства. Нет той брани, грязи и клеветы, которую они постеснялись бы бросить по адресу России и русских. Они точно задались целью всё скверное, что было сказано во все времена о России её врагами, сконцентрировать и возвести в квадрат. Что русские не славяне и не арийцы, а представители монголо-финского племени, среди которого составляют самую отсталую звероподобную группу...»

«Нам приходилось уже обращать внимание на исключительную по энергии пропаганду, развитую поляками в Ма-

лороссии после её присоединения к России, и на старание поссорить малороссов с царским правительством. В горнеле этой кипучей деятельности выработалась постепенно вся сумма воззрений на русских и на украинцев, которая в XIX веке была систематизирована, получила наукообразную форму и вручена была галичанам как евангелие украинского национального движения...» — резюмирует Ульянов.

Что ж, с началом Первой мировой войны появились так называемые сечевые стрельцы, воевавшие на стороне Австрии против России. Но, как говорит Ульянов, «мировая война кончилась крахом Австрийской империи и полным переворотом в судьбе Галиции. Она оказалась, как полтора ста лет тому назад, в составе возродившейся Речи Посполитой. Поляки сделались теперь не краевой, а государственной властью для русин; всё их поведение резко изменилось». Теперь врагом номер один стала Польша...

Если же говорить об украинской так называемой социал-демократии, то в двух словах это выглядит примерно так: в 1900 году была образована Украинская революционная партия (РУП), которая в 1905 году сменила своё название на Социал-демократическую рабочую партию. Манифестом этой партии стала брошюра Н. Михневского «Самостийна Украина» с таким эпиграфом: «Украина для украинцев». Именно оттуда вылез небезызвестный Донцов, оказавшийся потом совершенно далеко от социализма и рабочего движения.

Зато партии возникли, как политический маскарад, ибо так или иначе они уводили народ к сепаратизму. Оттуда же вышел и незабвенный Семён Петлюра...

Как считает Ульянов, «формальный украинский национализм победил при поддержке внешних сил и обстоятельств,

лежавших за пределами самостийнического движения и за пределами украинской жизни вообще. Первая мировая война и большевистская революция — вот волшебные слоны, на которых ему удалось въехать в историю».

Известный советолог и украинолог Джон Армстронг в своём труде «Украинский национализм» пишет: «Можно рассматривать УПА как миф. В этом случае термин «миф» не содержит никакого намёка на беллетристику; напротив... миф твёрдо базируется на историческом факте. Для двух послевоенных поколений украинцев, особенно в Западной Украине и в эмиграции, Украинская повстанческая армия не просто часть исторической памяти, а главная составляющая веры, трансцендентной истории, которые формируют самосознание». Но как с этим согласиться? Если история Украины была умышленно сфальсифицирована на основе распространения неверных сведений, подделок исторических документов, выдумок беллетристов и, наконец, из-за ошибок историков, что и привело со временем к тому самому «украинскому сепаратизму», окрашенному в галицийский, но никак не украинский цвет. Поэтому и УПА, и ОУН, и Бандера — это не проблема Украины. Это, скорее, проблема Западной Украины, а по сути, Галиции, ставшей Украиной благодаря тем же большевикам и «москалям». Бандера же вполне может быть героем Галичины, но никак не Украины. Его Организация и повстанческая армия проиграли испытание временем, потому что ни тогда, ни сейчас подлинная Украина не может гордиться связями с фашизмом, идеологией фашизма, резнёй поляков и евреев, истреблением собственного народа националистами.

ОУН не добилась поставленных целей только потому, что вся её идеология была лишь принаряжена в маскарадные наряды заведомо обречённых идей. А на Запад-

ной Украине другая проблема. Многовековое влияние Польши, высосанная из пальца ненависть к «москалям» продолжают играть с ней злую шутку. Ведь если УПА и Степан Бандера — её гордость, часть исторической памяти, то, возможно, она снова хочет стать прежней Галицией, а никак не Украиной. А кто не верит, читайте историю, читайте монографию Ульянова и не забудьте оглянуться назад. Всё в этой жизни имеет свойство повторяться!

ИСТОЧНИКИ

1. *Абрамов В., Харченко А.* Интернет: Бандера воспитывал себя колбасой и был «бабой». Сегодня.иа. 15 октября 2009 г.
2. *Армстронг Д.* Украинский национализм. М., 2008.
3. Архивная служба ВС РФ. Ф. 141, Оп. 244822. Д. 2.
4. Бандера С. Интернет: Автобиография.
5. Бандера С.А. Интернет: Перспективы украинской революции, часть 2.
6. *Безродный Е.Ф., Войцеховский А.А., Ткаченко Г.С., Шелюг М.П. и другие.* Без права на реабилитацию. Киев, 2006.
7. *Бердник М.* «Газета 2000». № 12 (359) 23—29 марта 2007.
8. Там же. № 51 (443) 19—25 декабря 2008 г.
9. *Богуслов Хневпек.* Культура от 17 августа 1983 г.
10. *Бондаренко К.* Профиль истории № 29(48—49) от 9 сентября 2008 г.
11. *Бондаренко К.* Профиль истории № 49 (68) от 20 декабря 2008 г.
12. *Бондаренко К.* Интернет: Отберите орден у Бандеры. Левый берег. 25 января 2010 г.
13. *Бондаренко К.* Интернет: Отберите орден у Бандеры. Левый берег. 27 января 2010 г.
14. *Бровко В.* Интернет: ОУН — Герои или преступники. Вольный журналист «Хай Вей». Общество. 7 мая 2007 г.

15. Бузина О. Интернет: Бандера душитель котов. Луганское кабельное телевидение 29 января 2010 г.
16. Былинин В.К., Коротяев В.И. Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 2. М., 2006.
17. ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 292.
18. ГА СБУ. Ф. 5. Спр. 67418. Т. 1.
19. Гогун А. Между Гитлером и Сталиным. Украинские повстанцы. СПб., 2004.
20. Гриневич В. Интернет: Gazeta.ua. 8 октября 2009 г.
21. Донцов Д. Национализм. Львов, 1926.
22. Донцов Д. Национализм. Винница, 2006.
23. Дудчак А.В., Маначинский А.Я. Интернет: Судороги выборов и фальшивые герои. Русская община.
24. Джугало С.-К.И. Интернет: Открытое письмо к украинцам на чужбине (1967 г.).
25. Дюков А. Второстепенный враг. ОУН и УПА и решение еврейского вопроса. М., 2008.
26. Интернет: Википедия (свободная энциклопедия). Бандера С.
27. Интернет: Википедия (свободная энциклопедия). Боровец Т. (Бульба-Боровец).
28. Интернет: Википедия (свободная энциклопедия). Донцов Д.
29. Интернет: Википедия (свободная энциклопедия). Заксенхаузен (концлагерь).
30. Интернет: Википедия (свободная энциклопедия). Кук В.
32. Интернет: Википедия (свободная энциклопедия). Львов.
33. Интернет: Википедия (свободная энциклопедия). Львовский национальный университет.
34. Интернет: Википедия (свободная энциклопедия). Мельник А.

35. Интернет: Википедия (свободная энциклопедия). Мюнхен.
36. Интернет: Википедия (свободная энциклопедия). Национализм.
37. Интернет: Википедия (свободная энциклопедия). ОУН.
38. Интернет: Википедия (свободная энциклопедия). «Пласт».
39. Интернет: Википедия (свободная энциклопедия). Пытка.
40. Интернет: Википедия (свободная энциклопедия). Ребет Л.
41. Интернет: Википедия (свободная энциклопедия). Фашизм.
42. Интернет: Википедия (свободная энциклопедия). Шухевич Р.
43. Интернет: Википедия (свободная энциклопедия). Ярый Р.
44. Интернет: Немного об абвере, ОУН, Рико Яром, Бандере... Украинское новостное интернет издание.
45. Интернет: Связой от абвера. Как получали деньги ОУН. Общественный форум «Остров».
46. Интернет: Воевали ли УПА с немцами. Немецкие документы. Наша Украина.
47. *Каптелов Б.И.* Военно-исторический журнал № 5, 1991 г.
48. *Ковальчук.* Свет и тени Дмитрия Донцова. День, № 146 от 16 августа 2008 г.
49. *Колесниченко В.* Украинское освободительное движение и «бандеровщина». Львов — главные новости. 14 октября 2008 г.
50. Коммунист (Киев) № 82 от 2 ноября 2007 г.

51. *Корман А.* Из кровавых дней Львова 1941 года. Лондон, 1991.
52. *Кротков А.* Вокруг Света от 15 июля 2008 г.
53. *Кузьминец А.* Степан Бандера. Перевод с украинского Шумова С., Андреева А. История Украины в особах. Киев, 1995.
54. *Левицкий П.* Интернет: Украина — новости. 14 октября 2009 г.
55. *Липовецкий С.* День, № 104, 13 июня 2008 г.
56. *Лобзина О.* Аргументы и факты на Енисее, № 45 (465) от 8 ноября 2006 г.
57. *Ляпчев А.* «Газета 2000» от 9 мая 2008 г.
58. *Марченко В.* Интернет: Цвета знамени Степана Бандеры. Лабиринт времён, 1999 г.
59. *Матвиейко М.В.* Чёрные дела ЗЧ ОУН. Киев, 1962.
60. *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. М., 2002.
61. *Муратов А.* Зеркало недели № 5 (634) 10—16 февраля 2007 г.
62. *Набытович И.* Интернет: Степан Бандера. Жизнь и деятельность. Хронос, 6 февраля 2005 г.
63. *Ожегов С.И., Шведов Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 2005.
64. *Передрук А.И.* Интернет: Украинский интегральный национализм. Донецкий коммуникационный ресурс. 22 июня 2007 г.
65. *Петров Н.* Иван Серов. М., 2005.
66. *Поддубный Л.А.* Бандеровские преступники: Роман Шухевич. Ч. 1—4. Интернет-издание «Современник».
67. *Полищук В.* Новая газета, № 45, декабрь 1996 г.
68. *Полищук В.* Новая газета, № 6, февраль 1996 г.
69. *Полищук В.* Правовая и политическая оценка ОУН и УПА. Торонто, 2006.

70. *Полищук В.* Критика «Отчёта рабочей группы историков при Правительственной комиссии по изучению деятельности ОУН и УПА. Основные тезисы по проблеме ОУН—УПА (исторический вывод)». Киев, 2006.

71. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1516.

72. *Россов О., Назаров Е.* «Газета 2000» № 43 (482). 23—28 октября 2009 г.

73. *Россов О., Назаров Е.* «Газета 2000» № 44 (483) 30 октября — 5 ноября 2009 г.

74. *Россов О. (Пыхалов И., Дюков А.)* Великая обогнанная война. М., 2008.

75. *Савченко С.Н.* Симон Петлюра. Харьков, 2004.

76. *Санников Г.* Большая охота. М., 2008.

77. *Санников Г.* Аргументы и факты № 45 (1046) от 8 ноября 2000 г.

78. *Семанов С.Н.* Нестор Махно. М., 2005 г.

79. *Скворцов Д.* Интернет: УПА против немцев не воевала! УРА-информ «Объективная газета» 11 ноября 2006 г.

80. Современный толковый словарь русского языка. М., 2004.

81. *Соколовская Я.* Командир украинских повстанцев Василь Кук прекратил войну с Россией. Известия. 13 октября 2003 г.

82. *Солодько П.* Последний генерал. Газета по-Киевски. 8 мая 2007 г.

83. *Сопельняк Б.* Национальная безопасность. 22 мая 2008 г.

84. *Судоплатов П.* Разведка и Кремль. М., 1996.

85. *Судоплатов П.* Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 г. М., 2001.

86. *Тинченко Я.* Интернет: Евгений Михайлович Коновалец. Националист № 1. Журнал Фокус. 1 февраля 2007 г.

87. *Ткаченко С.* Повстанческая армия: тактика борьбы. Минск, М., 2000 г.

88. *Трифонов А.* Интернет: Старейший националист Украины: «Мы не воевали против русских». Утро. ру. 3 марта 2004 г.

89. *Ульянов Н.И.* Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996.

90. *Хазан Л.* Интервью с доктором наук, профессором А. Чайковским. «Бульвар Гордона» № 1 (245) от 5 января 2010 г.

91. *Харченко А.* Интернет: Жители родины убийцы Бандеры до сих пор ненавидят соседа. Сегодня. иа. (истории Украина).

92. ЦА ФСБ РФ. Ф. 100. Оп. 11. Д. 7.

93. ЦА ФСБ РФ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 818.

94. ЦА ФСБ РФ. Ф. 4 ос. Оп. 9. Д. 24.

95. ЦА ФСБ РФ. Ф. 7. Оп. 3, Д. 803.

96. ЦГА ООУ. Ф. 57. Оп. 4. Д. 338.

97. ЦГА ООУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 962.

98. ЦГА ООУ. Ф. 1. Оп. 23. Д. 2961.

99. ЦГАОР СССР. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 379.

100. *Черкащенко И.* Карьерист, фанатик, террорист. Красная звезда от 4 марта 2009 г.

101. *Чернышёв В.* Интернет: Станный отец украинского национализма. Русский Донбасс.

102. *Чуб В.* Слава Родины № 1 (41) от 25 января 2003 г.

103. *Чуев С.Г.* Спецслужбы III рейха. Книга 1. СПб., 2003.

104. *Шведко С.* Интернет: Бандера замедленного действия. Кид. Юго-восточная лига.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА.....	3
Глава 1. УНИВЕРСИТЕТЫ.....	4
Глава 2. ОПЫТ БОРЬБЫ (ТЕРРОР).....	23
Глава 3. ИДЕОЛОГИЯ БОРЬБЫ	43
Глава 4. НКВД ПРОТИВ ОУН.....	60
Глава 5. БЕСПОЩАДНАЯ ВОЙНА ЗА ВЛАСТЬ	77
Глава 6. ОУН НАКАНУНЕ	96
Глава 7. «СЛАВА УКРАИНЕ!».....	111
Глава 8. СОЗДАНИЕ УКРАИНСКОЙ ПОВСТАНЧЕСКОЙ АРМИИ.....	127
Глава 9. «СЛАВА ГЕРОЯМ!»	146
Глава 10. ДОЖДАТЬСЯ ВЗРЫВА «ЧУМЫ».....	162
Глава 11. БЕСЕДЫ С КУКОМ	182
Глава 12. ВО ИМЯ ЧЕГО?.....	208
Глава 13. ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ ИСТОРИИ.....	230
Глава 14. ПРОВОДНИК ОУН И ЧУЖЕСТРАНЕЦ.....	234
Глава 15. УБИЙЦА И ЖЕРТВЫ.....	254
Глава 16. СТЕПАН БАНДЕРА И УКРАИНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ.....	267
ИСТОЧНИКИ.....	281

Научно-популярное издание

Военный архив

Смыслов Олег Сергеевич

СТЕПАН БАНДЕРА

«Икона» украинского национализма

Выпускающий редактор *А.А. Александров*

Корректор *О.Н. Богачева*

Верстка *И.В. Левченко*

Художественное оформление *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 25.09.2014. Формат 84×108 ¹/₃₂.

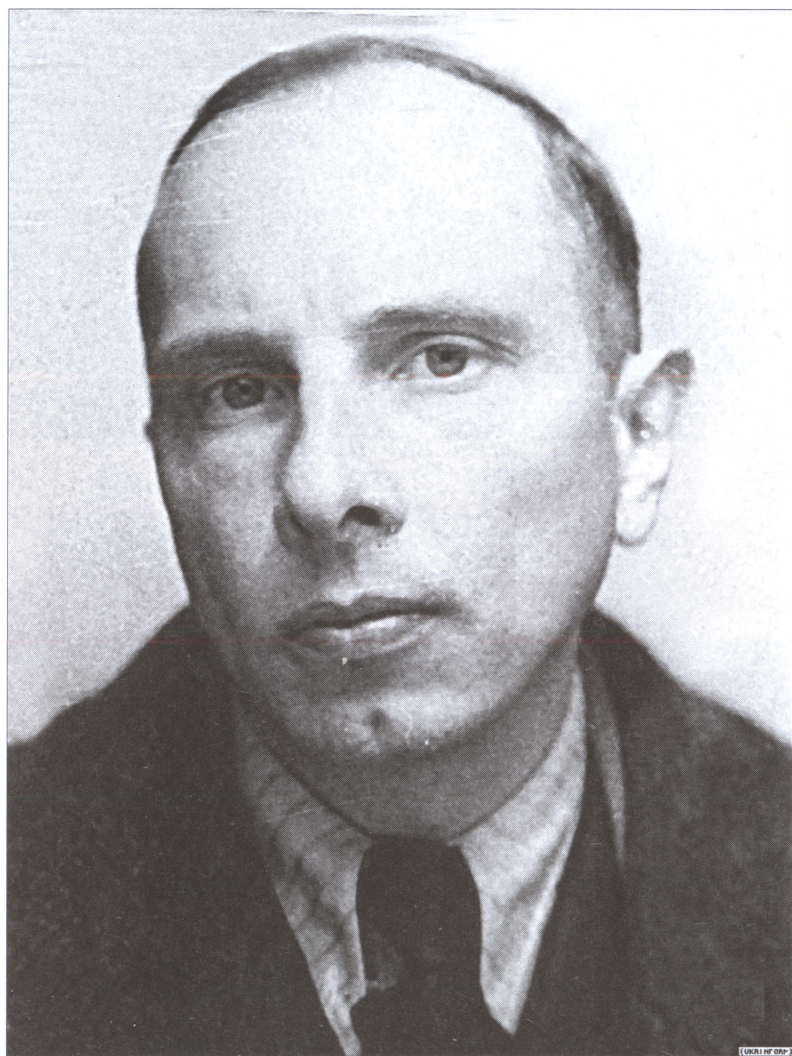
Гарнитура «PetersburgС». Печать офсетная. Бумага газетная.

Печ. л. 9. Тираж 2000 экз. Заказ № 2443.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

e-mail: printing@r-d-p.ru www.r-d-p.ru

Степан Бандера

Степан Бандера (справа) и его товарищ по украинской скаутской организации «Пласт»

Группа пластовцев. Крайний справа Степан Бандера

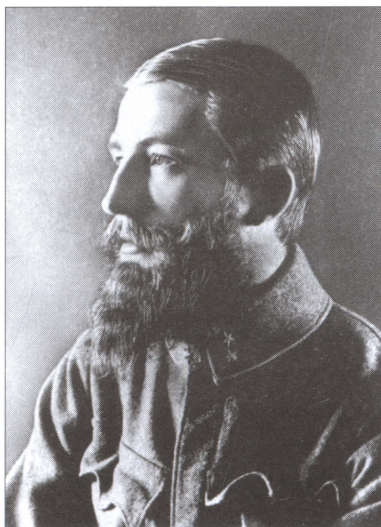
Бандера среди одноклассников

*Бандера (стоит четвертый слева) среди соратников.
Снимок сделан 21 октября 1928 г.*

Бандера в национальном костюме

Андрей Мельник

Евгений Коновалец

Павел Судоплатов с супругой

Газетное сообщение об убийстве Коновальца с фотографией с места происшествия

Дом семьи Бандеры в Старо-Уринове

Церковь, где венчался Бандера

Приветствие от бандеровцев Гитлеру

Еврейский погром. Июль 1941 г. Гражданские лица на глазах у германского полицейского тащат по улице избитого еврея

Еврейский погром во Львове. Июль 1941 г. Украинский националист издевается над женщиной

*Еврейский погром во Львове. Июль 1941 г.
Украинские националисты избивают еврея*

Еврейский погром во Львове. Июль 1941 г. Львовяне избивают еврейку

Удостоверение личности Бандеры, которым он пользовался во время пребывания в послевоенной Германии

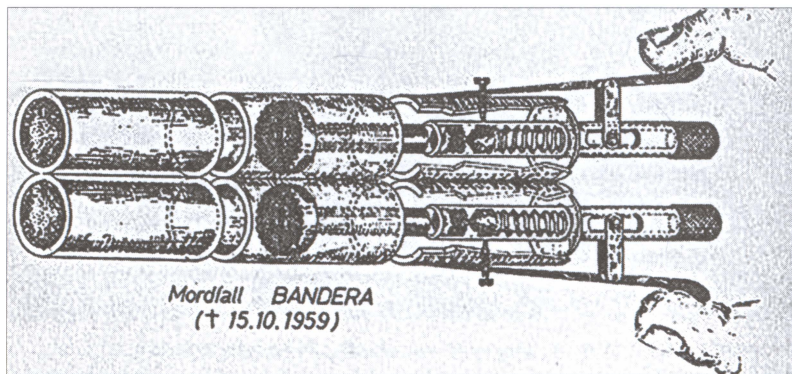
С соратниками по борьбе. Бандера — в центре. Остальные — слева направо: 1-й — Дария Ребет, 4-й — Степан Ленкавский, 5-й — Дмитро Андиевський, 7-й — Андрей Мельник, 8-й — Микола Капустянский

*Выступление Бандеры 23 мая 1958 г. на могиле Коновальца
в день 20-летия со дня гибели*

Убийца Бандеры — Богдан Сушинский

Устройство, из которого Сушинский убил Бандеру

Степан Бандера в гробу

Паспорт Богдана Сушинского

Сообщение о смерти Бандеры

Могилы Бандеры в Мюнхене

Памятник Степану Бандере во Львове

ВОЕННЫЙ АРХИВ

Эта книга рассказывает о жизни, борьбе и смерти вождя украинских националистов и яркого врага России Степана Бандеры. Кем был человек, которого сначала сделали Героем Украины, а потом лишили этого звания? Был ли он борцом или обыкновенным преступником? На эти и другие вопросы отвечает в своей новой работе Олег Смыслов. Книга издается в авторской редакции.

ISBN 978-5-4444-2298-4

9 785444 422984

